АВРААМ РУССО:

*«Я стараюсь быть светлым человеком,
поэтому живу и радуюсь жизни»*

О жизни Хильдегарды Бингенской читайте на стр. 78

Из российской истории

Алла Зубкова **Король дипломатии** 4

Забывшие имена

Александр Ралот **Смерть в «Париже»** 15

История одной странной любви

Светлана Марлинская **«Вспоминайте меня иногда...»** 20

Рассказ

Анвар Кашин **Осенний сон** 26

Донбасские истории

Юлия Хабарова **Тишка** 44

Замечательные современники

Дмитрий Соколов **Авраам Руссо: «Музыка — это море, которое имеет много направлений»** 47

Дарья Парчинская **Мария Кременецкая: «Благодаря свободе на сцене я легко себя чувствую в любом жанре и стиле»** 88

Роман-антиутопия

Александр Куприянов **Бабочка Когню** 52

Из глубины веков

Ирина Опимах **Художница из Средневековья** 78

Житейские истории

Татьяна Окоменюк **«Шоколадная» любовь** 96

Звезды не гаснут

Юрий Осипов **Непостижимый Тарантино** 112

Детектив

Андрей Дышев **Троянская лошадка** 128

Кроссворд. Эрудит 188

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Певец и композитор Авраам Руссо.
Фото из личного архива

Иллюстрации

Сотов Иван Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена»».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127015 Почтовое отделение
Россия, Москва, Бутырская
улица, 21, а/я 52
для ООО "Журнал "Смена"

www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс»**,
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.08.2024

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора

ВНИМАНИЕ, конкурс

Дорогие читатели!

У многих из нас живет дома какой-нибудь домашний питомец: собака, кошка, попугай или канарейка, даже черепаха... Они настолько искренне привязаны к своему хозяину, что невозможно не ценить эту бескорыстную и нежную дружбу. Это действительно наши «братья меньшие», и называют их так из-за глубокой к нам привязанности. Если мы относимся к своим питомцам с лаской и любовью, они отвечают нам тем же, потому что это самые верные и преданные существа. И при этом мы нуждаемся в них не меньше, чем они в нас. Не стоит забывать строки из «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Пишите нам о своих любимцах, об их повадках, характере, о вашей взаимной дружбе, которая словно очищает душу и наполняет ее любовью не только к вашему питомцу, но и помогает немного другими глазами воспринимать окружающий нас мир.

Вот поэтому мы и решили в 2024 году объявить среди наших подписчиков конкурс

«БРАТЯ НАШИ МЕНЬШИЕ»

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца октября 2024 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2025 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена»

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

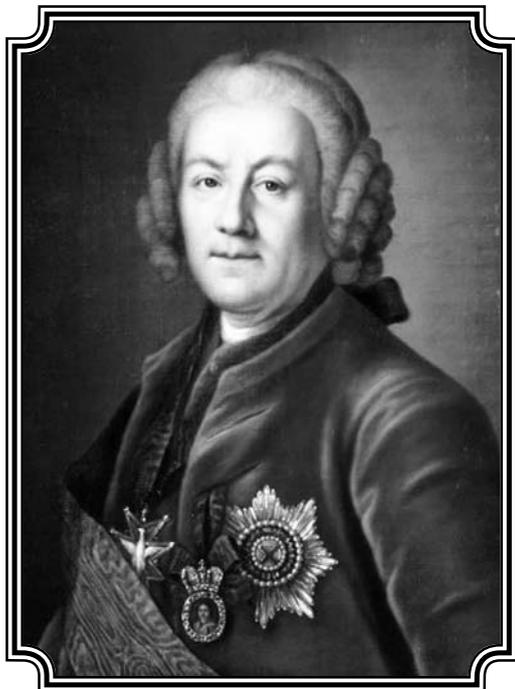
*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

КОРОЛЬ ДИПЛОМАТИИ

Алла Зубкова

Личность Верховного канцлера Российской империи в годы правления Елизаветы Петровны Алексея Петровича Бестужева-Рюмина известна современному читателю разве что по романам Валентина Пикуля и популярному сериалу «Гардемарины, вперед!» Там роль канцлера великолепно сыграл Евгений Евстигнеев. Между тем, даже сегодня этот необычайно талантливый, сложный и противоречивый человек вызывает у историков не меньше споров, чем у его современников почти три столетия назад.

Начать с того, что нет единого мнения даже о происхождении предков этого дипломата и политика. Некоторые исследователи полагают, что Алексей Петрович был потомком новгородцев, вывезенных Иваном III в Москву после ликвидации независимости Новгорода. Фамилия его имеет русские корни «бестуж» — «не докучающий ничем». Другие историки считают, что далекие предки Алек-

сея Петровича волею случая еще в начале XV столетия навсегда покинули Кентское графство Великобритании и поселились в Московском государстве. Происходили они из древнего рода дома Бестюров — потому что впоследствии нарекли их на русский манер Бестужевыми. В подобной генеалогии по тем временам не было ничего необычного — многие иностранцы обрели свою вторую

родину в гостеприимной России. Так появился в Москве в середине XVII века шотландец Вильям Брюс. Царь Алексей Михайлович принял его на военную службу. Сыновья же Брюса — Яков и Роман — стали ближайшими сподвижниками Петра I.

Второй частью своей фамилии — Рюмины-Бестужевы были обязаны сыну основоположника их рода, который еще в конце XV века получил прозвище Рюма. Ну а в 1701 году Петр I дал разрешение отцу будущего канцлера, Петру Михайловичу, именоваться Бестужевым — Рюминым.

Граф Петр Михайлович делал при первом русском императоре успешную карьеру — был воеводой в Симбирске, выезжал с дипломатическими миссиями в европейские столицы. В 1712 году он получил важный пост гофмейстера при дворе вдовствующей герцогини Курляндской Анны Иоанновны, а позднее ухитрился стать и любовником будущей российской императрицы.

Граф имел двух сыновей. Младший, Алексей, родился в Москве 22 мая 1693 года. Вместе со старшим, Михаилом, он в 1708 году вошел в число молодых людей, которых Великий Петр, возлагавший на них большие надежды, отправил учиться за границу. Алексей Бестужев оправдал эти надежды: в Копенгагене окончил курс датской академии, в Берлине продолжал занятия в Высшем Коллегиуме. Он с большим прилежанием овладевал обще-

образовательными предметами, показал большие успехи в изучении латинского, французского и немецкого языков. Позднее, находясь длительное время в Лондоне, овладел английским.

Посетив в 1712 году Ганновер, Алексей был представлен курфюрсту Георгу Людвигу и так понравился ему, что тот, с согласия Петра I, сделал юношу своим камер-юнкером. Ну а когда через два года курфюрст Георг Людвиг стал английским королем Георгом I, никто иной, как Алексей Бестужев-Рюмин был отправлен в Санкт-Петербург в качестве главы посольства, чтобы известить дружественную Россию о вступлении Георга на английский престол. Петр был в восторге, увидев своего двадцатилетнего подданного в ранге чрезвычайного посланника — ведь это было свидетельством явных успехов молодой России в ее сближении с Западом. Вернувшись в Англию, Бестужев прослужил Георгу еще три года с большой для себя пользой. Все, чему он там научился, пригодилось ему потом и великолепно подготовило к той политической роли, которую Алексею предстояло сыграть в зрелом возрасте.

Надо сказать, что помимо ума, хладнокровия, расчетливости и умения разбираться в хитросплетениях европейской политики, Бестужев довольно рано проявил и другие качества своего характера — он оказался прирожденным царедворцем, готовым на чрезмерную лесть, угод-

ливость и даже прямое предательство. Все это, в соединении с определенной долей авантюризма и склонностью к интриге, и побудило молодого Бестужева совершить в годы пребывания в Лондоне опрометчивый шаг, который вполне мог стоить ему не только карьеры, но и жизни. Узнав о бегстве сына Петра, царевича Алексея в Австрию, он написал ему письмо с уверением преданности и готовности служить «будущему царю и государю». Горя желанием не пропустить «конъюнктуру» и сделать карьеру, он ловко объяснил царевичу свое пребывание в Лондоне желанием удалиться из России, где обстоятельства якобы не позволяли ему служить царевичу так, как он желал. По тем временам это было страшное государственное преступление — измена, участие в заговоре. Но чудо (а это не раз случалось в карьере Бестужева) спасло его во время розыска по делу царевича Алексея в 1718 году: письмо не попало в руки императора, а сам царевич, выдавший десятки своих приближенных и сочувствовавших, о Бестужеве не упомянул. Можно представить себе, как дрожал Бестужев, распечатывая каждую пришедшую из Петербурга депешу. Ведь его в любой момент могли вызвать в Россию. Могли схватить в посольстве, на улице, препроводить на корабль, доставить в Санкт-Петербург и подвергнуть страшным пыткам в Петропавловской крепости, а потом сослать в Сибирь. Но все обошлось...

В 1718 году Бестужев все-таки вернулся в столицу. Не подозревавший о его измене, Петр назначил молодого человека обер-камер-юнкером при дворе курляндской герцогини Анны Иоанновны, где служил его отец. Пост этот был довольно незначительным, но пробыл на нем Бестужев целых два года. Возможно, у Петра все-таки были какие-то сомнения относительно лояльности своего прежнего любимца. Тем не менее, «ссылка» в Митаву благополучно завершилась, и император снова призвал Бестужева на «настоящую» службу: в 1721 году отправил его на первый самостоятельный дипломатический пост министром-резидентом в Данию, при дворе короля Фредерика IV.

После заключения Ништадтского мира 1721 года дипломатическая миссия в Копенгагене устроила такой роскошный праздник в честь русского оружия и гения великого императора, что известие об этом дошло до Петра, который в то время был в Персидском походе. Через два года при личной встрече в Ревеле, царь, обладавший отменной памятью, наградил Алексея Петровича своим миниатюрным портретом, осыпанным бриллиантами. Бестужев очень дорожил царским подарком и всегда носил его на груди. До конца жизни он утверждал, что память об императоре для него священна. Что ж, возможно, он не лукавил, а его письмо царевичу Алексею было непродуманным спонтанным по-

ступком молодого честолюбца, желавшего как можно быстрее войти в число людей, приближенных к трону.

В годы пребывания в Копенгагене интересы Бестужева не ограничивались дипломатической деятельностью. Неожиданно он увлекся химией и совершил открытие, которое без преувеличения принесло ему европейскую славу. Алексей Петрович изобрел капли, которые, по отзывам современников, укрепляюще действовали на нервную систему — спиртоэфирный раствор хлористо-

ления французскому бригадному генералу Ламотту, который представил их французскому королю и получил за них большую награду. Слава о новом «секретном лекарстве» разошлась по всей Европе. Гораздо позже через лейб-медика Роджерсона о нем было доложено Екатерине II. Императрица повелела опубликовать рецепт капель в «Санкт-Петербургском Вестнике»...

По некоторым сведениям, именно в Копенгагене Бестужев женился. Его супругой стала Анна Иванов-

---

Когда Бирона свергли недовольные гвардейцы, его арестовали, а вместе с ним и Бестужева-Рюмина, которого приговорили к четвертованию, но затем помиловали и отправили в ссылку. Но там он пробыл недолго, потому что после переворота на престол взойшла Елизавета Петровна, и за Бестужева усердно хлопотал лейб-медик императрицы Лесток. Вот тогда перед Алексеем Петровичем открылся путь к вершинам власти

го железа, надолго вошедший в историю медицины под названием капель Бестужева. Кстати, в Европе они были известны также под названием «капель датского короля», хотя ни один датский монарх не имел к ним никакого отношения. Тем не менее, это название также закрепилось за «чудодейственным эликсиром». (Помните песенку из кинофильма «Женя, Женечка и «Катюша» с припевом — «капли датского короля пейте, кавалеры!») Состав капель хранился втайне, пока аптекарь, помогавший Алексею Петровичу, не продал секрет их изготов-

на Беттигер, дочь бывшего русского резидента в Нижней Саксонии, которого в свое время часто навещали Петр I с женой Екатериной. Шло время, и Алексей Петрович стал тяготиться своим положением в Дании. Ему было уже тесно в «тихом датском омуте». Его тянуло домой, где перед ним могли открыться новые политические горизонты, где могли развернуться его честолюбие и ловкость и где, возможно, его ждало быстрое возвышение. Однако повезло ему далеко не сразу. После смерти Петра I карьера Бестужева-Рюмина застопорилась. Всесильный

при Екатерине I Александр Данилович Меншиков терпеть не мог старшего Бестужева и отнюдь не собирался покровительствовать сыну. Лишь после прихода к власти Анны Иоанновны в 1730 году Алексей Петрович покинул Копенгаген, получив не очень престижную должность резидента в Гамбурге, но дальше его карьера пошла в гору. В конце 1734 года Бестужева опять перевели в Данию, но уже с награждением орденом Александра Невского. Через два года он получил чин тайного советника, а затем был призван ко двору в Петербург. Там он попал в поле зрения могущественного фаворита Анны Иоанновны, Эрнста Иоганна Бирона, который включил ловкого молодого че-

ловека в свой ближний круг.

Политическая ситуация менялась быстро, словно в калейдоскопе. Скончалась Анна Иоанновна, Бирон стал регентом при малолетнем Иоанне Антоновиче, но вскоре его свергли недовольные гвардейцы во главе с фельдмаршалом Минихом. Бирона арестовали. Вместе с ним в Шлиссельбургской крепости оказался и приближенный к нему Бестужев-Рюмин. Он был жутко напуган: от него требовали «утопить» Бирона — дать против него такие показания, которые не позволят ему выкрутиться. Алексей Петрович согласился, но затем произошло то, что историкам до сих пор не удается объяснить. На очной ставке Бестужев отказался от всех страшных обвинений, которые возвел на своего бывшего патрона. «Жестокость обращения, страх, угрозы вынудили меня к ложному обвинению герцога», — заявил он.

Его приговорили к четвертованию, но затем объявили о помиловании и от-

правили в ссылку. Впрочем, там он пробыл недолго. Переворот 25 ноября 1741 года возвел на российский престол Елизавету Петровну, и Бестужеву удалось заручиться поддержкой влиятельного лейб-медика новой императрицы, француза Лестока, который нуждался в услугах опытного и умного дипломата. Лучшего кандидата было не сыскать. Перед Алексеем Петровичем открылся путь к вершинам власти. Он составил манифест о восшествии на престол Елизаветы и уже через неделю получил орден Святого апостола Андрея Первозванного — высшую награду Российской империи. Затем стал сенатором и вице-канцлером.

Зиму 1744 года Бестужев встречал уже канцлером. Это был наивысший гражданский чин по петровской табели о рангах. На этом посту ему суждено было провести четырнадцать лет, фактически самостоятельно определяя курс внешней политики России.

Елизавета не любила своего канцлера и с трудом переносила его общество. Ее, вечно занятую балами и спектаклями, утомляла его назойливость. Государыня брезгливо принохивалась к нему: все знали, что Алексей Петрович был горьким пьяницей. По утрам он отчаянно страдал от похмелья. Изобретатель целительных капель сам никогда ими не пользовался, предпочитая рассол и так называемые кислые щи — вид древнерусского кваса. В то же время Бестужев обладал колоссальной

работоспособностью и чувством ответственности. Именно поэтому канцлер сумел добиться безусловного доверия государыни...

Как и многие выдающиеся люди, он имел характер тяжелый и вздорный, а честолюбие его ограничивалось только боязнью потерять свое высокое место. Резкий, порой необузданный и крутой в отношениях с людьми, он был деспотом и хамом с подчиненными, нередко пускавшим в ход кулаки. Кляузник и доносчик, Бестужев не останавливался ни перед чем, лишь бы опорочить своих врагов. Он мог донести на соперника, обвинив его в том, что тот в гостях не захотел пить за здоровье фаворита императрицы. Или наядедничать на какого-нибудь сановника, который на дипломатическом приеме, выслав тост с пожеланием государыне больше лет здравия, чем было капель в бокале, наливал в свой фужер вина «всего ложки полторы», да и то разбавляя его водой.

Не испытывая ни малейшей симпатии к своему канцлеру, Елизавета, тем не менее, не удаляла его от себя, потому что он «всегда говорил дело и знал все наперед», оставаясь истинным королем российской дипломатии. Бестужев блистал образованностью, был опытен, прекрасно разбирался в европейской политике, был патриотом, или, как тогда говорили, «верным сыном Отечества».

Канцлер так долго продержался у власти не только благодаря своим феноменальным деловым качест-

вам и удивительным способностям к интриге. Он в совершенстве постиг нрав, вкусы, пристрастия и пороки Елизаветы Петровны, умел ее наблюдать, как астроном наблюдает яркую комету. Недаром один из современников писал, что канцлер изучал императрицу как науку. Со временем он стал выдающимся «елизаветоведом»: точно определял, когда нужно подойти к императрице с докладом, чтобы заставить ее слушать, а когда лучше удалиться. Как привлечь внимание легкомысленной Елизаветы, какие детали ей инте-

скрывается личность подозрительная, мнительная, тщеславная, но и гордая от сознания того, что она — дочь Петра Великого, что ей предназначено Богом и судьбой продолжить славные дела отца. Возможно, именно поэтому в угоду ей Бестужев и назвал принципы, которыми руководствовался во внешней политике «Системой Петра Великого», хотя историки полагают, что с дипломатией Петра эта система имеет мало общего.

У Бестужева было немало врагов и в России, и за ее пределами. Са-

---

Не испытывая ни м алейшей симпатии к своему канцлеру, Елизавета, тем не менее, не удаляла его от себя, потому что он «всегда говорил дело и знал все наперед», оставаясь истинным королем российской дипломатии. Он был опытен, блистал образованностью, прекрасно разбирался в европейской политике и был настоящим патриотом, или, как тогда говорили, «верным сыном Отечества»

ресны, как незаметно вложить ей в голову нужную идею, а потом развить ее так, чтобы государыня считала эту мысль своей собственной. Зная, что царица ленива и бумаги читать не любит, Бестужев приписывал на конверте: «Ее величеству не только наисекретнейшего и важнейшего, но и весьма ужасного содержания», и был уверен — любопытная царица конверт вскрыет непременно.

Он сразу понял, что за внешним показным легкомыслием Елизаветы

мым опасным внешним врагом канцлера был прусский король Фридрих II. Фридрих без устали интриговал против Бестужева, не оставляя при этом надежды его подкупить. Он готов был заплатить ему за сотрудничество колоссальную сумму — 150 тысяч червонцев. Но даже такая огромная сумма не соблазнила Алексея Петровича.

При этом уместно отметить, что Бестужев, который отнюдь не был бессребреником, брал от иностранных дипломатов взятки. Более того,

известно, что, жалуясь на свою, якобы, беспросветную нужду, он вымогал у послов деньги. Но у Бестужева был свой принцип: он не брал взятку от врагов России — пруссаков и французов. В то же время он не считал зазорным получать «вспомоществование» от послов стран, благожелательно настроенных к России — англичан и австрийцев. Ну а что касается интриг врагов России, то Бестужев всегда был начеку и готов ответить ударом на удар. Он был организатором отлаженной системы российской разведки, в результате имел четкое представление о действительных целях противников России как в самом Петербурге, так и за границей. Еще будучи вице-канцлером, Алексей Петрович начал организовывать службу перехвата и вскрытия депеш иностранных послов в России. Простой перлюстрации здесь было мало, потому что самые интересные и важные сведения передавались шифрованным текстом. Перед ним встала задача дешифровки перехваченных депеш и форсирования дипломатических кодов. Именно Алексею Петровичу пришла в голову идея использовать для этой цели специалистов — математиков из Академии наук. Контрразведка Бестужева также оказалась на высоте. Русский дипломатический шифр не удалось раскрыть никому, к тому же он часто менялся.

Говоря о врагах канцлера в России, нельзя не упомянуть одного из самых непримиримых. Это был ...

старший брат Алексея Петровича — Михаил Петрович. Он также был дипломатом, притом очень талантливым. Разумеется, Михаил Петрович завидовал успешной карьере брата. Но дело было не только в этом. Причина, по которой он перешел в стан врагов брата, скорее всего, носила личный характер. Михаил был обижен на него за то, что тот не помог ему ни тогда, когда его супруга Елизавета Ягужинская в 1743 году за участие в заговоре против Елизаветы была с «урезанным» языком сослана в Сибирь, а он сам три месяца просидел в тюрьме, ни тогда, когда в 1749 году решил жениться вторично (хотя Ягужинская была жива) и тайно обвенчался в Дрездене с богатой саксонкой. Елизавета была возмущена, долго не признавала этот брак, и Алексей Петрович присоединился к ее мнению.

Впрочем, в это время канцлера интересовали гораздо более важные для государства дела. Брак наследника престола Петра Федоровича и великой княгини Екатерины Алексеевны до сих пор оставался бездетным. Это тревожило императрицу, она была озабочена тем, чтобы найти для великой княгини «дееспособного кавалера», и осуществить эту деликатную миссию поручила Бестужеву. Он нашел подходящую кандидатуру — кавалера великокняжеского двора Сергея Васильевича Салтыкова — красавца и бонвивана. Канцлер образцово выполнил порученное ему задание,

составив подробнейшую инструкцию для любовника. И именно он позднее отошлет Салтыкова с дипломатической миссией в Швецию. Историки до сих пор спорят о том, кому обязан появлением на свет будущий император Павел I — Петру Федоровичу или Салтыкову. А благодарная великая княгиня прониклась доверием к хитроумному канцлеру, который с того времени стал ее негласным советником.

С середины 50-х годов постоянно ухудшающееся состояние здоровья императрицы все больше тревожило Бестужева. Великий князь Петр Федорович, ярый сторонник прусского короля Фридриха, давно ненавидел канцлера, и Бестужев понимал, что переход власти в руки этого человека приведет к кардинальной смене внешней политики страны и к неминуемой опале его самого. Решив не допустить прихода на российский престол Петра III, он затеял интригу в пользу его жены Екатерины Алексеевны, с тем, чтобы после смерти Елизаветы привести ее к власти, а самому стать при ней первым министром.

Тем временем фельдмаршал Апраксин, соратник Бестужева, нанеся поражение прусским войскам при Гросс-Егерсдорфе, неожиданно отвел свои войска обратно к границам России. Возможно, это объяснялось неопределенностью ситуации в связи с ухудшением здоровья Елизаветы. Выздоровевшая Елизавета рас-

ценила это как измену. Апраксина собирались судить, но он умер во время первого же допроса. Елизавета решила выяснить подробности подозрительной переписки канцлера и фельдмаршала и планы Бестужева в отношении великой княгини. Бестужев, почуяв опасность, заранее предусмотрительно уничтожил все компрометирующие его бумаги и письма. Тем не менее, он оказался в очень сложном положении. Его вызвали, вернее, доставили в Зимний дворец, где разгневанная императрица потребовала от него объяснений. Бестужев попытался оправдаться, но судьба его была предрешена. Елизавета приказала взять канцлера под стражу. Посаженного под домашний арест Бестужева раздели донага и отняли у него бритвы, ножи, ножницы, даже иголки и булавки. Четыре гренадера с примкнутыми штыками дежурили в его кабинете и спальне дено и ноцно. Бестужева лишили всех чинов и званий, конфисковали имущество, в том числе серебряный сервиз весом в девятнадцать пудов, который был отправлен на монетный двор для расплавки. Единственное, что не отдал бывший канцлер, это подаренный ему Петром I его миниатюрный портрет, украшенный бриллиантами.

Следствие длилось больше года, однако специальная комиссия так ничего и не смогла доказать. Тем более что союзница Бестужева,

великая княгиня Екатерина Алексеевна, на допросе, который устроила ей сама Елизавета, держалась стойко и канцлера не выдала. И все-таки Бестужев был признан виновным и приговорен к отсечению головы. Впрочем, казнь была заменена ссылкой в одну из оставшихся у него деревень, поскольку смертная казнь Елизаветой вообще была отменена.

Деревню, в которой Бестужев отбывал ссылку, он, в связи с постигшим его несчастьем, назвал Горетово. Долгое время он с женой и сыном жил в обычной курной избе и лишь позднее переехал в специально построенный для него дом. Там Алексей Петрович пережил тяжелую семейную драму: в 1761 году в Горетове умерла его жена, сын же, по выражению Бестужева, вел себя «непотребно» — пил и дебоширил. Сам Алексей Петрович жил тихой размеренной жизнью. Он бросил пить, отпустил бороду, утешая себя чеканкой медалей. Увлёкся богословием и собирал изречения из Священного писания.

Шло время. В декабре 1761 года скончалась Елизавета, и на трон взошел Петр III. Бестужев еще больше затаился — слишком хорошо ему были известны чувства, которые испытывал к нему новый государь. Петр не скрывал своей ненависти к бывшему канцлеру, который интриговал против него в пользу его супруги. Однако вскоре случился

июньский переворот 1762 года, и Петр был свергнут. Новая государыня нуждалась в советах опытного дипломата и царедворца, но назначать бывшего канцлера на высшую должность не собиралась. Наступало новое время. Нужны были новые подходы во внешней политике. Екатерина сомневалась, что сильно одряхлевший Бестужев окажется на высоте положения. Впрочем, сам Алексей Петрович считал себя еще вполне пригодным для великих дел. Отсутствие у него высокой должности императрица компенсировала максимумом почета и внимания. Она обращалась к нему в самой теплой манере: «Батюшка Алексей Петрович!»

Бестужеву вернули все чины и ордена, назначили пенсию, выплатили жалование за годы ссылки. Ему было возвращено конфискованное имущество, уплачены его долги в казну. Формально он играл роль первого советника императрицы, но реальной власти не имел, поэтому затосковал. Он понимал, что императрица теряет к нему интерес, однако не сдавался. Ему пришла в голову удачная, по его мнению, идея: разом услужить и императрице, и ее фавориту Григорию Григорьевичу Орлову. Зная тайну брака Елизаветы Петровны с Алексеем Григорьевичем Разумовским, он подал Орлову идею официально жениться на Екатерине II и стал собирать подписи среди дворянства в пользу этого брака. Особого сочувствия инициатива Бестужева не вызвала. Особенно недовольна этим предложением была гвардия — инициатор и исполнитель всех последних государственных переворотов, хотя сам Орлов был представителем именно этой военной прослойки. Императрица поставила вопрос на обсуждение в Государственном Совете. Зал хранил гробовое молчание. Тогда встал всеми уважаемый Н.И. Панин и твердо заявил: «Императрица делает, что захочет, но госпожа Орлова не может быть русской императрицей». Екатерина немедленно закрыла заседание...

Последние годы жизни Алексея Петровича были омрачены тревога-

ми и огорчениями, вызванными поведением единственного сына. Граф Андрей был человеком буйным, склонным совершать необдуманные поступки. Отец сделал все, чтобы обеспечить своему отпрыску достойное место при дворе. По его просьбе Андрей получил чин тайного советника и орден Андрея Первозванного — то есть высшее отличие империи. Он, однако, не мог удержаться ни на одной из предложенных ему высоких должностей. Даже отцу он угрожал тростью, а с подчиненными и вовсе не церемонился. Доведенный до отчаяния, Алексей Петрович обратился к Екатерине II с просьбой лишить сына всех чинов и орденов и сослать его в монастырь. Он даже намеревался лишить непотребного сына наследства, но не успел. Бывший российский канцлер тихо скончался 10 апреля 1766 года. Об обстоятельствах его смерти, а также о месте похорон никто из современников воспоминаний не оставил.

Так закончил свой земной путь граф **Алексей Петрович Бестужев-Рюмин**, человек, сыгравший чрезвычайно важную роль в формировании внешнеполитического курса России в середине XVIII века. И пусть он не всегда руководствовался высокими моральными идеалами, слава России не была для него пустым звуком, и он немало потрудился на ее благо. □

Александр Ралот

Смерть в «Париже»

«Самое прекрасное, что мы можем испытать, — это ощущение тайны. Она есть источник всякого подлинного искусства и всей науки. Тот, кто никогда не испытал этого чувства, кто не умеет остановиться и задуматься, охваченный робким восторгом, тот подобен мертвецу, и глаза его закрыты».

Альберт Эйнштейн

1839 год. Санкт-Петербург. Зимний дворец

Император устало взглянул на стопку папок, лежащих на его столе, с минуту помедлил, вздохнул, затем открыл верхнюю. Прочитал: «Личное дело бывшего главы российского посольства в Афганистане» и сопроводительную записку: «Наградить одного штабс-капитана орденом и поздоровить с переводом в гвардию».

Николай I еще раз перечитал записку, затем встал, подошел к окну,

с минуту глядел на дворцовую площадь, припоминая, как много лет назад его старший брат, великий князь Константин Павлович, наместник Польши, прислал в его канцелярию депешу, в которой утверждалось, что этот молодой дворянин — один из активных членов подпольного кружка гимназистов «Черные братья», и указ:

«В солдаты. Без выслуги. С лишением дворянства. Навечно».

«Кто из нас не совершает в юности всякие глупости? Этот дипломат

и разведчик уже раз сто искупил свою вину, — пронеслось в голове у самодержца, — а посему должен получить награду по заслугам своим!»

Взяв со стола колокольчик, он повелел, не мешкая, пригласить заждавшегося офицера.

— Прошу меня простить, но его нигде нет, не изволили явиться, — запинаясь, промямлил адъютант, переминаясь с ноги на ногу.

— Не понял! К царю на прием не явился?! Снова вольнодумствовать вздумал?! — гаркнул император, теряя терпение. — Немедленно разыскать и доставить сюда, без всякого промедления!

Санкт-Петербург. Полицейское управление

Из документов дела «Об имевшем место смертельном случае в гостинице «Париж», расположенной по адресу: улица Малая Морская, дом №17».

«Я, Горохов Тишка, то есть Тимофей, служу коридорным в этом трактире, то есть, не в ем самом, а в меблированных комнатах, которые над им имеются.

Значится, в ту проклятущую ночь, я, ей-богу, не спал и слышал тихий щелчок, похожий на пистолетный выстрел, который шел из одного номеров, но дальше ничего не происходило, тишина стояла. Ни криков каких, ни стонов.

Ну, я и не стал шуму подымать. Неча за просто так господ посети-

телей беспокоить. Так и без чаевых запросто остаться можно.

А утром, часиков около девяти, пошел я будить того господина, который на енту, как ее... вспомнил... слово-то какое, заковыристое... ауди-ен-цию... аж в Зимний дворец собирался. Он сам меня об этом давеча, то есть накануне, просил. Мол, опаздывать никак нельзя, ни в коем случае! Вот.

Стучу, значит, я раз, потом, второй. Тишина. Никто не отзывался. Ну, куды деваться, позвал людей наших, дверь-то и взломали. А там картина... зловеща. На полу барин лежит, и пистолет у простреленного виска держит. Это уж потом, ваши, то есть полицейские, выяснили, что сей убиенный есть, вернее, уже был, поручиком Первого Оренбургского казачьего полка, к нам в столицу аж напрямиком из Ирана и Афганистана приехавший. Будто бы бумаги секретные вез, тока ваши при обыске ничегошеньки не нашли, тока пеплу много в камине было. То ли сам все спалил, то ли помог кто, сие мне неизвестно. Вы уж там сами дознавайтесь.

Из протокола осмотра места происшествия:

«Установлено, что самоубийец выполнял секретные задания Министерства иностранных дел. Вызванный на место вице-директор Азиатского департамента МИД господин Сенявин вел себя странно и произнес лишь одну фразу: «А бумаги?»

Произведенный тщательнейший осмотр комнаты результатов не дал: ни в шкафу, ни в тумбочке, ни в комоде никаких бумаг не обнаружено. Однако еще тёплый камин забит грудой пепла.

На столе, на видном месте, обнаружен лист бумаги. Запись на оном гласит:

«Не зная человека, которого участь моя занимала бы в каком-либо отношении, удовлетворительным нахожу объяснить, что лишаясь жизни самопроизвольно. Как Азиатский департамент Министерства иностранных дел есть присутственное место, от которого в настоящее время завишу, то покорнейше прошу сей департамент распорядиться приходящимся мне за два года жалованием от 1 Оренбургского полка следующим образом: 1. Удовлетворить купца Лихачева на Невском проспекте, против Гостиного двора, за взятые мною в магазине офицерские вещи, всего около 300 руб. асс. 2. Дать портному Маркевичу 500 руб. ассиг. в удовлетворение за платье, заказанное у него, но еще не полученное. 3. Находящему при мне человеку Дмитрию прошу позволить воспользоваться всеми вещами, какие при мне теперь находятся. Все бумаги, касающиеся моего последнего путешествия, сожжены мною, и потому всякое об них разыскание будет тщетно. Всякие расчеты с хозяином трактира «Париж» кончены мною по 7-е число сего мая, буде за 7 мая окажется какое требование, то покорнейше прошу

департамент приказать удовлетворить из означенных выше денег. 8 мая 1839 года в 3 часа утра».

И подпись.

Весть о смерти этого удивительного человека быстро облетела сразу две империи — Российскую и, конечно же, Британскую.

А в далеком Оренбурге о смерти своего верного помощника горевал военный губернатор-генерал Василий Алексеевич Перовский. И на то были веские причины...

За семнадцать лет до описываемых событий. Гимназия Виленского учебного округа

В этот судьбоносный день смелый и решительный старшеклассник, к тому же еще и сын директора этой гимназии, отважился написать мелом на доске всего одну фразу: «Да здравствует конституция Третьего мая!»

Донос на вольнодумца последовал незамедлительно. По делу о подпольном кружке «Черные братья» было арестовано более сотни человек — студентов, гимназистов, преподавателей. И приговоры вольнодумцам вынесли очень суровые: многие отправились на сибирскую каторгу, некоторые, как и герой нашего рассказа, пошли служить простыми солдатами на далекую Оренбургскую линию.

Однажды заплаканная мать одного из кружковцев смогла лично вручить прошение самому Александру I. В нем она писала:

«Сыну, всего четырнадцать лет, и что делать в солдатах такому мальчику?»

Некоторое время спустя фельдъегерь вручил ей ответ с резолюцией всемогущего императора:

«Ваш сын может быть флейтистом, сударыня».

1829 год. Штаб отдельного Оренбургского корпуса

Немецкий ученый и путешественник Александр фон Гумбольдт горячился, вытирал платком вспотевшее лицо и в который уж раз показывал командиру корпуса официальную бумагу с печатями и подписями сановных столичных чиновников:

— Я есть — путешественник, естествоиспытатель. Еду заниматься важнейшим делом, тщательнейшим образом изучать флору и фауну Азии. И мне потребен помощник, но не простой, а любознательный и со знаниями языков местных народов. Неужели это не понятно? Дайте хотя бы один человек-переводчик, мне много не нада!

— Есть у нас такой один... Солдат. Несет службу в Орской крепости. Из этих... как их? Неблагонадежных. Лишен дворянства, но зато любознателен без меры, самоучкой выучил персидский, а, общаясь с караванщиками из степей, еще овладел казахским, киргизским, кажется, и узбекским. Если вас не смущает его прошлое, то можете его использовать по своему усмотрению. Приказ я подготавливаю незамедлительно. — Произ-

нося это, командир лично проводил назойливого иностранного гостя к выходу, давая понять, что на этом аудиенция окончена.

(В 1830 году, по протекции великого ученого, император помиловал нашего героя и даже присвоил ему чин... унтер-офицера).

Январь 1838 года. Афганистан. Кабул

Эмир был в ярости. Он тряс перед своими онемевшими от страха советниками только что полученным письмом:

— Вице-король Индии лорд Окленд высокомерно советует мне, достопочтеннейшему Дост-Мохаммаду, выслать из страны русского посланника, много лет верой и правдой укреплявшего дружественные связи между моими верноподанными и людьми белого царя. И более никогда не принимать иностранных посланцев, кроме англичан!

Далее он пишет, что, если мы послушаемся, то Англия не будет содействовать возвращению Пешавара Афганистану! И грозит нашей стране полным разрывом, если я не откажусь от каких-либо сношений с представителями России. Ну и как мы поступим? — Правитель, сверкая глазами, оглядел свой диван.

Все как один молчали, боясь высказать то, что может не понравиться Эмиру, и он продолжил:

— Англичане в отличие от русских не покупают наш хлопок, сухофрукты и ткани! У них своего, индийско-

го, полным-полно. А металл продают в три дорога или совсем не продают. Русские же с удовольствием покупают наши товары и продают нужное нам железо и изделия, причем недорого. Поэтому повелеваю: окружить этого русского всевозможными почестями, затем подписать с ним все бумаги, позволяющие расширить торговлю с Россией. И еще, немедленно пригласите его ко мне во дворец. Хочу лично беседовать с ним, на тему нашего союза с Ираном и Кандагаром.

И последнее, и самое важное — миссию английского посланника Бернса из Кабула выгнать! Пусть возвращается в Индию!

(Сам ли свел счеты с жизнью герой этого рассказа, или ему кто-то помог, и какие именно документы были сожжены в камине петербургской гостиницы «Париж», до сих пор остается неизвестным. Русские газеты того времени хранили об этом выстреле молчание! А Л. Г. Сенявин известил графа Василия Перовского, оренбургского генерал-губернатора: «Причина самоубийства до сих пор загадка, и боюсь, что она загадкой и останется...»)

Все так. Смерть эта до сих пор остается неразгаданной тайной, хотя существует несколько версий, почему это произошло. По одной, он был разочарован холодным приемом канцлера Нессельроде, который, как говорили некоторые, обвинил его в превышении полномочий. По другой версии, он случайно

встретился в Петербурге с соотечественником, и тот заявил, что он предал идеалы юности и служит России, вместо того чтобы бороться за независимость Польши. По третьей, в его гибели явно прослеживается британский след. Увы, ни у одной из версий нет никаких доказательств.

Но имя этого человека, столь много сделавшего для нашего государства, нам, людям русским, знать надобно! Это первый российский посол в Афганистане Иван (Ян) Викторович Виткевич.

А если кто-то из наших читателей заинтересовался личностью и судьбой Виткевича, советуем прочитать самую первую книгу известного писателя Юлиана Семенова, вышедшую в 1959 году — «Дипломатический агент». □

Иван (Ян) Викторович Виткевич

«Вспоминайте меня Иногда...»

Петр Ильич Чайковский

Надежда Филаретовна фон Мекк

Композитор Петр Ильич Чайковский оставил после себя великое наследие: 80 гениальных произведений. Но всего этого могло и не быть, если бы в его жизни не появилась женщина, видевшая в его музыке смысл своего существования — Надежда Филаретовна фон Мекк. 13 с лишним лет трогательной переписки, более 1200 писем — и ни одной личной встречи...

Как же вышло так, что, начав с обращений «милостивый государь» и «милостивая государыня», Чайковский и фон Мекк перешли на «милый, дорогой мой друг», а заканчивать письма стали непременно с нежностями («Горячо целую ваши руки», «Беспредельно Вам преданный», «Ваш П. Чайковский», «Всею душою безгранично Вас любящая и преданная Вам Надежда фон Мекк»)?..

Что сблизило этих, казалось бы, очень разных людей: вдову успешного предпринимателя и композитора — талантливого, но не очень обеспеченного, нуждающегося в деньгах, часто с долгами?.. Чтобы понять это, надо вернуться к самому началу...

В 17 лет юную Наденьку выдали замуж за чиновника Ведомства путей сообщения Карла фон Мекка. Оставив со временем казенную службу, он занялся, как бы сказали сегодня, предпринимательством, строя железные дороги по России, благодаря чему семья фон Мекков стала миллионерами. В 1876 году Карл фон Мекк скончался, оставив Надежду с одиннадцатью детьми и огромным состоянием, позволившем ей стать покровительницей искусств и, в первую очередь — музыки, которую она обожала.

Уже через год после смерти мужа Надежда Филаретовна начала оказывать поддержку Чайковскому. А началось это тогда, когда она увидела его на концерте, где среди других произведений прозвучала симфоническая поэма Чайковского «Буря», на которую композитора вдохновила пьеса Шекспира, и с той минуты уже не могла выбросить его из головы, стараясь через знакомых узнать хоть что-либо о нем.

Когда ей стало известно о бедственном материальном положении композитора, сорокалетняя вдова не рискнула предложить ему деньги, а написала письмо, в котором попросила сделать аранжировку «Бури». Вскоре она получила ее и написала следующее письмо (а, может быть, это был лишь предлог для продолжения знакомства?):

«Милостивый государь Петр Ильич!

Позвольте принести Вам мою искреннейшую благодарность за такое скорое исполнение моей просьбы. Говорить Вам, в какой восторг меня приводят Ваши сочинения, я считаю неуместным, потому что Вы привыкли и не к таким похвалам, и поклонение такого ничтожного существа в музыке, как я, может показаться Вам только смешным, а мне так дорого мое наслаждение, что я не хочу, чтобы над ним смеялись, поэтому скажу только и прошу верить этому буквально, что с Вашей музыкою живется легче и приятнее.

Примите мое истинное уважение и самую искреннюю преданность.

Надежда фон Мекк».

Ответ композитора не заставил себя долго ждать. Но это была лишь дань вежливости, обыкновенная благодарность.

«Милостивая государыня Надежда Филаретовна!

Искренно Вам благодарен за все любезное и лестное, что Вы изволите мне писать. Со своей стороны, я скажу, что для музыканта среди неудач и всякого рода препятствий утешительно думать, что есть небольшое меньшинство людей, к которому принадлежите и Вы, так искренно и тепло любящее наше искусство. Искренно Вам преданный и уважающий

П. Чайковский».

Но, видимо, фон Мекк этого ответа было мало. Она заказала композитору еще одну аранжировку, затем вторую... И не остановилась на этом:

«Дайте мне Вашу фотографию; у меня есть их две, но мне хочется иметь от Вас. Мне хочется на Ва-

жалея друг друга, доверяя самое сокровенное, эти люди ни разу не встретились тет-а-тет, ни разу не просили встречи? Даже когда один из сыновей фон Мекк женился на племяннице Чайковского, и они стали родственниками, все равно общались только в письмах.

Чрез год после смерти мужа Надежда Филаретовна начала оказывать поддержку Чайковскому. А началось это тогда, когда она увидела его на концерте, где среди других произведений прозвучала симфоническая поэма Чайковского «Буря», навеянная пьесой Шекспира. С той минуты она уже не могла выбросить его из головы, стараясь через знакомых хоть что-либо узнавать о нем

шем лице искать тех вдохновений, тех чувств, под влиянием которых Вы писали музыку, что уносит человека в мир ощущений, стремлений и желаний, которых жизнь не может удовлетворить. Сколько наслаждения и сколько тоски доставляет эта музыка...»

Она действительно влюбилась — и не только в музыку, но и в ее автора.

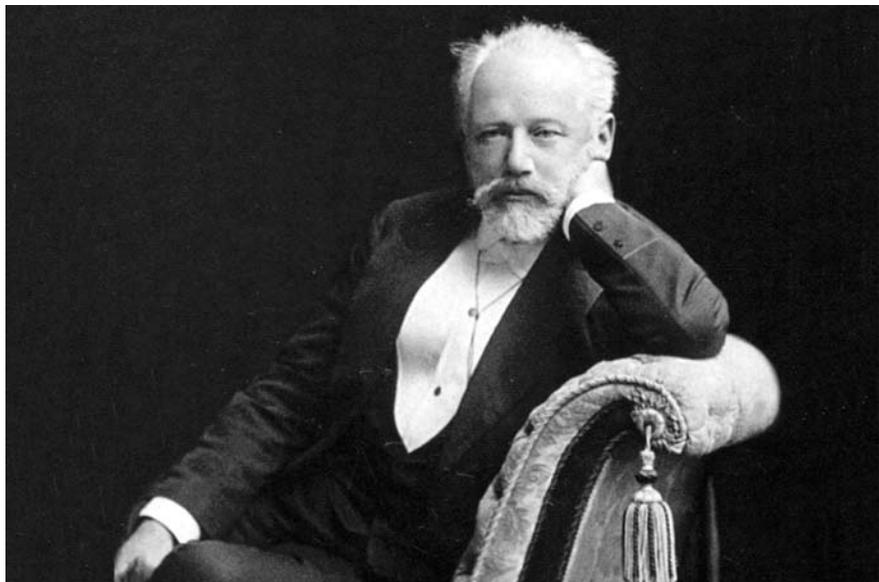
И неважно, что ей уже 45, что у нее 11 детей, и особой красотой природа ее не одарила. Зато есть деньги, которые нужны композитору...

Вот так и начался этот необычный «эпистолярный» роман, длившийся более 13 лет.

Почему же не было свиданий? Почему, обсуждая все на свете,

В реальной жизни они виделись лишь дважды. Один раз — в винницком имении, где по ее приглашению отдыхал Петр Ильич, и где их экипажи случайно столкнулись. Он неловко поклонился, а она заляглась румянцем и еще долго не могла прийти в себя после того, как его экипаж скрылся за поворотом. Второй раз они встретились во Флоренции, в театре, куда Надежда Филаретовна пришла с дочерью. Она прислала ему пригласительный билет на спектакль, но он так и не подошел к ней, а молча разглядывал в бинокль со своего места...

Некоторые считают, что благотворительная деятельность фон Мекк по отношению к Чайковско-

му была очень масштабна (несколько лет она выплачивала ему в год по 6000 рублей, организовывала концерты, поездки, устраивала отдых), что, мол, без нее он не написал бы своих гениальных произведений. Это очень похоже на гиперболу, так как Чайковский был уже Чайковским еще до знакомства с фон Мекк.

Да, бывало, его хулили, не всю музыку принимали. Но она не помогла ему писать «Евгения Онегина» и «Пиковую даму», «Щелкунчика» и «Лебединое озеро», «Времена года» и «Детский альбом»... Она помогла ему существовать, сводить концы с концами, расплачиваться с долгами. А сочинял он сам.

«Было время, что я очень хотела познакомиться с Вами, — при-

зналась однажды фон Мекк. — Теперь же, чем больше я очаровываюсь Вами, тем больше я боюсь знакомства, — мне кажется, что я была бы не в состоянии заговорить с Вами... Теперь я предпочитаю вдали думать об Вас, слышать Вас в Вашей музыке и в ней чувствовать с Вами заодно».

Может, оно и к лучшему? Любовь и деньги — не синонимы.

В 1877 году Чайковский женился на Антонине Милюковой. Фон Мекк, узнав о том, что он планирует свадьбу, очень переживала. Зато как она ликовала, узнав о расторжении неудавшегося брака! Писала, как она переживает, что он разочаровался в невесте. А сама все надеялась, верила...

«Глубоко благодарю Вас, мой несравненный друг, за сообщение... Но как мне было больно, как жаль Вас, читая это письмо, я и сказать не могу. Несколько раз слезы застилали мне глаза, я останавливалась и думала в это время: где же справедливость, где найти талисман счастья и что за фатализм такой, что лучшим людям на земле так дурно, так тяжело живется. А впрочем, оно и логично: лучшие люди не могут довольствоваться ру-

тинным, пошлым, так сказать, программным счастьем. А чего бы я не дала за Ваше счастье!»

В этой последней фразе вся Надежда фон Мекк. Многие она готова была отдать за счастье. Совместное счастье с Петром Ильичом. Но, увы...

«Если я буду говорить о себе, Петр Ильич, то не подумайте, чтобы у меня случилось какое-либо горе, несчастье. Нет, у меня, слава богу, все обстоит благополучно... Тем не менее мне так тоскливо, так тяжело, что я желала бы смерти как блага, как успокоения. Вся окружающая меня обстановка не только не успокаивает, но усиливает это состояние».

В некотором смысле оба были мизантропами. Бумаге они доверяли свои чувства и мысли, делились тайнами. Письма были своего рода психотерапией. И для фон Мекк. И для Чайковского. Она как будто стеснялась попросить о встрече — он не настаивал, хотя был очень благодарен как за финансовую, так и за мо-

ральную поддержку. Одному из своих друзей Петр Ильич писал:

«Я ей обязан не только жизнью, но и тем, что могу продолжать работать, а это для меня дороже жизни ...»

В 1890 году дела у фон Мекк пошли на спад, и она уже не могла помогать Чайковскому, о чем и написала в очередном, на удивление сухом, письме, которое закончила фразой: *«Вспоминайте обо мне иногда...»* Он в ответ не выказал своего разочарования, а больше беспокоился о ней: *«С Вашими привычками и Вашим широким масштабом образа жизни — и пред-*

шленно не поддающуюся словесно-му выражению благодарность!..»

Это было последнее письмо Чайковского к фон Мекк, больше они друг другу не писали, хотя оба мучительно переживали разрыв... Петр Ильич даже пытался через зятя Мекк вернуть все вспять, но Надежда Филаретовна своего решения не поменяла. Богатейшая из российских женщин того времени распродала все свое имущество в России и переехала во Францию...

В ноябре 1893 года Петр Ильич Чайковский скончался от холеры, выпив стакан сырой воды. Через три месяца после его смерти скончалась

Дела у фон Мекк со временем пошли на спад, и она как-то написала Чайковскому в очередном письме, что больше не может ему помогать, закончив его фразой: *«Вспоминайте меня иногда...»* Это было ее последнее письмо к композитору, больше они друг другу не писали, хотя оба мучительно переживали разрыв. Она распродала свое имущество и переехала во Францию

стоит терпеть лишения! Это ужасно обидно и досадно!» И еще: *«Неужели Вы считаете меня способным помнить о Вас, только пока я пользовался вашими деньгами!.. Я рад, что именно теперь, когда Вы уже не можете делиться со мной Вашими средствами, я могу во всей силе высказать мою безграничную, горячую, совер-*

от туберкулеза и Надежда Филаретовна фон Мекк — женщина, пережившая удивительное чувство к человеку, которого считала настоящим гением, наделенным божественным талантом. Увы, этим двум одиноким душам так и не суждено было при жизни быть вместе...

К счастью, письма их друг к другу сохранились... □

Анвар Кашин

Осенний сон

Сентябрь 1919 г.

Выстрелы — один, второй... Они звучали явственно, но как-то глухо. Окно было распахнуто, и Саша осторожно выглянула наружу. Нет, сонный покой тихой улочки не нарушен тревожными звуками. Со стороны порта на подводе едет мужик, разомлевший под не щедрым, совсем не сентябрьским солнцем, из дома напротив слышится неопределенное граммофонное пение и где-то дальше — звонкий лай маленькой собачонки. Тянется обычный одесский день, не желающий превращаться в вечер.

Но выстрелы!.. Это внизу, в квартире Петра Захаровича, его окна выходят на другую сторону, в сад, потому так негромко...

Сашино благоразумие молчало, по ее бесстрастному и рассудительному мнению, все уже сделано, и сделано правильно: дверь заперта, а... а больше ничего от хрупкой блондинки с чуть вздернутым носиком не требуется, только сидеть и ждать, прислушиваясь к тревожной тишине. Что это? Скрипнула лестница — половица под ногой у Саши, или это еле различимая возня доносится из-за стены, от соседей? Сидеть и ждать? Как бы не так! Конечно, не без волнения, но решительно Саша достала из нижнего ящика стола пистолет. Браунинг Антона заряжен, оставалось лишь снять его с предохранителя и передернуть затвор. Еще минуту Саша все-таки медлила: если стрелявший хотел уйти, у него было на это время. Ждать больше нельзя. На второй этаж дома ведет одна-единственная лестница, если встать за колонной, слева от пролета, то стрелять будет удобней. Да, отсюда можно держать на мушке и входную дверь, и всю лестницу, а иначе... Иначе невозможно.

В четырех квартирах, что на втором этаже, в это время дня кроме Саши оставались лишь Анастасия Павловна и Анюта со своим младшим братом, правда, четвертая квартира еще с весны стояла пустая по причине отсутствия жильцов.

Тишина. Нет, собственно, какая же это тишина? Дальше по коридору, за одной из дверей — неразборчивые голоса, видимо, выстрелы расслышала не только Саша, и теперь Анна Васильевна препирается с братом — тот в свои тринадцать лет не желал оставаться в стороне от опасного приключения.

Вдруг раздался стук, уверенный и настойчивый.

Саша спустилась по лестнице и, прежде чем отпереть, неловко спрятала руку с пистолетом за спину.

За дверью стоял патруль, усатый офицер небрежно, но вполне деликатно отстранил Сашу и ступил на пыльный ворс ковра перед лестницей:

— Здравствуйте, барышня. Кто стрелял?

Сашино хладнокровие улетучилось, и она только покачала головой.

— Вы позволите? — протянул руку офицер, и пришлось отдать браунинг, внезапно ставший необычно тяжелым. — Это вы стреляли?

Саша опять качнула головой. Офицер щелкнул предохранителем, понохал ствол пистолета и спросил:

— Позволите осмотреть дом? — Правда, вопрос прозвучал утвердительно.

Он повернулся направо, но там — глухая стена. По ту сторону стены — галантерейный магазин, и прохода нет. Налево — квартира, которую занимал хозяин дома, Петр Захарович Марतिнец. Снова препятствие — дверь заперта.

— Значит, стреляли не вы, а пистолет ваш? — уточнил офицер, дожидаясь ответа на стук.

— Нет, — ответила Саша, — пистолет принадлежит моему мужу.

Саша

...Мужу. Мы обвенчались месяц назад. Замужество, свадьба, глупые девичьи грезы. Кто бы мог знать... Венчание, кольца, седой подслеповатый батюшка в церквушке на Ближних Мельницах — все было самым настоящим, и рядом — он, настоящий, мой, и я его люблю. Он стал моим спасением от того гибельного отчаяния... Только благодаря Антону та избалованная маленькая девочка внутри меня больше не сворачивается в клубок от боли, не зажимает руками глаза до радужных кругов и не затихает, захлебнувшись рыданиями.

Мама. Я не помню. Не могу вспомнить. Ее похоронили на Севастопольском кладбище. Она умерла от тифа — ее слабое сердце не выдержало. Я знаю,

она умерла, чтобы я смогла жить дальше! Осознавать это невыносимо тяжело. С папой было иначе, хотя и с ним я не успела проститься...

Антон все же настоял на том, чтобы мы уехали. Добраться до Одессы по железной дороге не было никакой возможности. Редкие поезда приходили и отправлялись лишь в сторону Харькова и дальше в Москву. На юг, через Екатеринослав, еще реже шли лишь военные эшелоны. Не представляю, где и как Антон сумел достать листок серой бумаги с блеклой печатью, на которой читались только четыре самые крупные буквы — РККА, но зато документ был подписан... сейчас не вспомню ни должности, ни фамилии. Сей мандат с удивительной легкостью обеспечил нас полками в теплушке, и мы с одним чемоданом на двоих уехали.

Французские войска покинули город еще в начале апреля. А нас почти месяц спустя Одесса встретила цветением буквально всех деревьев, дождавшихся, наконец, безусловной и неукоснительной весны, по-настоящему теплого и ласкового солнца. Кое-где в садах еще не облетели нежные бело-розовые лепестки вишен, продолжая манить изысканно тонким сладким ароматом. Медовый до приторности запах цветущей акации растекался повсюду и заглушал, будто тяжелые духи продажных красавиц, все прочие не самые приятные испарения переживающего нелегкие времена города. Простоватые и наивные, как деревенские прелестницы, стояли яблони, окутанные белым ореолом. Сирень благоухала и пьянила, полагая всех вокруг влюбленными и готовыми к ответной робкой и трепетной или буйной и ненасытной любви. Я попала в сказку, и мне положено было стать самой счастливой рядом с любимым... Так и случилось, позже.

Антон

— Что значит — «не велено», я, брат, живу в этом доме. — Антон строго, однако с нескрываемым беспокойством посмотрел на солдата с винтовкой на плече.

— Ну, тогда... — Мужик в полинялой форме нерешительно помялся и отступил в сторону. — Тогда, стало быть, проходите.

— Постой, а случилось-то что? Почему это пускать в дом людей не велено?

Служивый ничего толком не знал. Однако даже из этого «ничего» следовало, что кто-то забрался в квартиру Петра Захаровича, и теперь там, в квартире, лежит труп.

— Вот следовательно прибудет, тогда...

— Когда прибудет?

— Так по телефону в управление доложили, а когда они там кого пришлют...

Уже в доме, у лестницы на второй этаж перед зеркалом, чистя щеткой туфли, склонился сосед, Кондратий Михайлович Желябин.

— Антон Карлович, как же это! — Маленький щуплый чиновник лет сорока, прослуживший в порту, почитай, половину жизни, был не на шутку возмущен, правда, сразу непонятно, из-за чего: то ли по поводу неожиданного препятствия в виде вооруженного часового на крыльце, то ли из-за дорожной пыли, въевшейся в рант обуви. — Я из конторы вышел, думаю, пешком прогуляюсь до дома, погодка-то какая, а здесь — нате вам! Стрельба! У меня же в квартире Анастасия Павловна одна, да и у вас супруга. Когда же этих бандитов переловят?! Полгода назад, когда переехал сюда с Пересыпи, думал, все, тихое, спокойное место. Нет! И тут стреляют!

— Да-да, — неподав кивнул Антон, уже поднявшись на половину лестничного пролета. На торопливый стук дверь квартиры через мгновение щелкнула замком и отворилась.

Саша ждала его, потянулась, прижалась к щеке, родной и уже проросшей колючками за прошедшие сутки.

— Как хорошо, что ты пришел! А здесь стреляли. Ты уже знаешь?.. Ну да, ты же у меня все знаешь.

— Здравствуй, моя чудесная! Нет, не все. Не знаю даже, жив ли Петр Захарович, ведь это в его квартире пальба случилась?

— Да, в его. Но ведь можно надеяться, что... Он под вечер всегда уходит по каким-то своим делам. И сегодня, я видела из окна, часа два назад он уходил, если только потом не вернулся... — Саша замолчала, посмотрела мужу в глаза. Карие, чуть покрасневшие, очень добрые. Морщинка у переносицы.

— Не надо больше о стрельбе, — нахмурился Антон. — То, что случилось, — уже случилось.

— А что в госпитале? Тебя так долго не было. Раненых привезли? Много?

— Да, раненые... Знаешь, у меня для тебя есть новость, и не скажу, что дурная, а по нынешним временам, так и вовсе хорошая. Митя Левицкий...

— Что с ним?

— Все с ним будет в порядке. Контузия средней тяжести и сломанное ребро. Кстати, можешь его навестить, но не сегодня. Боевому офицеру будет неловко принимать даму, лежа в постели. Лучше приходи на следующей неделе, раньше я ему вставать не разрешу. Постой-ка! — Антон выглянул в окно. — Ага, кажется, следователь пожаловал. Все же я пойду, выясню, что там приключилось.

— Горышев Андрей Аристархович, следователь уголовно-розыскного управления. С кем имею честь? — представился круглый масляный человек, лицом и фигурой более похожий на хозяина чайной.

— Тауберг Антон Карлович. Заведую вторым хирургическим отделением в военном госпитале, проживаю здесь, в квартире на втором этаже. Подумал, что, возможно, вам понадобится моя помощь.

— Врач? Нет, в вашей помощи никакой надобности я уже не вижу. Однако вы сказали, что проживаете по соседству? Вас не затруднит подтвердить личность убитого? — Следователь взял со стола карточку и прочитал вслух: — Мартинец Петр Захарович. Верно?

— Да, это Петр Захарович, нет никаких сомнений, — подтвердил Антон.

— Петр Захарович, Петр Захарович, м-м... ну что же, м-м... — забубнил себе под нос Горышев. — А-а, м-м, Антон Карлович, вы ведь, кажется, неплохо знали покойного? Я хочу сказать, не было ли конфликта у убитого с кем-либо? Вам об этом ничего не известно?

— Нет, — качнул головой Антон.

— А выпивал ли, м-м... Петр Захарович? Может быть, запои у него случались?

— Запои? Нет. Изредка выпивал. Бывало, что и крепко. Недели две назад его, говорят, на извозчике домой привезли, мертвецки пьяного.

— Говорят?

— Да, сам я не видел, был на службе. Впрочем, думаю, соседи вам это подтвердят. Кондратию Михайловичу вместе с извозчиком пришлось нашего домовладельца нести до самой кровати. Однако тот казус вряд ли стоит рассматривать как свидетельство угнетенного состояния или иного душевного расстройства.

— Не стоит, так не стоит. Тогда у меня к вам такой вопрос: из личных вещей ничего не пропало? — следователь кивнул на предметы, разложенные на столе. — Медальон, перстень или вещица какая запоминающаяся, ничего в этом роде покойный не имел привычки держать при себе?

— Нет, во всяком случае, я ничего особенного не припоминаю. А вот саквояжа Петра Захаровича не вижу. Он всегда с собой носил небольшой коричневый саквояж.

— Здесь он, на месте, и бумаги в нем, описи какие-то...

Отодвинув кресло, Горышев достал что-то из-под стола и, приподняв над столешницей, продемонстрировал коричневый саквояж. — Да-с, саквояж, стало быть, никуда не пропал. Но ведь искали-то не его.

— Искали? — Антон обвел взглядом комнату и остановился на сдвинутой в сторону шифоньерке.

— Да-да, пыльное пятно на полу, вы тоже заметили? Мебель двигали, а зачем? — Саквояж отправился обратно под стол, а господин Горышев, не

спеша, подошел к прямоугольному следу от шифоньерки, поросшему неопрытым пыльным пухом. — Что тут у нас? — Пальцы следователя стали ощупывать щели меж квадратов паркета, проходить по невидимой задней стенке шкафчика, простукивать филенки стены.

— А отчего вы полагаете... — начал Антон и замолчал, повинуясь неожиданному взмаху руки Горышева.

— Да-с, искали. — Следователь еще раз постучал по стене, затем достал из бокового кармана пиджака перочинный нож и постарался поддеть его лезвием деревянную панель. Наконец филенка открылась, и Горышев заглянул в темноту открывшегося проема. — Та-ак, хм. — Выражение его лица стало не на шутку озабоченным. — Попрошу вас выйти, — официальным тоном сказал он Антону и тут же обратился к служивому, топчущемуся в дверях: — Прохор, братец, сходи-ка в дом, что напротив, и найди мне двух понятых.

Вскоре Прохор вернулся в сопровождении соседского дворника и долговязой тетки, по виду, первойшей сплетницы, и следователь начал волокиту с записью имен понятых и прочая, и прочая... Через десять минут, наконец, дошло до настоящего дела. Горышев буднично отодвинул вскрытую панель, и на обозрение публики явились «богатства пещеры Али-Бабы». Антон невольно хмыкнул и покачал головой. Для сорока разбойников содержимого тайника, конечно, было бы недостаточно, но для одинокого мирного обывателя семь револьверов, самозарядный пистолет и мешочек с ювелирными украшениями весом около фунта — впечатляющее сокровище. Однако господин Горышев остался к нему равнодушен, переписав найденное и получив подписи понятых, принялся за составление нового бюрократического опуса, а Прохору велел очистить от посторонних место происшествия.

Саша

Следующее утро выдалось ненастным. Дождь еще не холодный, но уже утомительно долгий, мелкий и унылый монотонно шумел в желтеющей листве. Тоскливо. Казалось, прошло не лето, а что-то большее. Может, завершился какой-то астрономический период, и Земля уже давно сорвалась с орбиты и летит... Куда?..

На службу идти не хотелось. Саша работала стенографисткой и сама пыталась писать коротенькие заметки в «Южном слове». Поначалу это было увлекательно, представлялось значительным и важным. Литераторы, поэты, пронирыливые репортеры, вокруг множество людей, ярких, имеющих свое мнение и особый взгляд на вещи. Но после трех месяцев унылого и голодного существования воодушевление улетучилось...

Будильник показывал четверть восьмого. Надо вставать. Антон обещал вчера, что сегодня до обеда будет отсыпаться, однако из-за стены уже слышался шум чайника, закипающего на керосинке, и шуршание газеты...

Антон

Следователь приехал в десятом часу. Он прошел в кабинет покойного хозяина дома и не выказал желаний как-либо побеспокоить соседей и вероятных свидетелей вчерашнего преступления. Антон сам спустился к нему и застал господина Горышева безмятежно разглядывающим мокрый пейзаж за окном. Откровенно говоря, любопытство Антона носило исключительно практический характер. Дело в том, что договор об аренде квартиры был лишь устным, и такое положение всех устраивало. Теперь же, со смертью хозяина дома, возникал вопрос о наследнике, а точнее, о возможности и в дальнейшем снимать уже привычное жилье.

— Наследник? Хм, таковой имеется, — не нашел нужным скрывать этот факт следователь. — Племянник покойного, некий Мартинец Евгений Николаевич.

— Полагаю, вы уже говорили с ним?

— Представьте себе, нет. Видите ли, Геня Слон, как его иногда называют, не питает должного уважения ни к какой власти. В прежние времена был осужден на три года каторги, потом при союзниках проходил по какому-то делу, при большевиках — не могу сказать. А теперь, говорят, он в городе, только я сомневаюсь в том, что этот молодой человек пожелает со мной иметь беседу.

— То есть, вы хотите сказать, что судьба дома, в котором мы с вами имеем удовольствие находиться, туманна и не определена?

— Именно так. И в какой-то мере она не определена потому, что наследник покойного находится под подозрением. Оружие и драгоценности, найденные в тайнике, несомненно, добыты разбойным путем, и добыты, скорее всего, племянником и его дружками, а дядя, вероятно, занимался сбытом такого добра. Впрочем, для меня все это уже не имеет значения. Я этим делом больше не занимаюсь.

— Не занимаетесь?

— Нет, не занимаюсь. С сегодняшнего дня убийство расследует контрразведка. Найден склад с оружием. Именно-с. А касательно судьбы дома, боюсь, я вас не порадую. Если виновным будет признан племянник убитого, и если не найдется других наследников, то дом перейдет в собственность... з-э... даже не скажу точно, гражданской или военной администрации.

Тут послышался хлопок входной двери, и Антон вопросительно посмотрел на Горышева.

— Я воспользовался ключом покойного и после не стал запирать, — объяснил следователь. — Это, должно быть, какой-нибудь чин из контрразведки прибыл, меня предупредили, что к десяти часам он обязательно будет здесь.

«Чин из контрразведки» оказался юноша в форме, с погонами поручика.

— Доброе утро, господа. Поручик Шелестов, Максим Валерьянович. С кем имею честь?

Дальнейшее присутствие при передаче дела от одного ведомства к другому было невозможным, к тому же, несмотря на вчерашние свои обещания, Антон собрался к полудню появиться в госпитале. Операций на сегодня назначено не было, и работа в отделении предвиделась рутинная и неспешная.

Антон

Вечером по дороге домой, уже, собственно, на крыльце, Антон неожиданно столкнулся с давешним поручиком.

— Виноват, — немного сконфуженно произнес юный контрразведчик, чуть не задевший Антона распахнутой дверью.

— Ничего, — улыбнулся Антон.

— Антон... м-м...

— Карлович.

— Да, конечно, прошу прощения. Антон Карлович, могу я вас попросить уделить мне несколько минут? Утром было недосуг, а теперь получается, что только ваше мнение относительно убийства мне неизвестно.

— Если вам угодно... однако мне показалось, что ваш предшественник, господин Горышев, для себя уже разрешил эту загадку. Он ведь подозревает в убийстве племянника покойного Петра Захаровича. Вы, верно, придерживаетесь иного мнения?

— Не совсем, то есть своя версия у меня имеется, но пока это лишь догадка. Я же хотел, чтобы вы мне помогли уточнить некоторые детали относительно описания места происшествия. Давайте пройдем в кабинет, там нам будет удобней.

Антон лишь пожал плечами и пошел следом за Максимом Валерьяновичем.

— Та-ак, м-м... — Поручик достал из папки какие-то листки, — ага, расположение тела, характер ранений, личные вещи, портфель, окружающая

обстановка. Шифоньерка у стены сдвинута в сторону (левую) на четверть сажени, судя по следам пыли на полу. Верно?

— Да, — кивнул Антон.

— Тайник обнаружен и вскрыт в присутствии понятых следователем Горышевым...

— Собственно, обнаружен в моем присутствии и вскрыт, а опись была произведена уже с понятыми.

— Дверь в дом по прибытии патруля на место происшествия закрыта и заперта на ключ?

— Ничего по этому поводу сказать не могу, — пожал плечами Антон.

— Дверь в квартиру тоже заперта, но не на ключ, а лишь на защелку замка?

— Кх-х... — Еще одно пожатие плеч.

— В кабинете опрокинута электрическая лампа, лежит справа от стола?

— Да, припоминаю, верно, хотя сразу внимания не обратил.

— Окно закрыто. Следов на подоконнике не обнаружено.

— Да, окно было закрыто, осмотреть подоконник случая не представилось.

— Теперь, что касается найденного в тайнике. — Поручик взял другой листок. — Ювелирные украшения: кольца, брошь, перстни с печатками... Оружие: пять револьверов системы Нагана, револьвер Смит и Вессон, револьвер Веблей и пистолет Браунинг, все снаряженные, каждый завернут в особую тряпицу. Отдельно, в мусорной корзине под столом, обнаружена еще одна тряпица со следами оружейного масла. Что вы на это скажете?

— Скажу, что я видел то же, что и понятые. Все верно.

Саша и Антон

— Ужинать? Очень кстати, я голодный, слона бы съел.

— Жалко слона, что плохого тебе слон сделал? Я картошку сварила. Вареная картошка с салом, огурцы соленые остались, и хлеб есть.

— Хорошо, так и быть, не стану трогать я твоего слона. А как насчет пицци духовной? Как дела в редакции? Бродят ли идеи в умах? Есть ли свежие новости?

— Бродят. Вчера вот Илюша Воропаев из Херсона приехал, половину записной книжки исчеркал заметками о крестьянских волнениях. Ему под статью колонку обещали, а он меня попросил материал в порядок привести. Сам-то Илья сегодня только после обеда пожаловал, и его сразу редактор к себе попросил. Позвали и меня. Оказывается, с ОСВАГОм ничего не согласовано. Ох, и шуму было! Илье Дмитрий Николаевич потом наедине выволочку устроил, а мне сказал, что в моих способностях к беллетристике

он теперь не сомневается, но если бы измышления господина Воропаева попали в печать, как его, так и моя слава была бы крайне недолгой. Впредь же ко мне у него огромная просьба, больше внимания уделять слову истинному, особенно, когда исходит оно от действительного начальства.

— Да, страсти нешуточные.

— Пустое. Знаешь, я совсем о другом думала.

— О чем?

— Пообещай, что не станешь смеяться.

— Хорошо, Солнышко, — кивнул Антон и тут же широко улыбнулся под строгим взглядом серых глаз. — Нет, правда, не буду. Я не смеюсь, мне радостно, что ты у меня такая.

Саша еще одно мгновение, долгое такое, основательное мгновение, продолжала испытующе строго смотреть на мужа, потом мягко и грустно улыбнулась сама.

— Мне кажется, все вокруг, весь мир, стремится вернуться назад, забыть последние тяжелые времена, притвориться, что можно как прежде... Те же лица, то же благообразное на них выражение. Сегодня проходила мимо Александровского парка, там теперь играет духовой оркестр. «Осенний сон» — немножко старомодный вальс, десять, пятнадцать лет назад? Это музыка оттуда, туда стремятся все. Только так не бывает. И все равно неглупые образованные люди строят планы воссоздания невероятного буколического мироустройства. После ужаса и всеобщего сумасшествия даже представить себе невозможно... Знаю, я — неважный мыслитель. Но мне страшно, я чувствую, все рухнет, как рухнуло два года назад.

— Ты у меня самый замечательный мыслитель. Я обещал не смеяться, и я ничуть не смеюсь. По здоровом размышлении я, скорее, склонен с тобой согласиться.

— Жаль. Если бы ты сказал, что это всего лишь мои выдумки, я бы тебе поверила. Но все же «Осенний сон» — такая чудесная мелодия. И так жаль...

Антон

Половина первого ночи. Антону не спалось, что совершенно не в его привычке. Саша сопела рядом, забавно уткнувшись лицом в полуразжатые кулачки — никак не выходит смотреть на свое белокурое чудо без улыбки. За окном — в дымке серых ночных облаков луна, уже какого-то особенно-го, осеннего оттенка. В доме было так тихо, что Антон слышал даже механическую суету под крышкой его часов, лежащих рядом на стуле. А вот внизу щелкнул замок. Это даже не странно, это невозможно! В такое время домой мог бы явиться разве только сам Антон. Но внизу опять щелкнул замок — это уже дверь в квартиру.

Две минуты было потрачено на то, чтобы наскоро одеться и взять из ящика стола пистолет. Стараясь не разбудить жену, Антон тихонько вышел. Лестница. Если держаться самого ее края, есть шанс на то, что ступеньки не выдадут его. Да, удалось спуститься почти без звука. Окажись дверь в квартиру запертой изнутри, пришлось бы ждать ночного гостя здесь. Нет, ручка легко поддавалась, а за ней и дверь выпустила наружу желтую полоску света — это из кабинета. Еще несколько шагов... Здоровенный парень, видно, почувствовал неладное, резко обернулся, держа в руке револьвер. Что-то мелькнуло в глазах ночного визитера, но не страх, поэтому Антон не выстрелил. Но почему не стреляет незнакомец? Может быть, он подумал, что противник в домашних туфлях не станет стрелять первым?

— Добрый вечер, — вежливо начал Антон. — Люди спят, стоит ли шуметь?

— Вы имеете мне предложить что-то другое?

— Конечно. Тем более что тайник пуст, брать там нечего, а значит, проще всего вам взять и уйти.

— Это ваше предложение, чтобы мне выйти вон? — с удивлением посмотрел на Антона здоровяк.

— А вы бы хотели чего-то большего? Например, сначала выяснить, кто забрал из тайника оружие и драгоценности?

— Драгоценности! — с заметным пренебрежением повторил детина. — Деньги где? — Ствол его револьвера нервически дернулся.

Антон, напротив, опустил пистолет и спрятал его в карман. — Да, прошу прощения, я не представился. Тауберг Антон Карлович, врач. А с кем имею честь? Если не ошибаюсь, Евгений... уж извините, не припомню, как вас по батюшке. Дядю вашего, Петра Захаровича знал, а вот...

— Николаевич, и шо? — подсказал немного ошарашенный ночной гость.

— Да, Евгений Николаевич, вы правы, признаю. Не побеседовать нам с вами, раз уж выдался случай, было бы ошибкой. Надеюсь, спокойно, без шума побеседовать. — Антон неодобрительно кивнул на все еще направленный ему в грудь револьвер.

— Почему бы и нет? Нам есть о чем поговорить, а то этот гембель с деньгами меня, например, сильно расстроил. — Племянник покойного положил револьвер на стол, по-хозяйски распахнул дверцу одной из тумб под ореховой столешницей и, звякнув стеклом, достал початую бутылку коньяку и рюмки...

Антон

— Господин поручик, Максим Валерьянович, а я вас ожидаюсь. — Антон шагнул вниз по лестнице и пожал руку юному контрразведчику.

— Меня? А по какой же надобности, позвольте спросить? Уж не вспомнили чего?

— Нет, не вспомнил, точнее, у меня для вас есть новые сведения, касающиеся убийства Петра Захаровича.

— Вот как?! — Брови юноши приподнялись, а в глазах на мгновение загорелась какая-то щенячья искорка — вот сейчас ему отдадут этот пахнущий свежей ваксой ботинок, и он растерзает, разорвет его на части. — Пойдемте, гм... — кивнул на дверь пустующей теперь квартиры поручик. — Не на лестнице же нам говорить.

— Вы уверены? В тайнике, помимо прочего, были деньги? И много?

— Были. Шестьдесят тысяч франков. Евгений Николаевич поведал мне эту историю, хотя и без всяких подробностей.

— Вы что же, его пытали? С какой стати этот бандит излил вам душу?

— Знаете, Максим Валерьянович, для хирурга важнее прочего, чтобы у него в известный момент не дрогнула рука. Для иных врачей важно другое... — Антон улыбнулся, выдержал паузу и, наконец, ответил на недоуменный взгляд поручика. — Умение слушать пациента. Да-с. И в том, и в другом случае отлично помогает вот это средство, — кивнул он в сторону пустой коньячной бутылки, брошенной в мусорную корзину.

— Хорошо, но шестьдесят тысяч франков! Откуда?!

— Я могу вам рассказать только то, о чем услышал. В январе, при французской администрации, в городе объявился некий господин Розенфельд. Говорят, он живо интересовался складами военного имущества, что в Одесском порту. Трудно сказать, кого представлял этот господин, и представлял ли он вообще кого-то кроме себя. Командование Добровольческой армии в то время добывалось передачи складов в свое распоряжение, однако французы, как вам известно, посчитали законной власть Украинской Директории.

Вскоре, как теперь понятно, стараниями того самого Розенфельда, в Одессу прибыл пан Стырта, уполномоченный правительства Директории. Он якобы провел ревизию имущества на складах и подписал документ о том, что большая часть амуниции пришла в негодность. Каким образом Розенфельд распорядился «негодным» имуществом, неизвестно, зато племянник покойного Петра Захаровича точно знал, какую сумму положил себе в карман пан Стырта. Но воспользоваться деньгами тот не успел, уполномоченный правительства Украинской Народной Республики в Киев не вернулся. Я полагаю, он остался где-то здесь, неподалеку, возможно, на дне одного из окрестных лиманов. А деньги... Теперь эти деньги ищет мой знакомый. Вот так.

— Позвольте спросить, Антон Карлович, почему этот «ваш знакомый» был с вами столь откровенен? Да и был ли вообще? Вы действительно уверены, что убийство — не его рук дело?

— Максим Валерьянович, посудите сами, если бы племянник убил своего дядю, то деньги уже были бы у него, или же он был бы в курсе, что их нет или не было в тайнике в момент убийства. Зачем тогда убийце рисковать, пробираясь ночью на место преступления? Если Петр Захарович и перепрятал франки, то сделал это за пределами своей квартиры. Глупо доставать их из надежного тайника, чтобы спрятать под периной. Разве нет?

— Допустим. Остается мой вопрос о причинах искренности.

— О, это совсем просто. Я сказал «убитому горем родственнику покойного», что у меня есть подозрения относительно того, кто мог забрать деньги. Более того, я пообещал указать на этого человека, когда смогу проверить свои предположения.

— Я надеюсь, — поручик посерьезнел лицом, — вы понимаете, что, как только убийца будет найден, его сразу же заключат под стражу, а после его судьбой займется суд. В таком случае, не будет ли ваше обещание ничтожным? Пусть это обещание, данное, несомненно, преступнику, но все же. Я, со своей стороны...

— Максим Валерьянович, мне мое положение не кажется таким уж затруднительным. Если попытаться представить себя на месте убийцы с несколькими десятками тысяч франков в кармане, станет очевидным, что преступник не стал бы сидеть на месте, он, вернее всего, уже покинул город, а то и вовсе отправился за границу. Я хочу сказать, что определить личность преступника и, собственно, поймать его — две большие разницы, как тут говорят.

Поручик

— Говорите — представить? Да как же мне представить себя на месте этого вашего ночного знакомого, или, того лучше, женщины? — в задумчивости пробормотал поручик.

— Почему же вдруг женщины?

— Это так, к примеру, — смутился юноша.

— Нет, постойте, Максим Валерьянович! Я, конечно, понимаю, вы на службе и, некоторым образом, храните тайну следствия. Однако же поверьте, у меня есть определенный опыт в подобных делах. Помню, в прошлый раз вы обмолвились о собственной версии преступления. Я, в свою очередь, ничуть не лукавил, когда говорил о своих подозрениях.

— У вас есть основания...

— Да, есть. Я вам о них расскажу. Увы, пока это только подозрения, хотя их легко проверить. Но, согласитесь, было бы полезно обсудить и ваши догадки.

— Мои догадки... Они, видите ли, такого свойства, что, окажись справедливы, может пострадать честь дамы.

— Максим Валерьянович, наши предположения, даже самые чудовищные, не могут задеть ни чьей чести, к тому же я готов дать вам слово в том, что от меня никто ничего не узнает.

— Хорошо, будь по-вашему, но слово я с вас возьму. Так, с чего же начать?

Поистине, воображение молодого человека смогло немало удивить Антона. Сначала юный контрразведчик предложил выглянуть в окно и указал на средних размеров деревце. «Яблоня, как видите», — прокомментировал он свое наблюдение. Дальше, словно завзятый художник карандашом, юноша принялся выстраивать композицию представляющейся ему картины преступления. Однако начал он не с центральных фигур своего полотна, а только заметил, что убийцу следует искать в доме.

— Вряд ли преступник, рискуя быть застигнутым случайными свидетелями, стал бы тратить время на то, чтобы, уходя, запереть дверь снаружи. Яблоня? Да-да, именно яблоня! С ее веток отлично видны окна квартиры, в то время как, стоя на земле, разглядеть, что делается в комнатах затруднительно — цоколь высок. Не представляю, как иначе можно вывести о тайнике в кабинете. В доме, на первом этаже, кроме Петра Захаровича больше никого. На втором этаже одна квартира заперта, и второй месяц пустует, в трех других квартирах проживаете вы, Антон Карлович, с Александрой Михайловной, Кондратий Михайлович Желябин с супругой, Анастасией Павловной, и Анна Васильевна с младшим братом Алексеем. Как раз Алексея я имею в виду. Как известно, мальчишки — большие мастера лазить по деревьям. Притом, что дерево не слишком большое, подо мной или под вами ветки непременно сломаются, а тринадцатилетнего мальчишку выдержат. Сам тайник с дерева не разглядишь, но разобраться, где именно он находится, можно.

Догадка поручика основывалась на сплетнях... пардон, на показаниях Анастасии Павловны Желябиной. Ироническая улыбка на лице собеседника не смутила юного следователя. В ответ на нее поручик заявил, что и Кондратий Михайлович подтвердил слова своей супруги в той их части, что касалась проявлений симпатии к Анне Васильевне со стороны Петра Захаровича. Таким образом, подготовив задний фон картины, художник от контрразведки решил вывести в центр основных героев.

— Анна Васильевна, наконец, уступила настойчивым ухаживаниям хозяина дома. Дальше все совсем просто — мальчишка, брат Анны Васильевны, лезет на дерево, надо полагать, за яблоками, но вместо яблок парнишка в соседском окне высматривает нечто совсем другое, а именно — место, куда Петр Захарович прячет ценности. Ценности, бог бы с ними,

а вот оружие мальчика могло заинтересовать гораздо сильнее. Спустя еще какое-то время, так же посредством наблюдения с одной из веток, молодой человек становится свидетелем постыдной, как ему кажется, сцены. Нет, не так, скорее, Лебедев-младший увиденное расценил как оскорбление и вступился за честь своей сестры. Мальчишка пробрался в квартиру хозяина дома. Сперва зашел в кабинет, чтобы обзавестись оружием из тайника, а потом... Потом Петр Захарович услышал звук сдвигаемой мебели в соседней комнате, пошел в кабинет посмотреть, что там происходит, и получил две пули из револьвера. Спрашиваете, как Алеша забрался в квартиру? Ведь любовники, уединяясь, обычно не забывают запереть дверь. Очень просто. В кармане убитого была найдена связка ключей от дома. Там был ключ от входной двери, один ключ от квартиры самого Петра Захаровича, один ключ от квартиры Лебедевых и два ключа от пустующей квартиры на втором этаже. Я предположил, что замки дверей каждой квартиры в доме имеют по два ключа. Вот у вас с вашей супругой есть по ключу, верно? У Желябиных тоже два ключа, и потому на связке у домохозяина их нет. У Анны Васильевны — только один ключ, а Захар Петрович носил с собой тоже только один ключ от своей квартиры, значит... Рискну предположить, что у Анны Васильевны тоже есть ключ от квартиры Петра Захаровича, и этим ключом воспользовался Алексей. Конечно, вторым ключом мог воспользоваться племянник покойного, чтобы заглянуть сюда прошлой ночью, но не думаю, что таким субъектам, как он, вообще требуется ключ для того, чтобы открыть замок.

Антон

— М-мда, — Антон посмотрел в голубые глаза поручика. Пацаны! Еще один такой же Шерлок Холмс лежит сейчас у него в отделении. Кстати, Саше было обещано завтра его навестить. Ничего, вид у Мити уже довольно бравый, гулять, правда, ему разрешено пока только по палате, но... — Максим Валерьянович, позвольте, я все же расскажу о своих подозрениях.

— Я, собственно... — Поручик растеряно заморгал, потом у него совершенно по-детски покраснели кончики ушей. Впрочем, через несколько мгновений он пришел в себя. — Да, конечно, буду рад, если моя догадка не подтвердится.

— Хорошо, давайте вернемся к вашему рассуждению о том, что убийца после совершенного преступления не стал бы задерживаться, чтобы запереть дверь снаружи. Таким образом, меня вы в подозреваемых не числите, верно? А если все же допускаете такую возможность, то будет достаточно допросить извозчика, на котором я приехал. Касательно моей жены... Позвольте мне вас, Максим Валерьянович, заверить в ее непри-

частности к этому преступлению. Пока, до выяснения личности убийцы, прошу положиться на мое слово.

— Антон Карлович, но...

— Я все же продолжу. Анастасию Павловну я тоже не стал бы подозревать. Несмотря на ее поразительную осведомленность во всех без исключения вопросах, не представляю, откуда бы она могла узнать о сокровищах и о тайнике в квартире Петра Захаровича. А кроме всего прочего, я не могу себе представить почтенную даму... — Антон качнул головой, заметив ироническое выражение на лице поручика, и продолжил: — Нет, нынче любого можно себе представить с револьвером в руках. А вот чтобы Анастасия Павловна забрала из тайника только деньги и не тронула драгоценности...

— Но тогда выходит, вы сами не оставляете шанса Анне Васильевне и ее брату, если принимаете мое суждение о том, что преступник не стал бы запира́ть дверь на улицу.

— Отчего же не оставляю, напротив, то же самое справедливо по отношению и к юному брату Анны Васильевны. Согласитесь, вряд ли Алеша стал бы аккуратно запира́ть входную дверь, охваченный страстями, забежав в дом из сада.

— Понятно. Антон Карлович, значит ли это, что вы придерживаетесь того же мнения, что и господин Горышев?

— Нет, не значит.

— Тогда кого же вы подозреваете в преступлении?

— Скажите, Максим Валерьянович, а видел ли солдат, тот, которого оставил начальник патруля дожидаться прибытия следователя, как домой вернулся Кондратий Михайлович?

— Желябин? — озадаченно пробормотал поручик и начал перебирать бумаги. — Нет, здесь нет показаний м-м... только имя караульного: Анисим Куликов, рядовой девятнадцатого пехотного... Ага, вот еще сказано, что Желябина Кондратия Михайловича не было дома во время прибытия патруля на место происшествия.

— Вот и славно. Значит, если выяснится, что караульный, этот Анисим Куликов, не видел его входящим в дом...

— Антон Карлович! Но почему вы вдруг решили, что Желябин и есть преступник?

— Скажу откровенно, никаких прямых улик у меня для вас нет, и без показаний караульного... Хотя, возможно, и мои доводы покажутся вам убедительными. Для начала, служа в конторе порта, Желябин мог что-то знать о махинациях на тамошних воинских складах. Затем следует принять во внимание тот факт, что квартиру в доме Петра Захаровича он начал снимать спустя месяц или два после исчезновения пана Стырты. Кстати, телосложением Кондратий Михайлович едва ли заметно превосходит

Алешу, значит, с той самой яблони вполне мог наблюдать за окнами и обнаружить местоположение тайника. Далее, господину Желябину не было нужды беспокоиться о том, заперта ли входная дверь, если он решил укрыться в доме, в пустующей квартире на втором этаже.

— Как укрыться? Разве та квартира не заперта?

— Справедливое замечание, Максим Валерьянович. Но Желябин имел возможность раздобыть ключи, то есть снять с ключей слепки, когда недавно пьяного Петра Захаровича привезли домой на извозчике. По моему разумению, в тот момент наш домохозяин не смог бы ни устоять на ногах, ни попасть ключом в замочную скважину. Кондратий Михайлович помог ему и в том, и в другом.

— Хорошо, м-м... — Поручик наморщил лоб. — Допустим. Ну а почему он не забрал драгоценности?

— Ох, право же, я ведь не был тому свидетелем, и Кондратий Михайлович не делился со мной своими соображениями. Мне кажется, что главное сейчас — проверить, видел ли караульный господина Желябина? Если нет, то и вопросы следует задавать непосредственному участнику событий. Как вы думаете, я прав?

Саша и Антон

— Ты думаешь, так будет лучше? — спросила Саша, уже зная ответ: конечно, лучше.

— Да, — просто ответил Антон. — На минуту или две оба замолчали, неторопливо бредя по аллее огненно-рыжих от сентябрьского солнца платанов. — На пароходе в Варну, а оттуда поездом в Вену.

— В редакции говорят, что к Рождеству большевиков выгонят из Москвы. — Саша не возражала мужу, но уезжать ей не хотелось. Опять уезжать!

— Читал. Говорят, и в газетах пишут. В Москве, наверное, тоже пишут и говорят. Сейчас можно уехать, не бежать и не эвакуироваться, а спокойно уехать и забрать с собой Митю. Я возьмусь его убедить поехать с нами. Пока известия с фронта весьма благоприятны, это можно устроить. Уж я твоего рыцаря знаю, как только ситуация изменится, и наступление захлебнется, этот «Айвенго» сам станет рваться в действующую армию.

— Хорошо, пусть будет Вена. — Саша взяла Антона за руку, отпустила, сделала шаг, повернулась, будто кружась в вальсе, и вдруг остановилась: Ой! Ты обещал рассказать, помнишь?

— Нет, не помню, что рассказать?

— Позавчера, когда за Кондратием Михайловичем пришел тот поручик, ты мне сказал: — солнышко, я тебе об этом обязательно расскажу, когда все действительно закончится. Ну? Закончилось?

Антон с беззаботным видом пожал плечами, и Саша погрозила ему пальцем.

— Не знаю, может статься, что и закончилось, — начал Антон и вдруг воскликнул: Ох! — Это Сашин кулачок угодил ему под ребра. — Смилуйтесь, государыня! Я все скажу!

— Хорошо. Жду вашего рассказа, сударь мой.

— Начну с того, что Петра Захаровича застрелил Желябин, потому его и пришел арестовывать знакомый тебе поручик. Целью преступника были деньги, спрятанные в кабинете хозяина дома. Петр Захарович неожиданно вернулся домой всего через четверть часа после своего ухода, скорее всего, он забыл портфель, за ним и вернулся. Дома он застал похитителя на месте преступления и был застрелен. И знаешь, что мне показалось странным? То, что филенка, скрывающая тайник, к прибытию следователя оказалась на своем месте, притом, что шифоньерка, за которой был укрыт тайник, сдвинута в сторону. Если бы преступник желал скрыть следы своих поисков, он бы непременно подвинул шифоньерку обратно. Это может означать только одно: деньги из тайника Кондратий Михайлович забрать не успел.

— Не успел? Побоялся, что его застанут в кабинете после стрельбы? — Саша наклонилась и подобрала желтый резной лист, еще не высохший, блестящий и яркий.

— Видишь ли, тайник тот, прежний, следователь господин Горышев, вскрыл при мне, и ему пришлось повозиться, прежде чем нужная филенка в стене уступила его усилиям. Сам Горышев и забрал деньги в то время, пока капрал, сопровождавший его, искал понятых. Следователь же забрал и револьвер из тайника. Зачем? Чтобы подбросить промасленную тряпицу и тем самым показать, что тайник был вскрыт до него. Однако оставить тряпку посреди комнаты он не мог — ее бы заметили я или капрал. Горышев бросил ее в мусорную корзину. Это было ошибкой. С какой стати убийца стал бы проявлять такую аккуратность? В общем, теперь все уже закончилось и, как и обещал, я все тебе рассказал.

— Все?

— Ну, почти. То же самое я рассказал племяннику Петра Захаровича, ведь я ему обещал. И теперь, кажется, у меня осталось еще одно обещание, которое держит меня здесь. Ты же согласна ехать?

— Конечно, согласна. В Вену, на край света, куда только скажешь. Так, наверное, говорят героини плохих романов. Но они, эти героини, всегда оказываются правы, и плохие романы всегда заканчиваются хорошо. Я согласна. — Саша заглянула в глаза мужа, а он, улыбнувшись, поцеловал ее в губы. — А какое обещание?

— Что? Ах, обещание. — Антон обнял Сашу за плечи. — Я обещал моей королеве уговорить одного юного рыцаря отправиться в странствие... □

ТИШКА

Чудо — это то, что случается там, где этого вовсе не ждешь. Кажется, будто оно где-то рядом ходит и ждет, когда же, наконец-то, можно будет свершиться. Да свершиться так, чтобы люди понимали и ценили это, а не просто прошли мимо, подумав «повезло!» Нет, нет, чудо — это не «повезло», это что-то такое, что не поддержишь в руках, но запомнишь на всю жизнь...

Нине 10 лет. В нынешнее время в таком возрасте дети уже не верят в Деда Мороза, потому что в век Интернета они много чего знают, а волшебство им кажется наивной выдумкой. Ведь это все детское, а они считают себя взрослыми! Только в том-то и дело, что какой бы наивной фантазией не казалось волшебство, верить в него все равно хочется...

Так и нашей Нине.

Это был сентябрь месяц. До Нового года еще далеко, но когда чуда хочется всей душой, любое время года для этого подойдет. Зайдя в Интернет, девочка набрела на сайт, где предлагалось отправить им свое желание, а взрослые люди, если кто захочет, исполнят это желание.

Без особой веры, но с теплившейся надеждой, девочка отправила им письмо.

«Здравствуйте! Меня зовут Нина! Мне 10 лет. Мы с мамой и сестрой — беженцы. Нет, нет, нам ничего не надо, все у нас есть, всем помогли. Сначала мы жили во временном жилье, а сейчас мама с сестрой нашли работу, и мы смогли снять квартиру, в которой даже животных можно содержать! Да, она не такая большая по сравнению с нашим домом, но здесь тихо и спокойно, не стреляют и не бомбят. Здесь не страшно. Я спокойно тут сплю, даже война почти не снится. Она снится, но реже. По будням я хожу в школу, а в выходные помогаю по дому. И с новыми друзьями гуляю! Со старыми друзьями мы переписываемся, но пока не получилось увидеться.

У нас есть видеозвонки, так что не жалуюсь. У нас вообще абсолютно все есть, за все спасибо! Но у меня есть одна мечта. Знаю, что это невозможно, но, если бы вы помогли мне найти Тишку, я стала бы самой счастливой на свете. Когда нас эвакуировали, мы брали только самое необходимое. Мы собрались, уже вышли с сумками из дома и пошли к автобусу, а Тишка взял и куда-то убежал. У нас не было времени его искать, нужно было ехать, опасно там было оставаться — никогда не знаешь, когда начнутся следующие обстрелы и бомбежки. И когда мы вошли в автобус, я услышала от нашей соседки: «А Тишка, Тишка где? Вы же сказали, заберете его! Уж в сумку он точно поместился бы!» Но Тишка убежал. Куда? Не знаю. Мне очень плохо без него. Я скучаю по нему и виню себя. Я во всем виновата! Надо было лучше за ним следить, а я испугалась, что мы уезжаем очень далеко от дома, и что наш дом могут окончательно разбомбить, и мы никогда-никогда не вернемся в него. Ладно, а то я что-то расхныкалась как маленькая. Я — взрослая уже. Знаю, что это невозможно, но помогите найти Тишку. Адрес нашего дома напишу ниже. И фотографию Тишки тоже вам pošлю. Он рыженький, с черными глазками-бусинками. У него белое пятнышко на голове. А еще он маленький и очень ласковый».

Нина еще раз перечитала свой текст и нажала кнопку «Отправить».

— Чудес не бывает, — вслух произнесла она. Но надежда все равно теплилась в душе...

Настал декабрь, принес с собой холод, сугробы и новогоднюю суету. Это было 30-е число. Обычный день. Вернее, необычный, ведь завтра 31 декабря, все будут загадывать желания, и что-то хорошее точно случится. Не может не случиться.

Наступил вечер. Внезапно, коротко и осторожно, зазвонил дверной звонок. Обычно в дверь никто не звонит, давно не звонит.

Звонок снова коротко и нетерпеливо звякнул, словно проверяя, есть ли кто в этой тихой квартире? Мама вышла из кухни, приблизилась к двери, чтобы спросить, кто там, но, услышав что-то невнятное, вопреки привычке и здравому смыслу, открыла дверь.

Конец света не наступил. И мир не рухнул. Перед ней стоял парень в военной форме и с сумкой в руках, которая... явно шевелилась! Мама была очень удивлена. Она смотрела то на странного парня, то на сумку, то на форму... Картинка не складывалась.

Пауза затянулась, но парень собрался с духом и спросил:

— Извините, а Тишка здесь живет?

По недоуменному взгляду женщины он понял, что как-то не так спросил, и переспросил: «Нина здесь живет?»

Мама с удивлением взглянула в глаза незнакомца, окончательно запутавшись. Услышав свое имя, Нина оторвалась от компьютера и быстро ворхнула в прихожую.

На всякий случай мама встала между парнем и дочкой, закрыв ее собой, и, нахмутив брови, строгим тоном спросила:

— Что вы хотите, молодой человек?

— Я...я... Да ничего, собственно! Я собаку ей привез! Вот, хотел отдать... Думал, пес Полканом будет, а оказалось, что это Тишка! Вот, возьмите... — С этими словами парень приподнял сумку, раскрыл ее, и оттуда показалась знакомая всем голова пса. Тишка подрос, возмужал и немного поправился, но спутать его с другой собакой было невозможно. Глаза и белое пятнышко на голове были особыми приметам. Да и то, что собачка выпрыгнула из сумки и бросилась к хозяйке, встав на задние лапки, не оставляло никаких сомнений, что это именно он, родненький пушистик!

И мама, и Нина принялись обнимать и гладить собаку. Тишка повизгивал, скулил, быстро виляя хвостиком и норовил лизнуть обеих. Тут и сестра подошла!

— Откуда вы узнали про собаку и про нас? — наконец спросила мама.

— Вы не поверите! — широко улыбаясь, ответил военный. — Моя сестра выбирала детское желание, которое она сможет выполнить, и совершенно случайно наткнулась на письмо Нины. Там было фото собаки. Сестра ее узнала и написала мне, что собаку, которую я подобрал, на самом деле зовут Тишкой, и у нее есть хозяева, которые ее ищут. Дальше уже целая спецоперация была: надо было узнать, куда вас увезли, и где вы сейчас живете. Но все получилось. Вот такое чудо. — Он замолчал, а потом немного смущенно добавил: — Долго рассказывать, а вы, наверное, торопитесь!

— Мы никуда не торопимся, — первой отозвалась Нинина сестра. — Проходите, пожалуйста, будьте как дома. Вы чай любите?

— Люблю, еще как люблю! Только я к чаю ничего не принес, — окончательно смутился парень.

— У нас все есть, не волнуйтесь! — успокоила его мама. — Проходите, и не стесняйтесь, мы не кусачие...

Вот так внезапно и чудесным образом началась новая жизнь. Тишка, успевший побыть Полканом, вернулся домой. А парень, которого звали Андреем, нашел себе новых друзей.

Вскоре Андрей снова уехал на фронт защищать родину, а его новые друзья и Тишка ждут его возвращения. Россия была, есть и будет! И добрые люди в ней никогда не переведутся! □

Авраам Руссо

«Музыка — это море, которое имеет много направлений»

Потрясающие вокальные данные — летящий голос, красивая внешность, популярные песни, вошедшие в золотой фонд отечественной эстрады... Наш сегодняшний герой не только исполнитель собственных песен, певец, музыкант и композитор, но еще и полиглот, автор книг, посвященных духовным вопросам. Все это — любимец миллионов — Авраам Руссо. Вот уже много лет он живет со своей второй половиной в счастливом браке, растит двух дочерей и не останавливается на достигнутом. Об искушениях, профессиональном росте и о том, что же главное в музыке, — в интервью «Смене»

— Авраам, знакомясь с вашей биографией, поражаешься вашей разносторонней развитости — вы знаете несколько языков! Какой язык хотели бы

еще освоить? И кто привил вам такую любовь к другим народностям, языкам и культурам?

— Моя любовь к языкам — это необычная ситуация, так как сама

жизнь заставила меня выучить языки. Знание языков — это вообще нужная вещь для человека. Ты ничего не сможешь сделать, если не будешь знать культуру языка и его носителей. Я всегда изучал языки и продолжаю увеличивать их количество.

Есть языки, которые меня не особенно интересуют, например, китайский. А нравится, к примеру, испанский, это очень красивый язык, я хочу его «укрепить». Еще греческий — это святой язык, и, может быть, латынь.

— Как мама относится к вашему творчеству?

— Так же, как и ко всему, что делает сын, конечно, любит. Но она

главный критик моего творчества, и я всегда внимательно прислушиваюсь к ее замечаниям. У нее потрясающий вкус, даже с одеждой она точно попадает.

— Ей уже 95 лет. Чем она занимается, что любит?..

— Да, возраст не маленький, серьезный, я бы сказал. Она очень активная женщина, готовит, работает, убирает, абсолютно все делает сама. Я даю ей волю делать все самой, потому что жизнь в движении дала ей возможность жить по сей день. Каким образом? Она всегда правильно питалась, следила за своим образом жизни, никогда не курила, не пила алкоголь, жила, можно ска-

зать, «чистой жизнью». Честно говоря, когда мы вместе сдаем анализы, у меня больше проблем, чем у нее.

— Кто придумал такие красивые имена вашим дочерям?

— Я сам! Всегда любил имя Эммануэль, оно означает «Бог с нами», и Аве Мария — «Радуйся».

— Можете ли вы сказать, что ваша жена — ваша вторая половинка?

— Если мы повенчались, значит, это да на все сто процентов. Она поддерживает меня и понимает с полуслова, она моя правая рука и в жизни, и в карьере.

— Авраам, ваши познания в философии, теологии поражают своей глубиной, а ваши мысли — мудростью. Вы очень образованный, начитанный человек. К тому же сами не одну книгу написали. Если будете еще писать, чему будет посвящена ваша новая книга?

— Следующая книга про экзорцизм — как не стать бесноватым. Он сегодня нередко встречается, но многие даже не понимают, что столкнулись с ним. А вторая часть книги — история про ладан, о том, почему его сжигают в храмах. Это важные темы, история, которую нужно знать.

— А что бы вы посоветовали почитать нашим читателям?

— Всегда читайте! Чем больше вы читаете, тем больше узнаете.

Читайте то, что любите, то, что приносит вам удовольствие и наполняет вас изнутри светом и доброй энергетикой.

— Многие ваши поклонники, наверное, не знают, что вы некоторые песни из вашего репертуара сочиняете сами. А как рождается замысел, слова, музыка?

— Есть несколько вариантов. Первый — я пишу сам, второй — композитор предлагает мне. Бывает, иногда слышу какую-то песню, звоню своему другу, с которым часто вместе пишем, и говорю, давай сделаем в таком направлении интересный трек, и начинаем работать над ним. Как говорится, «аппетит приходит во время еды», идея тоже приходит во время работы. Сегодня мир стремительно развивается, мир музыки — тоже. Мы не должны отставать, нужно идти в ногу со временем, развивать вкус и не быть старомодным...

— Что вас вдохновляет?

— Я скажу так, очень важно духовное состояние, когда ты силен и крепок. Физическое состояние сегодня есть, а завтра его нет, заболел человек, и все, он его потерял. А духовное состояние, оно всегда в тебе, и оно вдохновляет. Нежели кормить свое тело, кормите душу свою...

— Что, по вашему мнению, является настоящей музыкой?

— Хорошая музыка — это та музыка, которая имеет вес. Вот включил ты песню, и тебе хочется ее слушать снова и снова. А если включил, и мотаешь, чтобы дойти до какого-то момента, например, припева, это уже не музыка. Музыка —

это море, которое имеет много направлений.

— Авраам, возвращаясь к вашей маме — каким главным заветам она вас научила?

— Я — верующий человек и не стесняюсь этого, как некоторые. Когда мой Господь ушел от своих апостолов, он сказал: «Я дам вам новый завет. Да любите друг друга, как я вас любил». Моя мама учила меня любить ближнего как самого себя, любить всех и не судить. Ибо неизвестно, как Господь встретит его после смерти, мы не знаем, кто есть кто.

— Сомнения, страхи, невзгоды — какие препятствия вы преодолевали на своем пути, чтобы прийти к себе и стать тем, кем вы стали сейчас? Что было для вас самым сложным?

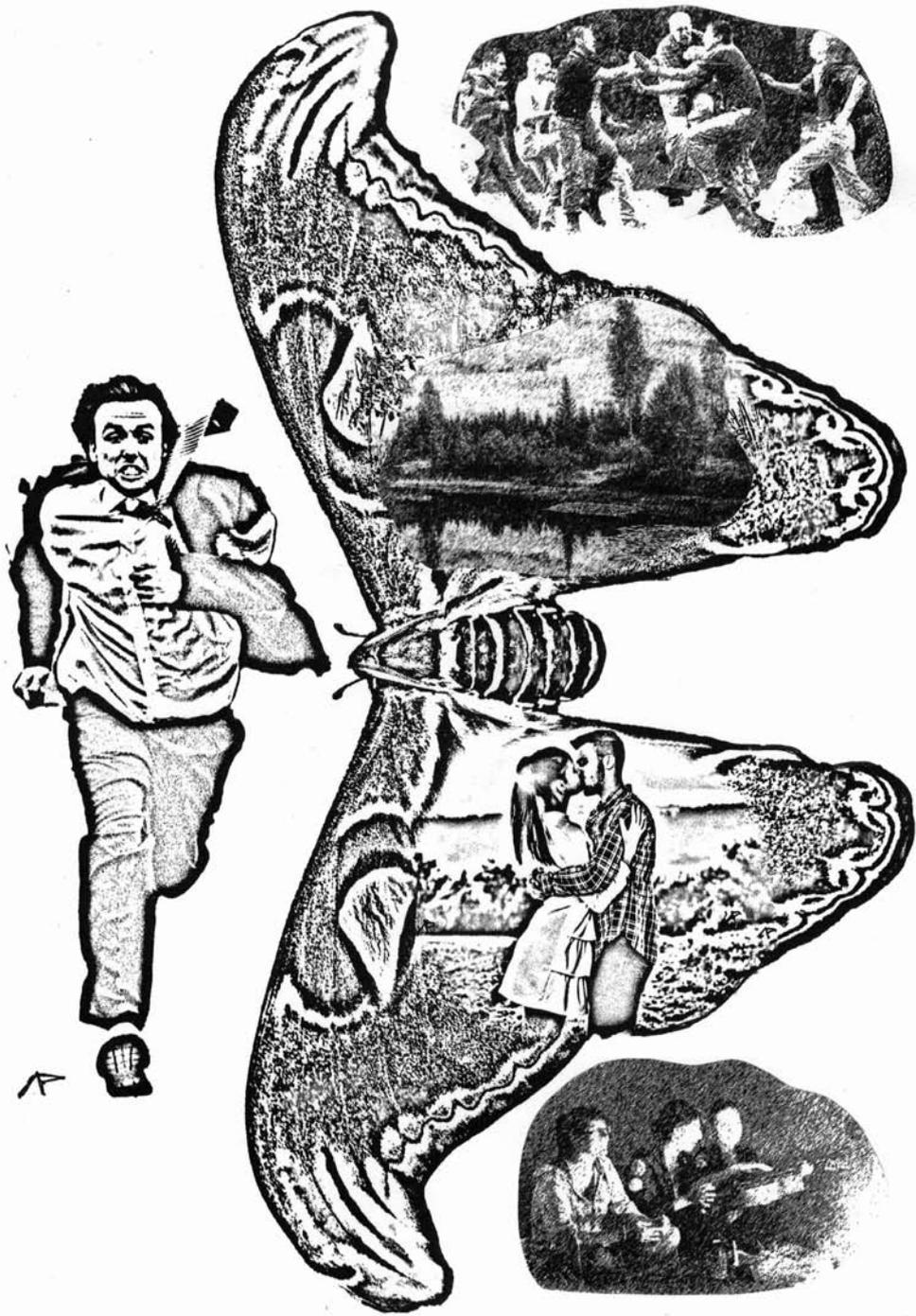
— Сама по себе моя жизнь очень сложная — с момента рождения и по сей день. Я поменял очень много мест жительства. Пока искал себя, меня преследовали препятствия, одно за другим. Они были все сложные, приходилось

бороться с людьми, которые пытались работать против меня. Мой успех был неприятен многим людям, в моем окружении было немало завистников. В 2006-м году со мной произошло страшное событие: в меня стреляли. Можно сказать, я увидел смерть и заново родился. Но при этом свою позицию в этой жизни не менял. Кровь кровью не смывают, ее смывают водой. Вода — это жизнь. Что бы ни случилось, я никогда не буду никому мстить и думать о мести. Это глупо, хотя многие этого не понимают. Только храбрый и мудрый человек может мыслить правильно, а трус всегда будет искать пути мести. Хочу всем пожелать: будьте всегда храбрыми и не отвечайте на зло — злом. Будьте светлыми людьми. Я стараюсь быть светлым человеком, поэтому живу и радуюсь жизни! □

Беседовал Дмитрий Соколов

Фото из личного архива

A

Бабочка Когню

Бунт

1

Он подошел к стене и нажал кнопку, замаскированную в лапе медведя на картине Шишкина «Утро в сосновом лесу». Огоньки вдоль каналов Острова один за другим погасли.

— Вот вам и вся ваша хваленая нейросеть, — пробормотал Платон.

Его уверяли, что подачу газа на Остров контролируют нейросети.

Платон Укутыш с утра пребывал в скверном настроении. Он служил комендующим Острова. На Острове входила в обиход придуманная речь. Комендант — комендуй, префект — префектуй. Слова можно было произносить двояко. Зачем нужна эта двойственность? Она раздражала Платона. «Спокойно, дружище, спокойно, у нас еще все впереди», — тут же в памяти всплыла строчка из песни Юрия Визбора. Была у Платона такая привычка. К месту, а, порой, и не к месту, вспоминать старые баллады бардов. Привычка закоренелого сплавщика. Между тем, человек строгих правил, Платон любил определенность. И слов он не коверкал, а произносил их правильно. Не префектуй, а префект.

Накануне вечером префекты островных районов Жэк Воробей, Буденовец Кардинала и Поган Пекарь доложили Платону, что поставки легированной стали для строительства домов-укрывищ и сборки лодок-капсул опять срываюся. Завод-изготовитель, дымящий домами за Уралом, на реке Чусовой, гнал порожняк. «Как мы гоним с Ростова мясо, а из Риги завозим сельдь...» А это уже Анчаров, совершенно забытый бард и писатель. Сейчас мы из Риги не завозим даже шпроты. Кто-то помнит загадочный роман Анчарова «Самшитовый лес»? Один старина Козлов помнит, Вильямыч, автор мистических романов. Жив курилка! Ему уже, наверное, лет сто. В наше время люди живут долго. А присланная ранее на Остров пупырчатая сталь не выдерживала и ста

Журнальный вариант.

градусов жары — а по госту требовалось двести. В домах, сваренных из стали стоградусной закалки, обитатели острова — фаеры, люди огня — плавилась заживо. Остров пылал днем и ночью. И только Платон, обладающий властью команданта, мог прикрутить горелки. Он и нейросети контролировал.

Платон включил кондиционер, вызвал по селектору свою заместительницу, Ангину Игоревну Пидарей. Потом позвонил директору сталелитейного завода Алабаю. Полное имя зауральского директора — Алабай Мечты. Отчество — Валтасарович. Впрочем, и полное имя Платона было несколько иным: Платон, в ведре Укутыш. Вот как его звали. Он первым поставил на своем какже стальной стакан, где прятался, проходя огненные речки. Смелый и находчивый, еще недавно полковник, награжденный звездой Героя, Платон командовал фаерами и запутанным хозяйством Острова. Мы не станем удивляться именам героев. Другие времена — другие нравы. И другая продолжительность жизни. Зависимость от гаджетов и социальных сетей. Книги выбросили на помойку. Все оцифровали, даже оленей в тундре. Русские во все времена нарушают норму. Греческое понятие — норма. Будь то алкоголь, цифровизация или расширение границ государства. Иногда это благо, но чаще беда. На выборы в президенты кандидатке-самовыдвиженке Еремее Виснадул, телеведущей, требовалось собрать 300 тысяч подписей. В ажиотации собрали два миллиона и продолжают собирать. Зачем?! Верность подтвердится на выборах.

— О чем замечтался, Алабай Валтасарович? — спросил Платон. — У меня вчера два тупика на Плешке сгорели подчистую. Ну, ты знаешь — в овраге, недалеко от станции Тесла. Дома сварили из твоей стали последнего завоза. Фаеров эвакуировали на вертолетах. Один тупик называется «Тридцать лет без урожая», другой «Американский борщ». Мечтатели. Борщ из кока-колы и чипсов не сваришь. Фаеры восстали и собираются на Сплав справедливости. Хотят Кремль штурмом брать! Президента им подавай!

— Платон-ака, смежники-раздолбуи подвели, — заюлил Алабай. — Сейчас технологи разбираются, почему в стали появляются пузырьки. Сегодня же отправлю металл-шмотал из старых запасов.

Завод Алабая поставлял на Остров сталь, газовые горелки, туристические котелки и бронезилеты. Кружки-ложки тоже штамповал.

Тут вошла Ангина Игоревна Пидарей. Классическая «сорокопятка». Обесцвеченные перекисью водорода волосы, бюст в полупрозрачной кофточке колышется при ходьбе. Несколько мышинное, как у лемминга-хомячка, выражение личика. На ногах не солдатские берцы, по моде Острова, а лохматые тапочки-подкрадули. «Ноги стынут», — извинительным тоном сказала Ангина II покосилась на работающий кондиционер и доложила сильным голосом:

— У фаеров-сплавшиков главный бузотер Толька, Медный Упорос. И его бабенка Нинка — шалава портовская...

Многие фаеры, особенно старики, из своих прозвищ-ников делали имена и отчества. Поган Пекаревич, Платон Укутович, Анатолий Упоросович. Правда, Толик, Медный Упорос, был еще совсем не старым человеком.

А когда-то, еще сравнительно недавно, у них у всех были обычные имена и фамилии. На человечество стремительно надвигалась вторая половина двадцать первого столетия. Новый век разогнулся. Он принес много непривычного, причем часто пугающего: горящий Остров с названием «Багрец», диковинные имена людей — ники и прозвища. Нам ли их судить, людей будущего?

Из Агентства Новых Технологий требовали: «Держать накал в двести градусов! Иначе, Платон Укутович, пойдешь руководить Карательной Косметологией!» Был такой департамент на Острове. ККК — Кластер Карательной Косметологии. Чем он занимался, никто толком не знал, но подозревали что-то страшное и незаконное. Из Кластера могли сослать исправляться на Чукотку. Платон, по молодости лет, тоже жил в тундровых краях — служил в штурмовом батальоне ВДВ. Там всегда холодно. Минус сорок градусов. Люди ели ножами мороженое мясо оленей, называя такую еду строганиной. Платон сырое мясо есть научился. Он и с аборигенами дружил. Спал у них в чумах, говорил на их наречии, подпевал их тягучим напевам. Но больше всего ему нравилось сидеть у костерка в снежном чуме-иглу. Иглу строили из пластин, вырезанных из снежного наста. Внутри разводили костерок, и скоро на огне закипал чайник. Сразу становилось тепло, как дома. Лед, снег, сосульки... И ты сидишь в одной тельняшке и губами боишься коснуться края кружки с чаем — такая она горячая!

Десантники охраняли нефтяные шельфы, золотоносные рудники и проход подводных лодок по проливу Лонга в Арктику. Аляска рядом. Платон предложил фаерам ездить в отпуск не в Сочи, а на Север. Жителям горящего Острова понравилось отдыхать на Чукотке. В оленеводческом колхозе Рыркарпий, на мысе Шмидта, построили санаторий. Ванны с шугой, снеговые массажи, купание в проруби и растирание льдом. Селфи не с вялым от успокоительных укулов попугаем, а с настоящим пингвином. Упругим и будто с лакированной спинкой...

Вскоре к человечеству, в мир двойных стандартов, наконец-то пришли перемены. И не нам судить, хорошие они или плохие. Задача у автора гораздо скромнее. Он лишь расскажет о том, как стали жить люди на пылающем днем и ночью Острове с названием «Багрец». Ну, еще, быть может, пару-тройку абзацев о квантовой психологии и об эффекте бабочки. В свое время ему пришлось коснуться квантовых вопросов, требующих отдельных знаний.

В кабинет Платона зашел советник по культуре Хелл Рейзер — высокий и худой старик в форме офицера времен Вермахта. Он был авторитетным реконструктором и никогда не пользовался компьютером и смартфоном. Реконструкторы ретушировали дыры. Имитировали эпоху — по крайней мере, так казалось Платону. Он не жаловал реконструкторов и с раздражением повернулся к Рейзеру:

— Хелл, давно хочу тебя спросить... Ты же еврей, а фашисты сжигали их в газовых камерах. Зачем ты носишь немецкую форму?

— По Уставу нашего Острова у нас нет национальностей. Только имена служат идентификаторами. Вы сами ввели такое правило. Ношу арийскую форму исторической эпохи, но это совершенно не значит, что я разделяю фашистскую идеологию. Я бы с удовольствием носил шляпу с перьями и камзол гвардейцев кардинала Ришелье, но их добыть невозможно, найти форму штурмовика СС гораздо легче. Чубару только свистну — сразу принесет. Он — известный копатель курганов, окопов и блиндажей. Ищет оружие, артефакты и хоронит полуистлевшие кости погибших солдат. А по национальности я, вообще-то, русский. Вы, кстати говоря, на русского тоже не очень похожи, Платон Укутович.

— Я — чалдон. Помесь казаков с местными сибирскими красавицами — тунгусками и якутками. А вообще чалдон — человек с Дона. Еще есть камчадалы на Камчатке, гураны на Дальнем Востоке, а чалдоны живут в Забайкалье. Ладно, не обо мне сейчас речь. Мы, когда в детстве играли в войну, фашистом быть никто не хотел. Ненавидели фашистов. Ты изображаешь из себя гитлеровца. Зачем? Теперь про имена. Вот я — Платон, Укутыш. В капсуле укрывался от огня. «Укутыш в ведре».

— Вообще-то, «укутышами» называли маленьких детей в блокадном Ленинграде, — усмехнулся Рейзер. — Вы, надеюсь, помните, что была Великая Отечественная война? Гитлер захватил Европу, но СССР победить не смог. На улицу ленинградских ребятишек выводили, укутанных в шали, платки и шарфы. Они в очередях за хлебом стояли, ходили с бидонами за водой на Неву... В вас, Платон Укутович, осталось много детского. Вы — душа нараспашку. Проще говоря, извините меня, совок.

Хелл не знал, насколько он был прав. По ночам, занавесив окна в коттедже, Платон смотрел мультики. Про волка с зайцем и ежика в тумане. Начальник его охраны, Борис Животное, доставал Платону диски с мультфильмами.

— Ну... Хорошо. Согласен, я совок. А твое имя что значит?

— Тут все гораздо проще. Хеллрейзер переводится с английского как «восставший из ада». А у нас, реконструкторов, хеллрейзер — человек, который презирает новоделы. Мы считаем себя хранителями подлинных традиций реконструкторов. Носим хабар — настоящую одежду того времени, которое

представляем на сборах и фестивалях. Горящий Остров придумали мы, старики. Сплавщики, альпинисты, реконструкторы, гонщики. Нам уже не хватало простых гор. Городских шоссе и обыкновенных рек. Решили сплавать по огненным рекам. Так был создан Остров «Багрец». Помните, у Пушкина: «В багрец и в золото одетые леса»? Страшно и опасно сплавать в огне... Но зато какое удовольствие! Все вместе мы — фаеры., по-английски — огонь. Я вообще-то, Платон Укутович, зашел к вам по другому поводу — Хелл вынул из наволочки старую книгу, — принес вам сочинение Макиавелли о заговорах и мятежах. Двести цитат. Макиавелли был выдающимся мыслителем и страгегом. Почитайте на досуге. Я же ваш советник, значит, должен вовремя советовать. — Он полистал книгу: — В работе «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» есть такой пассаж: раз уж начинаешь осуществлять заговор, то должен довести его до конца. Заговорщики должны убить государя. Государь на Острове у нас один — комендант Платон Укутович, то есть вы.

— Не успеют, — ощерился Платон. — Я отдам приказ префектам тех районов, по которым они поплывут к водопаду Справедливости, включить горелки двойного накала. Прах и пепел. Вот и все, что от них останется.

Рейзер одобрительно кивнул головой:

— Правильно. Так и надо действовать. У Макиавелли: «Чтобы сохранить самодержавие, государь не может постоянно оказывать добро. Ему приходится скалить зубы, пользуясь кнутом по мере надобности».

Платон прошелся по кабинету, подумал немного.

— Ну, так и быть. Оставь книжку, может, почитаю твоего Макиавелли, если будет свободное время. Но, боюсь, сегодня и завтра у меня его не будет. А потом, Хелл, не забывай, у меня есть замечательная заместительница, Ангина Игоревна. Метод ее действует безотказно — отвесить пидарей!

Он оглянулся. Оказывается, Ангина уже вышла из кабинета.

Платон, перелистывая книгу, даже и не заметил, что Рейзер тоже вышел. Он быстро набрал номер начальника своей безопасности:

— Борис! Нужно установить наружку за советником по культуре. Он только что вышел из моего кабинета. Так природа захотела. Почему? Не наше дело! Ну, ты знаешь его... Хелл Рейзер. Второе. Узнай, в каком состоянии супердджет Ангины, два дня назад она его ставила на ремонт. Третье — кто сегодня утром прилетал на Остров? Приготовь мой бронжилет, каску и автомат. «Солнцепака» не надо, лучше «Калашников». Последнее. Узнай прогноз погоды на неделю.

— Шеф! Броник, каска и автомат готовы с вечера, — доложил Борис. — Ангина Игоревна выехала в аэропорт. Потом неожиданно вернулась в пионерский лагерь «Уголек». Ее супердджет стоит в плане сегодняшних вылетов на вечер. Я связывался с диспетчером. На Остров утром из Екатеринбурга прилетел один человек, Алабай Мечты. Он с тобой, шеф, говорил по телефону из аэропорта. Прогноз... Гидрометео обещает дождь со снегом.

— Гидрометео уже сто лет обещает дождь и не краснеет, — заметил Платон.

Борис Животное был давним другом Платона и сослуживцем. Тоже из сплавщиков и альпинистов, бывший спецназовец ВДВ, обладатель черного пояса карате и любитель помахать самурайским мечом. Разносторонний человек, даже то ли на трубе, то ли на саксофоне играл в полковой самодеятельности. С Платоном они вместе служили на мысе Шмидта. Борис учился на биофаке Тимирязевки и очень много знал про животный мир. Может, потому, еще в студенчестве, получил прозвище «Животное». За вольнодумство и регулярные нарушения дисциплины его турнули с пятого курса и отправили в Анадырь, сторожить границу страны...

В прозрачном лифте Платон поднялся на крышу здания министерства обалдуев, где была оборудована вертолетная площадка. Перед вылетом набрал цифры только ему одному известного кода. Окончательно закрутил вентиль с газом — природная интуиция чалдона. Он всегда загравком предчувствовал проблемы и говорил: «препон катит». Сегодня «катил препон», похожий на встречную волну в речном водовороте. Кто сплавлялся по горной реке четвертой или пятой категории сложности, тот знает, что такое «бочка» в пороге. Выбраться из нее непросто. Чтобы попробовать, автор повествования сплавлялся в Якутии и по рекам Дальнего Востока. «Люблю тебя я до поворота, а дальше как получится...» — бессмертные «Перекаты» Городницкого.

4

И как же дальше, после поворота? Все было не так ясно, как предсказал умник Макиавелли. Сообщества неформалов оформились на Острове в ватаги и враждовали между собой. Теперь они напоминали ОПГ — организованные преступные группировки. И вот ОПГ объединились. Появилась общая цель — прогнать чужаков с Острова. Лет десять назад легендарные экстремальщики — альпинисты, байкеры, сплавщики и те, кто прыгал на резиновых веревках в скальные пропасти, «тарзанчики», собрались на свой слет недалеко от Серебряного бора. Стоял там один островок, затерянный в камышах и кустах рябины недалеко от Карамышевского шлюза. До стен древнего Кремля — часа три ходу на двухвесельной байдарке по Москва-реке. Сплавщики, их еще не называли фаерами, пели под гитару свои баллады: «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!» «Солнышко лесное...» И еще: «Лыжи у печки стоят. Гаснет закат за горой». Закоренелые грушинцы. Грушин, тоже сплавщик, погиб на сибирской реке, спасая детей. В честь него называли фестиваль песни. Грушинцы пили разведенный студеной водой из речек спирт, рассказывали запрещенные анекдоты. Подруги ходили в полувоенных берцах, зашнурованных по колено, в пузырчатых штанах-комбатах и отрицали косметику. И кто-то, очередной умник, кажется, Писокоть Великолепный, заметил: «Са-

мое скверное в жизни не заботы, не болезни, не бедность и не горе, а — скука!» Писокоть стал большим начальником. Он возглавил Агентство Передовых Технологий и часто появлялся на экранах телевизоров. Его Агентство Передовых Технологий отвечало за молодежную политику.

Вскоре всем туристам страны прискучило хлебать студеную водой в порогах Катуня, ночевать, примостившись на скальных полках Эльбруса, или мчаться по Рублевскому шоссе со скоростью двести километров в час. Они хотели других впечатлений и другого простора. Рождались новые сообщества неформалов, появились сталкеры и диггеры. Они отыскивали полуразрушенные здания, цеха старых заводов, заброшенные пионерские лагеря, фермы с выбитыми окнами и даже обезлюдевшие города. Под землю на реки, закованные в бетон, спускались диггеры. По перекрытиям этажей и железобетонным конструкциям ползали сталкеры. По крышам лазали руферы. С английского руфер — кровельщик. К тому времени в стране много чего забыли и много чего позакрывали. Заводы, научно-исследовательские институты, лаборатории и даже объекты, которые значились на картах, как «почтовые ящики». Остались никому не нужные здания. Часто таинственные и, разумеется, опасные. Гражданам все время хотелось новых ощущений.

Толик, Медный Упорос, сплавщик с Камчатки, был тогда выпускником педагогического института, факультета физического воспитания, и на «стрелке» подмосковного островка мечтательно произнес:

— Вот у нас, на Камчатке, сплавляешься по речке — рядом бьют гейзеры с горячей водой, камни летят, вулканы дышат лавой. Нам бы речки с огненными берегами найти!

Все зашумели. Ишь, размечтался! Лес, что ли, специально поджигать? Писокоть почесал загорелую лысину и пошевелил палкой в костре:

— Аквапарки, американские горки, комнаты кривых зеркал, пещеры вурдалаков... Пинг-понг — спорт смелых и мужественных! Ха-ха! Все приелось! Речки с огненными берегами... Отличная идея! Вот что нужно нашей молодежи!

— А где найдешь такую речку? — спросил Платон. — Лесные пожары, конечно, бывают, но лучше туда не соваться. Мне как-то пришлось убежать от лесного пожара. В Якутии.

Писокоть сильно возбудился. Даже снял очки и замахал руками:

— У нас газа, что ли, мало? Да вот, на острове прорыть каналы, подвести к ним горелки, сделать маршруты разной сложности... А вы знаете, как долго горит торф на болотах и по берегам?!

Одним словом, все закрутилось с невероятной быстротой. Подключились олигархи-сплавщики. Институт «Росгипротранс» разработывал проект. День и ночь работали земснаряды, намывая остров до гигантских размеров. Опытные сплавщики — Платон Укутыш, Толик Медный Упорос и Поган Пекарь — собирали по стране добровольцев. Новый парк приключений на Москва-реке

назвали «Остров Багрец». Креаторы Писокотя имели в виду, конечно, не столько Александра Сергеевича, сколько Кубу, остров зари багровый.

На первом же, экспериментальном, сплаве Платон попросил соорудить на его каюте стальной стакан и велел включить горелку на вторую степень накала. Мастера-электросварщики залудили из стали что-то типа огромного ведра. Прошел. Только реснички и брови обгорели. Открытым голосованием сплавщики — тогда их и называли фаерами — избрали Платона командиром Острова. Комендантом. Потом стали называть «комендуем» — тоже Писокотю придумал. И сначала все пошло так, как мечтали. Экстремальщики и фантазеры-лирики потянулись на Остров. Через год Писокоть создал на Острове первый Центр Мужества Молодежи. Назвал его «Легионом». Пацанов пятнадцати — шестнадцати лет свозили из Москвы и ближнего Подмосковья. Месяц обучали начальной военной подготовке в специальных классах. Стрелковое оружие, парашюты, марш-броски по пересеченной местности, автодело. Ножи метали, на тарзанке прыгали с обрыва. Потом легионеры держали экзамен — сплавлялись по центральному каналу до водопада Справедливости. Прошедший испытание получал тельняшку, бушлат и берет с кокардой «Легиона». А потом началось! Кто только не ехал на Остров!..

Платон не выдержал, напросился к Писокотю на прием.

— Мы так не договаривались! Смотри, что получается... Мы придумали Остров для экстремальщиков, для себя. А у нас теперь кого только нет! Огородники, садоводы, грибники... Ловцы бабочек бегают по берегам с сачками. Не хватает собирателей спичечных этикеток и любителей вышивать крестиком. А блатари и ауешники откуда?! Придумали Кластер Карательной Косметологии. Какие-то секретные лаборатории, куда возят и возят мышей... Даже я не знаю, чем там занимаются. Мы теряем контроль над сообществами! И это уже не сообщества, а настоящие банды. Все нищие, попрошайки с Арбата, бомжи и проститутки, люди без прописки, эмигранты, какие-то киргизы и узбеки... Все едут на Остров! Директор завода — Алабай! Главные врачи больницы — Гаджиевы...

Писокоть остановил его и с пафосом произнес:

— Помнишь, Платон Укутович, когда-то была песня: «Раньше думай о Родине, а потом о себе»? Ты, наверное, ее еще застал. Когда мы забыли слова песни, мы потеряли Родину. Поколение пьяниц, наркоманов и обалдуев сменилось поколением эгоистов, инфантилов, пацифистов и имитаторов бурной деятельности. Людей, зависимых от гаджетов и компьютеров. Если мы создадим острова по всей стране, то мы нацию поднимем с колен! «В багрец и в золото одетые леса...» — написал Пушкин, Александр Сергеевич. Мы вернем национальную гордость народу!

— Писокоть Великолепыч! Я какой год твержу: у нас на Острове нет даже православного храма. Откуда гордость возьмется?

— Правильное замечание. И мечети нет, и синагоги... Зато газа хватает!

— На все острова газа не хватает.

— Хватит! Ты еще скажи, что зерна у нас мало... Европе вентиль с газом прикрутили? Прикрутили! Африку и Азию пшеницей накормили? Накормили! Проект «Остров Багрец» одобрен на самом верху.

— А зачем завезли леммингов? Они скоро сожрут всю муку на складах!

— Ученые, биомеханики и квантовые физики ставят свои опыты. На Острове внедрена для управления потоков огня нейросеть. Впервые в мире!

— Лемминги-то обитают в тундре. Пусть там ставят опыты с мышами.

— Климат же меняется... В Мневниках нашли линзы вечной мерзлоты.

— Лемминги и квантовая физика... Ну какая тут связь?

— Знаешь, что такое «эффект бабочки»? Можно раздавить бабочку, а через десять лет на твой дом упадет скала. Нечто, что влияет на жизнь людей. Мальчик случайно услышал в детском саду песенку, заинтересовался, окончил музыкальную школу и стал великим композитором.

— Лемминги так повлияют на нас, что мы создадим свою Колыму на вечной мерзлоте, некое подобие сталинского лагеря!

— В ГУЛАГе людей делали рабами, — нахмурился Писокоть, — а в Центрах Мужества Молодежи, на островах, мы воспитаем свободных и гордых за свою страну граждан.

— Так, глядишь, вся страна станет пылающим Островом.

— Может, это и не плохо? Возрожденная страна! Ты же сибиряк, Платон, полковник ВДВ. А бывших вздэвэшников не бывает. Неужели забыл — кто, если не мы?

«Кто, если не мы!» — это была кричалка-слоган десантников. Платон ее, конечно, хорошо помнил. Помнил....

5

Платон полетел на вертолете в гавань островного округа Шреденгера. Префектом там работал Пекарь Поган. На бетонной набережной собрались сплавщики-мятежники. Все уже переоделись в серебристые огнезащитные скафандры. А внизу, у причалов, стояли плавсредства фаеров. Стальные байдарки, плоты-рафты и катамараны. Крепеж лодок и надувные гондолы были сделаны из огнеупорных материалов — последнее изобретение конструкторов московского Института стали и сплавов. Платон вышел из вертолета в бронежилете, каске, за плечом его висел «калашников» с прикладом. За Платоном шагал начальник службы безопасности Борис Животное. Он был вооружен ручным гранатометом КК-200 — «Концерн Калашникова — двухсотая модель». Островитяне называли гранатомет «кровая каша» — после выстрела из КК-200 от людей оставалась кровавое месиво. Это самое удобное

оружие, что изобрело человечество к концу двадцать первого века. Берешь пистолет, и он становится продолжением твоей руки. Про «Катюши», «Грады» и «Кинжалы» и говорить нечего.

Префект Поган Пекарь прятался за спинами фаеров. Он пробовал вступить с мятежниками в переговоры. Но Толик, Медный Упорос, сразу обозначил позицию:

— Говорить буду только с комендантом Острова, Платоном Укутышем!

— Чего ты хочешь, Медный Упорос? Говори коротко и по существу! — Платон встал напротив Толика и выпустил прямо ему в лицо струю дыма.

Огненно-рыжий и упругий, весь как на пружинах, Толик одной рукой держал за талию рыжую Нинку, а другой придерживал ручной пулемет. Голову Нинки украшал веночек из фиолетовых цветов. «Где она, на горящем острове, цветы нашла?» — невольно подумал Платон.

А Толик пристукнул прикладом пулемета о гранит набережной и произнес:

— Мы пойдем до водопада. А потом, через Карамышевский шлюз, до Кремля. Встанем лагерем под стенами и поговорим с Писокотом Великолеповичем! Если он наши просьбы не удовлетворит, будем добиваться встречи... Сам знаешь, с кем.

— Ты, вроде бы, неглупый парень, Анатолий Упоросович, — громко, так, чтобы слышали другие, сказал Платон. — Прежде чем дойдешь до Карамышевского гидроузла, я твоих архаровцев утоплю в центральном канале. А сверху еще и пеплом присыплю.

Краем глаза он видел, что на катера сопровождения сплава грузят крупнокалиберные пулеметы и гранатометы. Почти у всех фаеров на груди висели «солнцебеки» последней модификации. «Тоже интересно, — подумал Платон, — на склад поступила первая партия, триста штук. Выдача — по моей записке. На набережной человек двести. И у всех автоматы...»

— Во-первых, Платон, кто тебе сказал, что мы пойдем по центральному каналу? — ответил Толик, — есть много других протоков. Во-вторых, если ты начнешь нас бомбить, мои «архаровцы», как ты выразился, ответят. На Острове начнется перестрелка, которая перерастет в гражданское противостояние. Бунт перекинется в Москву, а до нее — три часа ходу. Подумай о последствиях. К тому же, согласишься, ты думаешь точно так же, как все мы!

Платон подумал, что логика в его рассуждениях была. До водопада Справедливости не обязательно идти центральным каналом. Мелкие протоки впадали и вытекали, как кровеносная система, подпитывая главную артерию. Отследить движение фаеров было бы непросто. К тому же они вооружены. Удар по мятежникам с воздуха дронами нужно согласовывать в Агентстве, у Писокоты. Когда Писокотам был нужен русский бунт? Бессмысленный и беспощадный. Как называл его... Кажется, Ленин? А, может, Пушкин. Надо будет уточнить у Рейзера.

— Ты можешь назвать ваши конкретные требования?

— Могу, конечно. Но коллективное руководство сплава приглашает коменданта Острова на переговоры.

— У вас есть руководство? Уже интересно... «Стрелку» забываете?

— Называй это, как хочешь. Штаб находится на территории лагеря «Уголек». Безопасность мы тебе гарантируем. Потому что наше первое требование — сплав должен возглавить ты! Ты, Платон Укутович, стал большим начальником и забыл, как надо проходить пороги. Когда последний раз садился в байдарку или на катамаран?

Платон вспомнил. Последний раз он проходил канал на фестивале Огня, четыре года назад. Проход его команды на шестивесельном рафте был признан тогда образцово-показательным.

— Возглавлять ваш сплав я не могу и не буду, — твердо произнес он. — Я — комендант, и отвечаю за порядок на Острове. Вы же хотите устроить хаос. А вот пройти водопад готов.

— Платон Укутович, ты бы лучше озаботился качеством стройматериалов, которые поставляют с Урала. На Плешке опять дома сгорели. Есть жертвы.

— Знаю. Я их сам вывозил. А ты, Толик, шуток не понимаешь.

— Шутки кончились. За один вечер пять горелых трупов!

— Знаешь, почему округ Погана Пекаря называется округом Шрединге-ра? Потому что мы пока, вроде бы, еще не мертвые... Но и не живые! Остров создавался не для того, чтобы мы каждый день горели в огне! Надо не только традиции сплавщиков соблюдать, но и данное слово держать.

— Платон! Да ты у нас гвоздь программы!

— Иду на отчаянный шаг...

6

Старожилы Острова помнили, что когда-то пионерский лагерь назывался «Уголок пролетарского сада». Географически он находился неподалеку от деревни Мневники. В пионерском лагере проводили лето наследники строителей-каналармейцев «Москва-Волга» и дети метростроевцев. Жгли костры, варили уху, пели свои картовые песни про картошку: «Ах, картошка-тошка, тошка, пионеров идеал-ал-ал!» Потом не стало пионерского галстука и звонкого горна. И страны пионерской не стало. А ведь в красногалстучных отрядах детей учили не только ходить строем, бить в барабаны и любить главного дедушку страны Ильича. В пионерских отрядах учили верности и долгу. Ну а в том, что все они были прирожденными фаерами — людьми огня, особых доказательств не требуется. «Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем!» Барды здесь ни при чем, это Блок, поэма «Двенадцать».

Брошенный пионерский лагерь первыми нашли сталкеры. Или руферы с диггерами. Они бродили по заброшенным заводам и стройкам — искали

приключений под землей и в небе. Лагерь сделали штабом своего движения. Назвали его «Уголек». Вот и все, что осталось от пролетарского сада.

Фаерами стали называть всех обитателей Острова: сплавщиков, рокеров, байкеров, реконструкторов, сталкеров и тарзанщиков. «Уголек», как любое вольное поселение свободных людей, с трудом поддавался контролю, Платон назначил управлять «Угольком» Буденовца Кардинала, смекалистого парня, визуальщика и блогера. Он так подписывал свои посты в сети — Буденовец Кардинала. Платон называл его Буденом Кардиналычем.

Неподалеку от лагеря, еще в советские времена, построили загадочную станцию. Кажется, она укрощала молнии. Молнии можно укротить? Советские ученые, тоже романтики и лирики, пытались молнии ловить. И защищать в небе самолеты от огненных росчерков. Спиралевидные трубки огромных матч уходили в облака. Станцию называли башней Тесла, но никто точно не знал, для чего она построена. Буденовец Кардинала с бригадой руферов обследовал объект и пришел к выводу, что станция искала контакты с инопланетянами. Тогда было актуально искать контакты с внеземными цивилизациями. Нашли или нет — неизвестно. В те, не очень уж и далекие, времена многие страны потеряли контакты друг с другом. Россия теперь дружила с Африкой, Латинской Америкой и Азией. С кем дружили Соединенные Штаты Америки, было непонятно. Европу Америка пригнула. Разве можно дружить с тем, кого пригибаешь? С рабами рабовладельцы никогда не дружат.

Платон, не часто, правда, но бывал в «Угольке». Он понимал, почему фаеры выбрали своим центром пионерский лагерь. Мальчишки всегда сбиваются в команды, строят себе штабы в подвалах и на чердаках. В конце прошлого века они сбились в стаи. Режиссер Жора Крыжовников снял фильм «Слова пацана. Кровь на асфальте» о подростковых группировках. Писокоть не зря его вспомнил, фильм как пожар прокатился по стране. На самом деле, Жорино кино было так себе. Одно имело достоинство — хорошо играли актеры. Но белые нитки, как штопка в мундире Хелла Рейзера, виднелись в сюжете. Образ шапки, красной нитью проходящий в фильме, торчал занозой. Кинокритики начали сравнивать Крыжовникова с Феллини и Тарковским. Согласитесь, было бы странно Тарковского называть Андрюшей. Крыжовникова же почему-то называли не Георгием, а Жорой. Говорят, что так называют себя люди, мышлением задержавшиеся в детстве. После пандемии, охватившей мир, и после войны с «коклами», люди ощутили себя брошенными. Неформалы догадались, что надо объединиться. В «Угольке» Платону всегда становилось грустно. Он хорошо помнил последний пионерский лагерь. Правда, тогда он назывался уже не пионерским, а «Лагерем труда и отдыха». Но отряды и вожатые-инструкторы в нем были. И костры жгли до неба. «Мы пионеры, дети рабочих!» не пели. Ни рабочих не осталось, ни трудового крестьянства. Про интеллигенцию и говорить нечего. Она пропала, как будто ее и не было. А ведь союз ра-

бочего класса, трудового крестьянства и интеллигенции должен был обеспечить социализм.

Не получилось.

Все утонуло в обещаниях.

7

За столом, в комнате Совета отрядов, сидели Толик, Медный Упорос, Буденовец Кардинала и Ангина Игоревна, заместительница Платона. Никуда она, оказывается, не улетела. Пидарей не только вошла в триумвират, возглавивший бунт, она была вершиной этого треугольника. Ангина и вручила Платону листок, распечатанный на принтере. На столе стояли чай, тарелки с ломтями арбуза и коробки со сладостями — подарки Алабая Мечты. Платон чай пить не стал, сразу открыл листок с требованиями мятежников.

1. Выселить с Острова случайных любителей экзотики. Нищих, бомжей и проституток депортировать немедленно. Оставить профессионалов.

Перечислялись категории профессионалов. Сплавщики, реконструкторы, риферы, диггеры, сталкеры, тарзанщики, спелеологи, готы, фантасты, альпинисты, хиппи, рокеры, байкеры, панки, факельщики (любители фаер-шоу), анималисты (приверженцы леммингов), огородники, ауешники. Среди ауешников: карманники-щипачи, угонщики, гопники, медвежатники, домушники, шнифера, ликвидаторы, киллеры, марвихеры, колесники, каталы... Каждая категория делилась на подгруппы. В разряд «каталы» входили катранщики, гусары, майданщики и паковщики. Запутаться. Платон пробормотал: «Причем здесь хиппи, фантасты, катранщики и огородники? Огородники поливают огурцы и собирают золу. Они чем рискуют? Золы на Острове было много». А ауешники вместе со своими доморощенными паханами? Они не сплавлялись, в пещеры не лазали и в пропасти не прыгали. Сидели по землянкам и с утра до ночи резались в карты. Да и не паханы это были вовсе, а подражатели. Полукриминальное сообщество ауешников признали экстремистским и запретили законом. Многих отправили в колонии для малолеток. Почему огородники и садоводы потянулись на Остров, понятно — все горело и все превращалось в золу, отличное удобрение. Ну а фантасты, готы, хиппи и анималисты? Готы тусовались по ночам на кладбищах, фантасты задыхались от любви к Стругацким и к Айзеку Азимову, анималисты бегали по Острову с рыжими крысками, пряча их за пазухой, ловили бабочек марлевыми сачками, приручали леммингов. Зачем им горящие реки? В прежние времена общества любителей фантастики считались параллельными структурами. Спецслужбы безжалостно их разгоняли. Потому что фантасты в своих клубах конструировали альтернативное устройство государства...

2. Отменить прописку на Острове. Каждый, по желанию, может покинуть Остров в любое время.

3. Контролировать поставки стали.

4. Сгоревших при прохождении рек хоронить не на Острове, а по месту их прежней прописки.

Всего пунктов было десять. Про избрание коменданта Острова и префектов. Про снабжение Острова продуктами питания и водоснабжение. Про сбор добровольных взносов для покупки снаряжения и плавсредств.

Десятый пункт: Категорически запретить поселение на Острове представителей ЛГБТ и понятия «Родитель № 1» и «Родитель № 2».

И самое главное — запретить «Легион» — детище Писокотя.

Платон аккуратно свернул листок и спрятал его во внутренний карман бронезилета. При выходе из комнаты он столкнулся с Хеллом Рейзером и не удержался:

— Так вот почему, Хелл, ты мне посоветовал Макиавелли почитать.

— Я на вашей стороне, Платон Укутович, — ответил Хелл. — Меня госпожа Пидарей попросила об исторической консультации. Но имейте в виду, все префекты уже подписали требования. И Жэк Воробей, и Поган Пекарь, и Буденовец Кардинала. Ангину Игоревну вы видели. Заметили сейф за спиной Буденовца, в кабинете? Там документы. Вам надо их посмотреть. Министерство Оболдуев эвакуировано. Улетели на материк. В задней комнате, за кабинетом, сидит Алабай Мечты. Алабай Валтасарович сегодня утром прилетел на Остров. На встречу с вами не вышел. Я думаю, Алабай у них главный, он спровоцировал мятеж.

Платон внимательно посмотрел на Рейзера и сказал:

— Продолжай их «консультировать», Хелл. Только про Макиавелли меньше разглажь. Вечером встретимся. Борис скажет — где. Скорее всего, на пристани.

— Если не верите Макиавелли, посмотрите Пушкина. Он написал драму «Борис Годунов». Там тоже про власть, — посоветовал напоследок Хелл.

Платон усмехнулся. Книжные истины — одно, а жизнь — совсем другое...

СКОК

1

К вечеру «Уголек» опустел. Бунтовщики собрались в гавани у Погана Пекаря. Обсуждали время выхода на сплав и до хрипоты спорили о требованиях. Платон позвонил Писокотю. Великолепович его молча выслушал, потом сказал:

— Не надо злиться, накопившийся пар надо выпускать. Ничего не бойся, Платон Укутович. И никаких преград им не чини. Они пойдут через Карамышевский шлюз, и мы их там запрем с двух сторон. Или утопим, или сгорят заживо. Сегодня одобрили создание Острова «Багрец» по всей стране. Будем передавать опыт. Второй экспериментальный лагерь решено создавать на реке Чусовой. Рядом с заводом Алабая.

— А вы не подумали, что на таких островах помимо порядочных людей соберутся проходимцы и преступники? Острова станут сборищем негодяев! — заметил Платон.

— А хоть бы и так, — хохотнул Писокоть. — С одной стороны, мы сошлем на острова всю протестную сволочь и уничтожим почву для оппозиции. С другой, в «легионах» воспитаем настоящих патриотов.

— Ну а как вам Алабай? — перевел разговор на другую тему Платон.

Писокоть помолчал и ответил:

— Не думаю, что он лидер повстанцев... Видишь ли, Платон Укутович, ты — человек несговорчивый. Алабаю же, как всякому восточному торговцу, нужен бакшиш. Говоря по-русски, откат. На поставках стали. Сменят коменданта Острова, выберут другого. Хотя бы Толика Упороса или Ангину Игоревну — они сговорчивей. Не интересовался, кем работала до Острова Ангина? Она была зам префекта в Мневниках. Сидела на бакшише...

Платону показалось, что Писокоть знал что-то еще, но не договаривал, и он подумал: «А не вожак ли у них сам Писокоть?»

В наступившей ночи Платон и Борис Животное пробирались в «Уголек». С ними шагал третий — невзрачный парнишка лет девятнадцати с наколками перстней на пальцах, который представился: «Сырок Тревожный». Он был одет в хромовые сапоги-жимы, брюки с напуском. На голове кепка-восьмиклинка, во рту тусклая фикса грязноватого золота — типичный подражатель обветшалому воровскому стилю. Платон попросил Бориса найти в группе ауешников толкового медвежатника, специалиста по вскрытию сейфов. Борис привел к нему в кабинет вертлявого и пугливого подростка.

— Не боись, папаша, — ответил на безмолвный вопрос Платона Сырок, — я не чушпан. Вспорем «медвежонка» и не вспотеем. Все будет в ажуре!

Они прошли через прозрачный осинник, подошли к воротам, но их никто не остановил — охраны не было.

— Вот черти! Сто раз говорил им! Десять инструкций по безопасности принято, — выругался Платон.

— Сейчас им некогда, — ответил Борис, — нового коменданта выбирают.

— Зато пройдем без шухера, — хмыкнул Сырок.

Не зажигая света, они прошли в кабинет старшей пионервожатой. Табличка еще сохранилась и висела на дверях. Света не зажигали, шли с налобными фонарями. Сырок осветил сейф и сказал:

— Делов-то... минут на десять. Если там лавэ, — ткнул он пальцем в сейф, — моя половина куша!

— Лады, — кивнул Платон.

Сырок достал ящичек, похожий на ноутбук, только потолще, просунул в замочную скважину сейфа два проводка с магнитными клеммами, забегал

пальцами по клавиатуре. Он подбирал шифр. Действительно хватило и пяти минут. Сырок высчитал комбинацию, и сейф открылся. Никаких тебе кувалд и ломиков. Платон осветил содержимое лучом. В сейфе лежала папка с документами и тугие пачки купюр. Юани и рубли — Россия и ее партнеры по бизнесу давно отказались от долларов. На дне сейфа валялись несколько книжек, однократные шприцы в упаковках и белый порошок в пластиковых пакетиках.

Платон быстро просмотрел папку, но вчитываться не стал. Времени не было. На папке стоял гриф СС — «Совершенно секретно». И значился перечень документов: «Дмитлаг — приказы. Развитие проекта. Письма. Гигиена».

Вдруг луч фонаря полоснул по спинам, и простуженный голос прокричал:
— Попались, голубчики!

Кто-то включил свет, и Платон увидел незнакомую девушку. Из носа к уху тянулась цепочка, грива черных, как воронье крыло, волос заплетена во множество косичек, видимо, одна из обитающих здесь готов. Рядом с девушкой стояла Ангина Игоревна Пидарей. В бронежилете и с автоматом «солнцепек».

— Уходим! — закричал Борис и побросал в солдатскую брезентовую сумку содержимое сейфа. Платон прихватил папку с документами. Взъерошенный, с заострившейся мордочкой Сырок стал похож на крысенка-лемминга. Ангина выстрелить не успела. Он ударил очередь из двух стволов и тоненько завизжал:

— Бог мой! Блин! Черт! Игра окончена, дело швах!

— Болван! Тупица! — рыкнул на него Платон.

В коридоре уже слышался громкий топот — в комнату бежали охранники....

2

Их никто не преследовал. Добежали до башен станции Тесла и в овраге развели костерок. Ночи стояли уже холодные, накрапывал дождь. Где-то, высоко в небе, гудели мачты уловителей молний. Казалось, что они потрескивают и пускают искры. Пахло гарью.

— Ты зачем стрелял? — строго спросил Платон.

— Папаня! Если бы я не достал вольну, нас бы сейчас всех везли в морг, — ответил Сырок. Вольной он называл свой двуствольный автомат.

— Ты, Серега, молодец! — сказал Борис. — Здорово сработал с сейфом. Сейчас нет времени пересчитывать деньги. Приходи ко мне завтра в министерство, я расплачусь.

— Не забудь, половина — моя, — напомнил Сырок, — не кинешь? Братва будет недовольна, имей в виду. Деньги пойдут в общак. Такой у нас закон. — Он оглянулся по сторонам, приглядываясь к зарослям в овраге, и воскликнул: — Ты глянь... Клевое место! Надо бы завтра заглянуть сюда. На Острове появилась редкая бабочка. Летит на пламя и не боится огня. Ее называют «бабочка Когню». У меня в коллекции такой бабочки еще нет. — Увидев вопрошительные

взгляды, Сырок, явно смущаясь, пояснил: — Я бабочник, с детства собираю, — и бесшумно, как лесной зверек, скрылся в кустах.

Глядя ему вслед, Платон почувствовал, что его лихорадит. Надо было срочно что-то предпринимать.

Увидев его состояние, Борис сказал:

— Спокойно, шеф! Арестовать Сырка мы не можем. На первом же допросе он расколетя и расскажет, что нам надо было в «Уголке». Сам же отвертит-ся, скажет, что шел ночных бабочек ловить и «случайно» нашел сейф. Потом «случайно» выстрелил из автомата. Два трупа. Нас объявят в розыск.

Платон достал спутниковый телефон и набрал известный ему номер. Он звонил их с Борисом старому другу, инженеру из Института стали и сплавов Виктору Аркадьевичу Аверину по кличке «Профессор». Они были знакомы еще с детского сада. Ходили в клуб юных туристов, учились ориентированию, сплавливались на байдарках. На Севере все трое служили вместе.

— Витя, извини, что поздно. У нас тут с Борисом форс-мажор. Два трупа. Мне когда-то рассказывали, что на станции Тесла — ты знаешь, о чем я говорю — оживляют людей. Под высоким напряжением тока...

— Платон! — перебил его Аверин. — Не верь сказкам, придуманным фаерами. То, что ты называешь станцией Тесла, на самом деле — генератор Маркса. Он способен генерировать импульсы напряжением до шести мегавольт и создавать электроразряды длиной до двухсот метров. Генератор создали для испытаний прочности изоляции, защиты самолетов от молний и исследований в области систем вооружений на базе электромагнитных импульсов. Но его давно забросили.

После службы в армии Аверин стал непревзойденным специалистом, за что и получил в институте прозвище «Профессор», хотя числился техником во второразрядной лаборатории. Любой доцент в институте знал: чтобы защитить докторскую, нужно идти к Вите Аверину. Платон звал Аверина к себе на Остров, но тот отказался. Он считал идею создания огненных островов сомнительной.

— Ладно, «Профессор»... Ты знаешь, как запустить генератор?

— Ты думаешь, что огромный импульс способен оживить человеческое тело? Чудовищная ложь! Он просто испепелит организм... Генератор вырабатывает импульсы высокого напряжения, длительностью около ста микросекунд. В течение этих микросекунд моментальная мощность импульса превышает суммарную мощность всех российских станций, включая и атомные. Вспышка! И от человека останется горстка пепла! Насколько я помню, генератор принадлежал НИИ Всероссийского электротехнического института. Не знаю, кто сейчас у них хозяин. Если не веришь мне, можешь им позвонить, у меня есть телефон директора. Для подключения потребуется оплатить заряд электроэнергии.

— Спасибо, Витя! Я тебе верю.

Платон раскрыл брезентовый баул с пачками банкнот и обратился к Борису:

— Давай пересчитаем деньги!

— Шеф! Не надо пороть горячку... Если мы запустим эту бандуру, Остров взлетит на воздух. Газ подведен ко всем каналам. Что Витька сказал? От человека останется наперсток пепла! А от Острова останется ведро золы.

— Завтра они обявят Ангину и несчастную девочку-готиху героями сопротивления. Проведут митинг. У них появится знамя мучеников!

Борис достал дротик, с которым девушка-гот приходила охранять лагерь. Оружие было декоративным, только стальной наконечник настоящий.

— Ты точно видел, что Сырок обоих положил? — спросил он у Платона.

Вообще-то названия «бабочка Когню» в справочниках не обнаружено. Сырок мог и ошибиться. Другой вопрос, что 100 тысяч видов из более 158 тысяч бабочек не известны науке. Бабочек нет только в Антарктиде. Глаз бабочки состоит из тысяч частиц-линз. Бабочка весит примерно как два лепестка роз. У мотылька-бражника «Мертвая голова» есть необычный орган «речи», который находится в глотке — бражники подвывают по-волчьи. Бабочки откладывают свое потомство в одном месте много лет подряд. Как рыбы-лососи.

В огромном хаосе не связанных друг с другом событий рождается закономерность. Если бы Платон не сидел в ледяном чуме-иглу, он, может быть, и не стал бы комендантом горящего Острова.

3

Платон на скорую руку пролистал документы. Среди приказов по Дмитлагу нашлась карта захоронений заключенных. Она пестрела красными крестиками — не остров, а кладбище. Почему-то приказы были собраны только за 1934 год. В них оказалось много такого, о чем Платон не знал. Автор располагает частью приказов. Как они попали к нему, читателю скоро станет ясно. Вот они, лагерные приказы. Начальник Дмитлага, старший майор госбезопасности Фирин, подписал приказ № 49, в котором предписывалось в Северном районе «Мосволгостроя» организовать городок инвалидов. Городок инвалидов в лагере, где людей калечили рабским трудом, морили голодом? Надлежащий режим... Люди больше двух-трех месяцев не выдерживали.

6 февраля приказом № 61 во всех шести районах стройки — цитируем: «В целях развития живописи в деле отображения строительства, быта лагеря и зарисовки лучших ударников организовать специальные художественные мастерские». Вводилась должность инструктора по изобразительному искусству. И не одну живопись развивали. Гуманисты! «В ознаменование Международно-

го женского дня всем женщинам-лагерницам выдать по 250 грамм кондитерских изделий». И уточнялось — бесплатно. Следом шли приказы о награждении: «Начальнику Истринского района Казакову — 2000 рублей и легковой автомобиль. Инженеру Ливанову — 3000 рублей и легковой автомобиль».

Платон листал приказы, отпечатанные на прозрачных листочках. Кто-то собрал детали жизни зеков, скрытые за цифрами рекордных километров, вырытых с кровью и потом. Жизнь в Дмитлаге называлась «перековкой». Были приказы и о кладбищах. Зэков хоронили, как попало. В приказах отмечалось: кладбища не обкопаны, не обнесены изгородями, без учета охранной зоны и расположения водоисточников. Людей хоронили прямо по берегам канала.

Приказом № 148 от 11 июня 1934 года утвердили штаты пионерского лагеря при Дмитлаге. Начальником лагеря стал чекист И. М. Курганов, оперуполномоченный — так он значился в приказе. Еще в приказах командира Дмитлага утверждались лозунги. «Каналоармеец! От жаркой работы растает твой срок!» «За новую перекованную женщину!» «Потопим свое прошлое на дне канала!» Удивил перечень «должностей физического и нефизического труда». Приказ № 305 от 28 мая. «Следующие виды занятий: актер, акушерка, архивариус, ассенизатор, белошвейка, береговой боцман, боец скота, бутафор театра, буфетчик (-ца), гример, декоратор, зав. колбасной, зав. театром, заготовщик хвороста, закоперщик, капельмейстер-дирижер, киномеханик, клубный и музейный работники, колбасник, коногон, корчевальщик, костюмер, кроликовод, литературный работник, мыловар, мясник, могильщик-землекоп, мотоциклист, музыкант духового оркестра, музыкант-пианист, мясник, научный сотрудник, няня, огородник» Профессии перечислялись по алфавиту. В списке были и те, кто имел непосредственное отношение к лагерной жизни: работница по очистке белья от гнид, углежог, заготовщик хвороста, могильщик-землекоп. Не упоминались профессии самих строителей. На прокладке канала работали землекопы, бетонщики, плотники, тачкогоны, машинисты и экскаваторщики. Платон задумался. Что получалось... Пока инвалидов-зэков обеспечивали «надлежащими условиями труда», пока режиссеры ставили спектакли, ювелиры полировали алмазы, няни нянчили детей чесиров — членов семьи изменников родины, мыловары варили мыло, а огородники выращивали помидоры, пока инструктор по ИЗО организовывал художественные мастерские, карта Острова покрывалась красными крестами — местами погребения зэков. В Дмитлаге была самая высокая смертность по ГУЛАГУ. Гибли сотнями в день. Через Дмитлаг прошли более миллиона заключенных.

2 мая 1937 года флотилия из четырех судов «Иосиф Сталин», «Вячеслав Молотов», «Михаил Калинин» и «Клим Ворошилов», пройдя по готовому каналу из Горького, встала у стен Кремля. За ударную работу на строительстве канала пятьдесят пять тысяч каналармейцев были досрочно освобождены из концлагеря...

Платон продолжал перечитывать лагерные документы и, наткнувшись на выступление Фирина, все понял. На вселагерном слете ударниц командир лагеря сказал: «Мы, чекисты, считаем, что неправильных людей нет. Нужно учитывать, что наша масса — это люди, прошедшие через очень тяжелые жизненные испытания. Люди, выросшие и воспитанные на уголовной улице или в антисоветской среде. Нужно без грубости подойти к этим людям, надо помогать им встать на путь советской перековки. Нужно бороться за то, чтобы этих людей переделать!»

Неправильных людей нет... За колючей проволокой, под неусыпным оком пулеметов на вышках, они создавали видимость той жизни, из которой выдергивали людей тысячами...

— Энкаведы, кролиководы и зубодеры... — процедил Платон. — Ночью зубы выбивали, утром вставляли.

За приказами по Дмитлагу шли еще три пункта: «Пионерские лагеря. Лагеря Третьего Рейха. Сталинские лагеря». И содержался вывод: «В новом времени нужен новый тип лагерей».

Платон решил разобраться с письмами, собранными в папке. Они были написаны детьми, жившими в пионерском лагере. Почему-то письма не отправили — на конвертах не оказалось почтовых штемпелей. Первым лежало письмо девочки из младшего отряда. Нина Перепелкина писала: «Дорогие мои мамочка и папка! Заберите вы меня отсюда! Дают котлеты из морковки, протертый шпинат, манную кашу, а сосисок нет совсем. Я, как увижу кашу, убегаю в туалет и там плачу. А еще ночью мажут сонных девочек зубной пастой». И адрес: Улица Народного Ополчения. Конверт был без штемпеля — письмо так и осталось неотправленным.

Платон спрятал его в карман. Последний листок «Гигиена расы. ККК.» сохранил только одну запись: показания подопытного из института гигиены СС в Риге, некоего Семена Пейроса, узника гетто времен Великой Отечественной войны: «В 8 часов утра я должен прибыть в лабораторию, где мне велели засучить рукава, к рукам привязали восемь клеток, наполненных вшами, приблизительно 15-20 тысяч штук, и в течение 20-30 минут вши питались моей кровью. После чего сытые вши снимались, а моя рука была сильно покусана и воспалена... В наши обязанности входило собирание вшей в лагерях военнопленных».

Чем занимается Кластер Карательный Косметологии, толком никто не знал. Вроде бы ставили опыты на психически неуравновешенных детях. Одним из таких детей был и автор этих строк. Нас называли волшебными, лунтиками, часто — инвалидами детства. Но я не помню, чтобы на мне ставили какие-то опыты. Платон и Нина нас освободили. Рассказать о том, как все

случилось, еще предстоит. Друг Платона, Виктор Аркадьевич, устроил меня в школу-интернат, где я занимался квантовой психологией. Эффект бабочки. Повторяюсь только для того, чтобы читатель разобрался в странных и загадочных событиях на Острове «Багрец».

Острове моего детства.

5

Уезжать с горящего Острова без пропуска могли комендант и его замы. Фаеры подписывали обязательство не покидать Остров без разрешения. Контракт на полгода, на год, на пять лет. Они сами делали свой выбор.

Вертолет Платона приземлился в ночном аэропорту Тушино. Начальника охраны он с собой не взял. Борис Животное отговаривал Платона:

— Уже глубокая ночь! И вообще — зачем тебе нужна какая-то Перепелкина?

— Я не знаю, зачем, — честно ответил Платон, — но почему-то знаю, что сейчас мне нужно вернуться в город и обязательно найти Перепелкину.

В Тушине его ждала машина. Тут же с Острова позвонил Борис:

— Платон, Ангина уцелела! Бронежилеты Алабая оказались крепче арабских пуль. Бегают по площади, орет в мегафон. Отряд ее охраны состоит только из девушек. Ангину избирают новым комендантом. На завтра назначен митинг и похороны Вильгельмины. Ну, которую Сырок завалил... Готы ее очень любили. Узнал прогноз погоды. Ожидается ледяной дождь. И еще. Звонили от Писокотя. Я сказал, что ты полетел в Москву.

Улица Народного Ополчения оказалась недалеко от Серебряного Бора, рядом с Мневниками. Консьержка уже спала, и Платон вошел в подъезд вместе с дедком, прогуливающим белого шпица в сквере.

— Вы к кому? — насторожился дедок.

— Я к Перепелкиным, на шестнадцатый этаж, — ответил Платон, — я их родственник, из Александрова. На последней электричке приехал.

Он не успел переодеться, поэтому был одет в форму десантника, только погоны полковничьи. Конечно, его вид и рост, под два метра, загорелое и скуластое лицо, брезентовая солдатская сумка вызывали вопросы. Хорошо, что хоть автомат и бронежилет оставил в кабинете Министерства Обалдуев.

— Еще встретимся, Снежок, — сказал он, выходя на 16-м этаже.

— А вот это вряд ли, — ответил дедок, — мы гуляем только поздно ночью.

Над дверью квартиры № 60 светился зеленый огонек камеры. Платон нажал звонок, и дверь тут же открылась. На пороге, завернувшись в халатик, стояла... Нинка, подруга или жена Толика, Медного Упороса. Она отставила ногу в сторону и подбоченилась:

— Платон! Вот так гости! Посреди ночи... С картины Репина «Не ждали»!

— Вообще-то я ищу девочку. Пионерку Перепелкину. Или ее родителей, — пробормотал Платон и протянул письмо. Нина взяла в руки конверт, прочитала адрес и сказала:

— Родители сейчас на даче. А я и есть пионерка Перепелкина! Только пионеров тогда уже не было. Я писала письмо из лагеря труда и отдыха. Ну, чего ж на пороге-то стоять? Проходи, коли пришел.

Платон прошел в квартиру. Три комнаты, обставленные старой мебелью. Сервант с хрусталем. Напольные часы в лакированном корпусе. На стене гитара с бантом. Две полки книг.

— Выпить хочешь? — спросила Нина. — Только с закуской, сразу предупреждаю, у меня плохо. Лапша «Роллтон», халва и батон белого хлеба.

У Платона целый день во рту маковой росинки не было. Халве, хлебу и «Роллтону» он обрадовался, да и от рюмки не отказался бы. Из серванта Нина достала коньяк и два пузатых бокала. Пока она заваривала чай и резала ломтями хлеб, Платон, как бы безразлично, поинтересовался:

— А с Острова тебя кто отпустил?

— На Острове все уже давно не так, как ты себе представляешь, — усмехнулась Нина. — Твои разрешения-записки элементарно подделывают. Толик, Медный Упорос, может мне выписать пропуск на полгода. Или даже на год.

— Ты, правда, его жена? Или любовница?

— Тебе сколько лет? А все в сказки веришь. Выдумка это твоего Хелла Рейзера. Как и то, что я сплю со всеми подряд перед сплавом. Толик Упорос, кстати сказать, один из самых порядочных парней на Острове.... А чего ты мне вопросы все задаешь? Ты же не прокурор. Давай, я тоже тебя спрошу?

— Спрашивай.

— Вильгельмину ты застрелил? Там были все охранники, переодетые в гов. Она случайно затесалась, вообще-то она поэтесса.

— Со мной находился один псих. У него нервы не выдержали.

— Вильгельмину на Острове любили. Ты не знаешь, почему всегда убивают хороших людей? А разные Ангины в огне не горят и в воде не тонут.

— В твоём письме старшую пионервожатую зовут Ангиной.

— Она и есть, Ангина Игоревна Пидарей. Твоя замша, Платон. Ее вообще-то звали Альбиной. А мы ее прозвали Ангиной, потому что часто простывала. Она у нас была медсестрой, потом вожатой. Приехала из Белоруссии. Стала завучем школы, потом в районное начальство выбилась... Отвечала за выборы, была замом префекта. Она меня с детства знает. И ненавидит.

— За что?

— Ну, ты же читал письмо.

«Начало того, что с нами происходит сегодня, нужно искать в прошлом», подумал Платон, хотя об эффекте бабочки он не знал, только слышал о нем от Вити Аверина по прозвищу «Профессор».

— Кстати, почему письма не отправили по адресам?

— Не помню. Кажется, лагерь закрывался. А ты почему выбрал мое письмо?

— Оно лежало первым в стопке писем. И еще... Ты видишь? — Он показал кляксы не странице. Перепелкина плакала, буквы расплылись.

— О, да! — улыбнулась Нина, — слеза ребенка, Федор Михайлович Достоевский.

— Знаешь Достоевского?

— Меня родители с детства пичкали классикой: Пушкин, Толстой, Чехов. Они у меня казспэшники. Сейчас на даче жгут свои костры и сушат лыжи. (КСП — клуб самодетельной песни. Туристы, сплавщики и альпинисты, сбивались в стаи и пели песни у костров под гитару.) — Ты, наверное, тоже пел про лыжи, которые у печки стоят? И закат гас за горой? Прикинь, Платон, люди поют про речку и палатку, воображают себя орденом тамплиеров, скрывшихся в лесах от ужасов Средневековья. Назвали себя бардами. Взялись за руки и затянули что-то грустное про косточку и Вийона. А мир их остался прежним. Речка, палатка и курлы-мурлы у костра.

— Только вместо костра у них теперь пожарище, — сказал Платон, откинулся на спинку тахты, на которой сидел, и мгновенно уснул. Нина взглянула на него, вздохнула и взялась мыть посуду. Потом осторожно сняла с его ног солдатские берцы, расстегнула куртку и укрыла пледом. Под голову подложила подушку и прилегла рядом. Платон замычал во сне, но не проснулся. Он обнял Нину, пробормотал: «Давай я тебя обниму, со спинки... Так теплее будет». Нина вспомнила, что в детстве «со спинки» ее всегда обнимал, прижав к себе, отец, и тихо заплакала...

ЗАВЕРТЕ...

1

Платон вставал рано. Он и сегодня проснулся в шесть. Голова, на удивление, была ясной, и настроение почему-то хорошее, хотя предстоящий день не предвещал радости. Нина уютно спала рядом на тахте, свернувшись калачиком. Он рассмотрел ее лицо: красиво очерченные губы, высокий, чистый лоб, нос с горбинкой, несколько крупных родинок, которые совсем не портили ее. Миловидная женщина лет, наверное, тридцати. «Пере-Пелкина», — тихо сказал Платон и укрыл Нину пледом, подоткнув края.

День его всегда начинался с пробежки, и он решил не изменять себе. Вышел на улицу в тельняшке-майке, оставив куртку и сумку с документами из сейфа на кухне. Побежал вниз по улице, которая вывела его на набережную гребного канала. Здесь стояли врытые в землю гимнастические снаряды — турники, кольца и брусья. Снаряды сделали местные любители воркаута — уличной спортивной гимнастики. На траве лежали пудовые гири. Была даже

баскетбольная площадка. С берега канала открывался вид на Карамышевский шлюз. Остров угадывался где-то выше, за протоками Серебряного Бора. Впереди, через мост, виднелись высотки и небоскребы Крылатского. Утренняя прохлада и налетающий с канала ветерок охладили тело. Здесь, на берегу канала, среди старых деревьев с узловатыми ветками, Платон подумал о том, что как-то в его жизни все сошлось разом, в одном месте. Пылающий Остров, Карамышевский шлюз и дом Перепелкиной на улице Народного Ополчения образовали треугольник, в котором поместилось многое. И даже Дмитлаг с иезуитскими приказами старшего майора НКВД Фирина. Надо ли возвращаться в прошлое? Человек живет надеждой на будущее, а прошлое предлагает только воспоминания. Иногда — горькие. «Воспоминание о прошлом расслабляет волю бойца!» — часто говорил на плацу командир их военного училища в Саратове...

2

Когда он вернулся, на кухне пахло свежемолотым кофе и яичницей. Нина, оказывается, сходила в круглосуточный супермаркет на соседней улице, и все купила: сыр, бекон, молоко и яйца, шпинат и укроп. Пожарила омлет. Платон любил такой, со шпинатом и с укропом. Он принял душ, прошел на кухню, с удовольствием съел омлет, выпил чашку ароматного, обжигающего кофе. А Перепелкина сидела, подперев голову ладонью, и смотрела, как он завтракает. «Может, лучше вот так по утрам бегать трусцой по берегу канала, есть яичницу со шпинатом, и пусть женщина, да хоть и Нина Перепелкина, подперев голову, смотрит на тебя?» — подумал Платон.

— Ты как в дом прошел? У нас тетя Аня, консьержка, строгая, — спросила Нина.

— Сказал, что я твой родственник. Ночью приехал, из Александровска.

— А как ты узнал, что у меня в Александровске родственники живут? Папин брат, дядя Семен. У него там дача, в деревне Колпаково, — удивилась она.

— А как ты узнала, что я люблю омлет со шпинатом? — улыбнулся Платон.

Он был женат несколько раз — сам уже со счета сбился. Все никак не могли привыкнуть жены к его походам, командировкам и внезапным отъездам в другие города. Взрослые сын и дочь работали за границей. Сын — в Сербии, таксовал и брал разовые заказы на айти-проекты. А дочь, геолог, в Монголии искала полезные ископаемые. С детства Платон привил ей походный образ жизни — костры, палатки, сплавы по горным рекам. Последняя жена Платона ушла от него, когда он переселился на Остров.

— Ты зачем на Остров вернулась? — спросил он у Нины. — Тебе же там было плохо, в лагере.

— Видишь ли, Платон, я оказалась никому не нужна... Отец с матерью то сплавлились на байдарках, то на фестиваль Грушина уезжали. Я училась в Строгановке, хипповала. Вышла замуж за такого же сумасшедшего — поэта. Он меня бросил, подался в рокеры. У меня есть сын, Ванька, ему десять лет. Он сейчас как раз гостит в Александрове у дяди, к первому сентября нужно ехать за ним. Тоже любит жечь костры. Наследственное... А тебе зачем Остров?

Платон задумался.

— Ну как зачем? Есть организация — Союз офицеров России. Называется Фронтное Братство. Братство направило меня на Остров. Сплавщики избрали комендантом. Нужно следить за порядком, организовывать сплавы по рекам, подавать газ в горелки, строить капсулы, набирать экстремалов и волонтеров. В конце концов нужно кому-то воспитывать молодежь!

— Вы ее воспитываете? Напридумывали новых слов — комендуй, депар-туй... Додумались министерство назвать Министерством Обалдуев. Клички эти... Почему ты Укутыш, почему Ангина Пидарей? На самом деле она — Альбина Игоревна Фидорей! Нормальная белорусская фамилия. А теперь — Пидарей. Во всем ложь, ерничество и двусмысленность. Такое впечатление, что мы все от чего-то убегаем... Куда? В сказку для взрослых! Глупую и страшную. Сколько людей гибнет! Вильгельмину ни за что убили! — С ней рядом стояла Ангина. Она приготовилась стрелять, ну, и... С нами был один ауешник, психованный. Нервы не выдержали, он и пальнул из автомата. Ангина уцелела — на ней был бронезилет. Мне готику тоже жалко. Надо на похороны ехать.

Платон встал и подошел к окну. С шестнадцатого этажа высотки на улице Народного Ополчения просматривался Серебряный Бор и канал, который вел от Москва-реки в Карамышево. Нина подошла сзади и, обняв Платона за плечи, прижалась к нему. Платон напрягся. Неужели он все-таки кому-то нужен?

— Платон, прошу тебя, не возвращайся на Остров.

— Почему?

— Они убьют тебя. Отомстят за Вильгельмину. Ангина хочет стать комендантом. Мне Толик, Медный Упорос, говорил. Их подстрекает Алабай Мечты, директор завода. И кто-то еще ими всеми руководит. Я не знаю — кто. Алабай все время бегает в коридор и чьи-то эсэмэски читает.

Платон обернулся, ласково отстранил Нину:

— А тебе меня жалко стало?

— Ты первый человек, который ночью, ни с того ни с сего, поехал меня искать. Ну, даже если и не меня, то пионерку Перепелкину. Ты ночью, во сне, шептал мне: «Давай обниму тебя, со спинки...»

Платон обнял Нину и ткнулся в ее лицо. Получилось — в щеку. Где-то рядом с губами... □

Продолжение следует.

Художница из Средневековья

Принято считать, что Средневековье — темные века, когда власть над умами крепко держала в своих руках Церковь, когда не было в мире места человеку умному, сомневающемуся, когда образование и просвещение ничего не значили, и все только уважали силу. Однако сегодня историки несколько иначе смотрят на это время, иначе оценивают те или иные события и людей, живших в те темные века. Оказывается, были и тогда мыслящие, неординарные, творческие личности, чьи имена навечно остались в памяти человечества. И среди них монахиня-бенедиктинка Хильдегарда Бингенская — философ, целительница, композитор, лингвист и удивительная, немного наивная, но очень яркая художница.

Хильдегарда родилась 16 сентября 1098 года. Это было сложное, противоречивое время — вся Европа бурлила в ожидании суровых испытаний. Тремя годами ранее в кафедральном соборе Клермона прозвучал глас Папы Римского Урбана II, который призывал христиан помочь единоверцам на Востоке и отвоевать Гроб Господень у мусульман.

Люди, приезжавшие с Востока, рассказывали, как жестоки воины ислама, как безжалостно они убивают христиан — мужчин и женщин, детей и стариков. Еще в 1009 году египетский халиф Аль-Хаким, прозванный Безумным, нарушил все прежние договоренности между христианами и мусульманами о ненападении и позволил своим войнам напасть

на Иерусалим. 18 октября 1009 года был разрушен храм Гроба Господня. (Правда, современные историки говорят, что, по-видимому, тогда по приказу Аль-Хакима эмир Рамалла просто передал управление храмом от традиционных христианских конфессий к несторианам и яковитам.) Позже турки-сельджуки, преданные Аллаху, напали на Малую Азию. Византия попыталась их остановить, но... Затем воины ислама напали на армян, уничтожили их столицу Ани. А потом и сирийская Антиохия пала под их натиском. К 1084 году вся Сирия была уже под властью турок. Массовые убийства, разрушение храмов — вот так теперь жил христианский Восток. И западноевропейские христиане не могли остаться равнодушными — они пошли спасать христиан Востока. Так началась эпоха Крестовых походов. Рыцари и сеньоры, крестьяне и жители городов, бедные и богатые, взяв в руки оружие, отправились в паломничество к святым землям.

Это было время необыкновенной жертвенности, готовности отдать жизнь за Веру, и она, эта Вера, помогала преодолевать все испытания и лишения, встречавшиеся на пути в Иерусалим. Этот взлет духа способствовал строительству новых храмов, основанию новых монастырей и их расцвету, а также рождению новых религиозных орденов.

Вот в какое время родилась Хильдегарда Бингенская. Это знаменательное событие случилось в Бермерсхайме, графстве Спонхейм (ны-

не — области Германии) в 1098 году. Ее родители, Хильдеберт и Матильда, принадлежали к местной знати — отец был вассалом графа фон Шпонхайма. Хильдегарда была десятым ребенком в семье и, в соответствии с обычаями того времени, став взрослой, должна была уйти в монастырь.

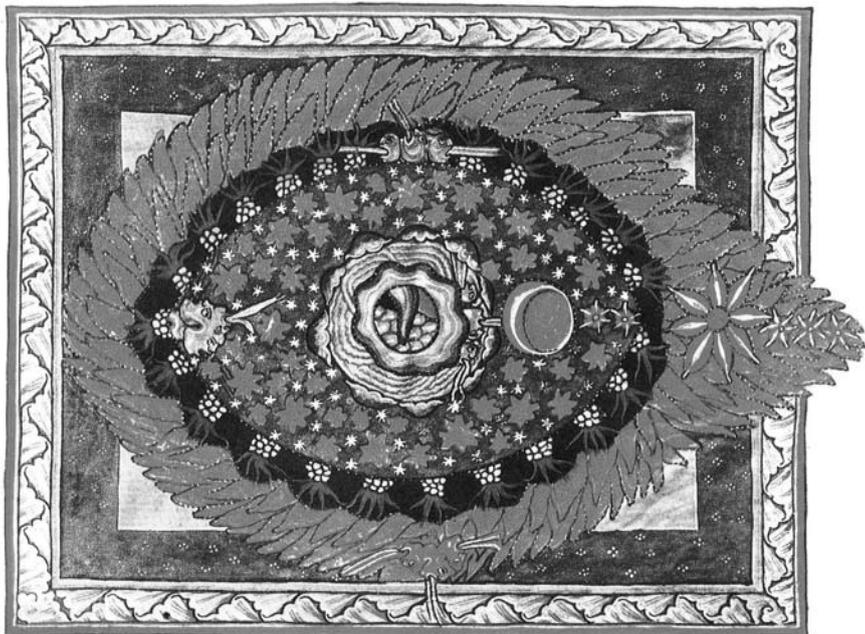
Поначалу девочка ничем не отличалась от остальных детей, но вскоре стала удивлять своих родителей и их друзей. Дело в том, что ее порой посещали некие видения. Иногда она рассказывала о них, иногда нет. Так, к примеру, в пять лет она увидела теленочка внутри коровы — он был беленький, с пятнышками на лбу и спинке. А когда теленок родился, его облик полностью соответствовал описанию Хильдегарды. Спустя многие годы она говорила: «На восьмом году жизни меня принесли в духовную жертву Богу, и до 11 лет я видела много вещей, о которых иногда по своей простоте рассказывала, а слушавшие меня недоумевали и спрашивали друг друга, откуда мне это приходит, и что это такое. Сама я тоже удивлялась, так как то, что я видела в своей душе, иногда представляло мне и как внешнее видение, а, видя, что такого не было ни с кем другим, я стала всеми силами скрывать видения своей души».

В 7 лет родители отдали дочь на воспитание юной Ютте, дочери графа фон Шпонхайма. Ютта жила монахиней в монастыре Дизибоденберг. Этот бенедиктинский монастырь, основанный ирландским монахом Дизибодом в VII веке, имел

мужскую и женскую общины. В женской половине и поселилась Хильдегарда под опекой Ютты. Девочка, не отличавшаяся крепким здоровьем, нашла близкого друга, заботливого и все понимавшего. Она при-

зналась Ютте в том, что ее посетают видения, и та обратилась за советом к монаху Вольмару, жившему в мужской общине монастыря. Он отнесся с вниманием к особому дару Хильдегарды, стал ее другом,

советником, помощником, и оставался рядом с ней почти 30 лет, до самой своей смерти. (Он умер в 1165 году).

Жизнь монахинь-бenedиктинок назвать простой было нельзя. Автор книги о Хильдегарде историк-медиевист Режин Перну рассказывает: «Ночной сон прерывался службой Утрени, которая совершалась сразу после полуночи. Час восхода был для монахов и монахинь часом Хвалы, за которой следовало богослужение. Затем, как правило, совершалась Евхаристическая Литургия, а после нее в большинстве монастырей следовал завтрак. Затем наступало время работы, а после службы был обед, потом — свободное вре-

мя, по завершении которого монахини вновь брались за труд, физический или интеллектуальный, личный или совместный. Час вечерни означал окончание дня, за ним следовали вечерняя трапеза и свободное время, то есть часы рекреации, которые, как правило, проводились вместе. Затем часто происходило собрание в зале капитула, где все обитательницы монастыря собирались вокруг аббатисы. На закате совершалось последнее богослужение — Повечерие. В монастыре воцарялось молчание, чтобы не мешать отдыху и молитве...»

Надо отметить, что вклад бenedиктинцев в культуру западноевропейского Средневековья трудно

переоценить. Девиз бенедиктинцев был такой — «Молись и работай». И они так и делали. Бенедиктинские монастыри в ту эпоху — главные очаги просвещения и знаний. Монахами, как правило, становились отпрыски богатых аристократических семейств, которые давали щедрые пожертвования. Из школ при аббатствах вышли практически все выдающиеся ученые того времени. В монастырских библиотеках хранились и бережно переписывались манускрипты древних авторов, монахи вели исторические хроники. Многие бенедиктинцы становились выдающимися учеными, философами, богословами. При монастырях организовывались школы и даже ярмарки, способствовавшие развитию торговых связей; здесь же были и госпитали, где лечили бедных и страждущих. При монастырях обязательно строились гостиницы для паломников. В общем, бенедиктинские монастыри были в те далекие века культурными центрами.

Вот и Ютта была весьма образованной дамой. Своей подопечной и другим своим ученицам она преподавала самые разные науки — основы семи свободных искусств: тривиум (грамматику, логику, риторику), квадриум (арифметику, геометрию, астрономию, гармонию, или музыку), а еще учила ее игре на музыкальном инструменте, под аккомпанемент которого они пели псалмы. Ютта посвятила свою жизнь воспитанию девочек — в этом она видела свое предназначение. Образ

ее жизни был аскетичен до предела, поэтому неудивительно, что прожила она недолго — Ютта умерла, когда ей было всего 44 года. После смерти Ютты монахини выбрали аббатисой ее самую лучшую и преданную ученицу — Хильдегарду, которая к этому времени уже приняла постриг, пожелав посвятить свою жизнь Господу. Начиналась новая страница ее жизни.

«И вот на сорок третьем году моего земного странствия, — пишет она в одной из своих книг, — когда я с великим страхом, трепеща, вглядывалась в небесное видение, я увидела великолепное сияние, посреди которого раздавался глас с небес, говоривший мне: «О немощный человек, прах от праха, персть от персти, говори и пиши то, что видишь и слышишь. Но как ты слишком робок, чтобы говорить, и неумел, чтобы излагать, и не просвещен, чтобы записывать это, говори и пиши не от человеческих уст и не человеческим разумом и не человеческой волей, но так, словно видишь и слышишь небесные чудеса, от Бога исшедшие. Излагай их так, как они тебе открываются и как тебе велено, и запиши их так, как они явлены и поведаны тебе». Это было на 1141 году от Воплощения Христа, Сына Божия, когда мне было сорок два года и семь месяцев. Необычайно яркий огненный свет излился с отверстого неба, почил на моей голове и на всем теле, и на груди моей, подобно пламени, которое не обжигает, но воспламеняет своим жаром, как солнце, со-

гревающее все, на что падают его лучи. Я ощутила силу тайн, сокровенных вещей и восхитительных видений, посещавших меня с самого юного возраста, то есть со времени, когда мне было около пяти лет, и до сего дня, внутри меня...»

Она начала записывать свои видения, и в результате родилась

первая ее книга «Познай пути Господни». Она работала над ней 10 лет — с 1141-го по 1151 год. К тому же сама иллюстрировала свои книги, в результате чего рождались удивительные картины, в которых мы видим мир Средневековья. В третьей ее книге, хранящейся в государственной библиотеке в Лук-

ке, есть 10 прекрасных миниатюр. Вот, к примеру, на одной из картин она изображает саму себя — ее лицо обращено вверх, и оттуда на нее падают потоки огня. На другой — она сидит на стуле с высокой спинкой перед пюпитром и держит в руках таблички для письма, где, вероятно, записывает видение. Она одета в черное платье, поверх него набро-

шена коричневая накидка. На табличках можно различить две колонки текста. Среди ее картин есть и символическое изображение Вселенной, и человек, очень похожий на Витрувианского человека Леонардо да Винчи. Человек гармоничный, в гармонии с самим собой и с миром, в котором он живет... Задолго до эпохи Возрождения Хильдегарда

учила, что человек — это микрокосмос, в котором выразилась вся мощь и слава Творца.

По-видимому, монахам стало известно о видениях Хильдегарды. Аббат монастыря Конон забеспокоился — а вдруг в этих видениях есть что-то греховное? Он встретился с непосредственным своим начальником, Майнцским архиепископом Генрихом. В это время в конце 1147 года папа Евгений III готовился провести в Реймсе большой Собор, а для его подготовки собирал Синод в Трире. Вот на этом Синоде священники и решили представить на суд папы тексты Хильдегарды с описанием ее видений. После длительных дискуссий собравшиеся каноники признали видения Хильдегарды исходящими от Бога, ее сочинения одобрил даже сам Бернард Клервосский, французский средневековый богослов, мистик, общественный деятель, вдохновитель Крестовых походов. «Дивный источник света», — сказал он. Вольмару предписывалось записывать все, что надиктует Хильдегарда. А она говорила: «Я — рупор Божий, избранная для передачи людям знаний. Мои видения — не от демонов, а от Господа». Монастырское начальство было радо, что у них есть такая монахиня, которую посещают видения — это способствовало росту паломников и, соответственно, большому количеству даров — благодаря Хильдегарде монастырь богател.

Сегодня многие ученые-скептики считают, что видения Хильдегарды

вызваны болезнью — выраженной мигренью. Но это взгляд современных ученых. Сама же Хильдегарда говорила так: «Видения являлись мне не во сне, не в мечтах, не в безумии, не скрытно и тайно; они представлялись не глазам тела, не ушам плоти. Будучи в здравом уме и твердой памяти, я созерцала их духовным взором, слышала внутренним слухом; они сотворились открыто и явно, по воле Божией»

Около 1150 года Хильдегарда покинула Дизибоденберг вместе со своими последовательницами-монахинями и основала свой монастырь — Рупертсберг, в 30 км к северу, около Бингена. Сделать так она решила после очередного видения. Аббат Дизибоденберга был в ярости — он терял паломников и их богатые дары. В это время Хильдегарда заболела, и аббат кричал: «Вот знак свыше, Бог ее карает!» Но вскоре Хильдегарда выздоровела — и это тоже был знак, Господь понял ее замысел и одобрил... Вскоре она основала еще один монастырь — около Айбингена.

Хильдегарда проявляла большую любовь и заботу по отношению к своим подопечным — в ее монастырях была проведена вода, что по тем временам было большой редкостью. Она заботилась о здоровье монахинь и много занималась медициной — выращивала лечебные растения, составляла смеси из растений и камней (некоторые камни,

*Хильдегарда
Бингенская*

полагала Хильдегарда, как и растения, обладают лечебными свойствами) и лечила всех, кто обращался к ней за помощью. И писала научные, серьезные труды. Она — автор трактатов по медицине и траволечению, по истории, по космологии. А еще написала «Книгу о внутренней сущности различных природных созданий»

в двух частях: «Книга о простой медицине» (*Libersimplicismedicinae*), или «Физика», и «Книга об искусстве исцеления» (*Libercompositaemedicinae*, или *Causaeeetcurae*), где есть сведения и советы, не потерявшие смысла до сих пор. Хильдегарда полагала, что человека следует рассматривать как нечто целое, в совокупности фи-

зической, психической и душевной сфер. «Сначала выздоравливает душа, за ней и тело», — была уверена она. От всех болезней рекомендовала сушеную коноплю и пиво, в которое советовала добавлять хмель. Эти лекарства, может, не всегда помогали, зато улучшали настроение и больному, и его родственникам. Кроме того, Хильдегарда предостерегала: если человек не перестанет уничтожать природу, она обратит свои силы против людей. Экологиня 12 века!

Удивительное дело, эту монахиню-бenedиктинку занимали даже такие, казалось бы, далекие от ее жизни вопросы, как физиология сексуальной жизни. Так, к примеру, в одной из своих книг она писала, что пол ребенка определяется тем, с какой силой любят друг друга родители. Если ими не движет любовь, то на свет рождается сварливая девчонка.

А еще эта необычная монахиня сочиняла музыку — ее мелодии, несущие в душу покой и красоту, и сегодня исполняют ансамбли старинной музыки — и драмы. Сохранилась ее пьеса «Действо о добродетелях» — о борьбе за душу человеческую между 16 добродетелями и дьяволом.

Ее волновали также тайны языка, и после некоторых размышлений она придумала свой язык — «язык незнаемый», *Lingvaignota*. Это был особый алфавит, сотни слов... (За столетия до первых искусственных языков!)

И всегда ей были интересны люди — простые прихожане, приходившие к ней за исцелением, и богатые аристократы. Она переписывалась

как с простыми монахинями и монахами, так и с самыми высокородными, высшими прелатами и даже с монархами — так, известна ее переписка с самим Фридрихом Барбароссой, королем Германии, императором Священной Римской империи. Сохранилось около 400 ее писем.

Эта удивительная женщина прожила долгую по тем временам жизнь — 81 год. Уже при жизни ее почитали современники, понимая, сколь неординарна, сколь многообразна ее личность

Умерла Хильдегарда в 1179 году, 17 сентября в основанном ею монастыре Рупертсберг под Бингеном. Ее житие было написано монахами Готфридом и Теодорихом. Могила Хильдегарды и сейчас покоится в церкви, названной ее именем, в городе Рюдесхайме.

Эту удивительную женщину помнят и сегодня, спустя много столетий после ее ухода. Каждый год 17 сентября по улицам городка Айбингена, где она тоже в свое время основала монастырь и где сегодня находится центр ее почитания, проносят в золоченой раке останки Хильдегарды. О ней снимают фильмы, ее именем назван астероид. Спустя века после смерти она все-таки была канонизирована — в 2012 году ей был присвоен титул Учителя Церкви. Людей, получивших это высокое звание, только 36, и среди них всего 4 женщины).

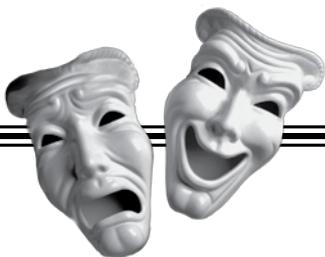
Можно сказать, что Хильдегарде Бингенской удалось на несколько веков обогнать свое время, а это случается с очень немногими... □

Мария Кременецкая

*«Благодаря свободе на сцене
я легко себя чувствую в любом
жанре и стиле»*

Прекрасная вокалистка, драматическая актриса и танцовщица... И это еще не весь спектр творческих талантов Марии Кременецкой. С детства она была не понаслышке связана с миром музыкального театра — ее бабушка, профессор Московской консерватории им. Чайковского, водила ее на оперу, балет, а дома всегда царила классическая музыка. Неудивительно, что, отучившись по первой специальности «информационные технологии», Мария подала документы в ГИТИС, уже на другую специальность — «артист музыкального театра». С блеском окончив театральный, она продолжает нести людям свой оперный и драматический дар, красоту и талант.

— Мария, как к тебе пришло желание поступать в театраль- ный институт?

— Твердое желание, превратившееся в намерение, пришло, когда я уже обучалась в своем первом ву-

зе по специальности «Информационные технологии». Я уже поняла, что не хочу связывать свою деятельность с компьютерами, и думала о смене направления. Меня к тому времени увлекли мюзиклы.

Началось с того, что я услышала песни из мюзикла «Норд-Ост» Алексея Иващенко и Георгия Васильева.

Я пела с детства, и почему-то мне показалось, что могу попробовать. Посмотрела в программке, что

Я смотрела его в детстве, он мне тогда понравился, но музыка не запомнилась. И вот теперь я этот мюзикл открыла для себя заново и вообще заинтересовалась этим жанром. А когда побывала на мюзикле «Обыкновенное чудо», также Алексея Иващенко, зародилась идея, что я тоже хочу этим заниматься.

окончили артисты — у большинства был ГИТИС, музыкальный театр, и тут меня осенило, что это именно то, что мне нужно. На тот момент он был практически единственный в Москве.

— Как ты справляешься с волнением на сцене?

— Перед выступлением делаю разминку, физические упражнения, распевки. И люблю, когда есть возможность просто походить по сцене, привыкнуть к ней, это помогает настроиться. Во время самого выступления есть актерская задача, и в этот момент, как по волшебству, волнение уходит. Пожалуй, это — главное. Когда ты сконцентрирован на задаче, для тебя не существует твоих внутренних переживаний. Не дай бог начать думать о технических деталях, в этом случае волнение накроеет. А вообще, я и не пытаюсь справляться с волнением, оно мне помогает. Я превращаю его в необходимую эмоцию, в умеренный кураж. Так что волноваться до определенной степени — это нормально, думаю, без волнения ничего бы не вышло.

— Как в твою жизнь пришла музыка?

— Я с детства любила петь. И не только классическая музыка царила в детстве, но и бардовская. Родители тоже играют на гитаре, поэтому и дома, и в лесу у костра всегда была бардовская компания. Но в моей семье есть и профессиональный музыкант — моя бабушка, профессор Московской консерватории. Поэтому я все время слышала классическую музыку, так как к нам домой приходили заниматься оперные певцы. Также бабушка водила меня в театры, в оперу, на балет. Я очень любила оперетту «Летучая мышь» и все время пела арии из нее. В старших классах я начала играть на гитаре. Выучила много песен и, можно сказать, выросла в вокальном плане. Мой репертуар во многом состоял из песен фолк-

рок-группы «Мельница», и конечно, до профессионального вокала мне тогда было далеко. Потом во время учебы в техническом институте я продолжила игру на гитаре, участвовала в студенческих конкурсах в номинации «Песни под гитару», даже дипломы есть, брала уроки игры на электрогитаре и играла в рок-группе. Совсем далеко все это было от оперы, но мне всегда хотелось петь, вот и случился в моей жизни ГИТИС...

— Легко ли было перестраиваться после технического образа мышления в творческий? Или они чем-то схожи?

— Никогда не понимала противопоставления образов мышления. Творить может каждый, логически мыслить — тоже, и одно без другого вряд ли может существовать. Поэтому перестраивать образ мышления мне было не нужно. Скорее пришлось развивать другой навык — больше доверять чувству и интуиции. В творческих профессиях они играют важную роль. Но и голова

должна быть на месте. Чувства чувствами, но что-то должно их контролировать. И в пении, и в актерском мастерстве без головы никуда.

— Ты сказала, что хотела заниматься мюзиклом, но в итоге стала получать оперное образование, как произошел этот переход?

— Про оперу я совсем не думала и особой любви к ней не питала. Я начала петь мюзиклы, но мне мой педагог по вокалу Ирина Егорова дала попробовать попеть что-то из классики и сказала, что у меня хорошо звучит опера. После этого она начала больше давать оперных произведений. Я не сопротивлялась, потому что сама заметила, что это у меня получается даже лучше, хотя это было немного неожиданно. Опера достаточно быстро заменила мюзикл, и на курсе у нас впоследствии ставились именно оперы. Так я открыла ее для себя и полюбила.

— Чему научил тебя театральный?

— Много чему помимо профессиональных навыков, например, научил ничего не бояться, быть свободным на сцене, быть, как говорится, «здесь и сейчас». И за это я очень благодарна мастеру нашего курса Владимиру Мирзоеву, нашим педагогам и однокурсникам. Благодаря этой свободе я легко себя чувствую в любом жанре и стиле. Это база, которая дает ощущение, что сможешь справиться

с любой задачей. Нам необычайно повезло с нашим курсом, годы учебы в ГИТИСе были очень яркими.

— Насколько легко тебе достался красный диплом?

— У меня два красных диплома — и в первом институте, и в театральном. Изначально не было цели иметь красный диплом, просто так сложилось: в первом вузе у меня была мотивация за хорошие оценки получать повышенную стипендию, во втором — как-то пошло по накатанной. Хотя совсем легко мне эти дипломы не достались — в обоих случаях нужно было пересдать один предмет. В ГИТИСе это был важный предмет — теория музыки и сольфеджио. Педагог ко мне очень хорошо относилась, но была строга и справедлива. И так как у меня были пробелы в этой области ввиду отсутствия музыкальной школы, мне было трудно. Так что пересдача этого предмета была не просто делом принципа, но и хорошей мотивацией.

— Как складывается твой путь в искусстве после ГИТИСа?

— После ГИТИСа я сыграла в нескольких оперных спектаклях: «Иоланта», «Ночь перед Рождеством» Римского-Корсакова, «Игра в бридж» Барбера, «Дидона и Эней». Были и концерты, в том числе сольные, также был концерт — кантата Кармина Бурана с оркестром и большим хором, где я исполнила соло сопрано. Еще я участвовала в мюзиклах

в танцевальном ансамбле. Здесь мне пригодился мой танцевальный опыт, а танцевальному навыку во многом предшествовало фигурное катание, которым я занималась с детства. Мой спортивный разряд — кандидат в мастера спорта, и совсем неожиданно мне это пригодилось, когда нужно было найти подработку, и я немного тренировалась. Сейчас я работаю в Московском современном художественном театре. Это драматический театр, но петь мне там тоже приходится, и танцевать, конечно. Мы гастролируем со спектаклем «Раскольникoff» по «Преступлению и наказанию» Достоевского. В нашем спектакле задействованы прекрасные известные артисты, настоящие мэтры, например, Елена Проклова. Я не могла себе и представить, что когда-нибудь окажусь с ними на одной сцене. Ну и конечно, я продолжаю заниматься оперной концертной деятельностью, в том числе на теплоходах. Скоро планируем с замечательной пианисткой Анной Руда-

ковой концерт романсов Рахманинова — продолжаем праздновать его юбилей.

— Твои любимые арии, романсы?

— Всего не перечислить. Если из моего репертуара, то я очень люблю Моцарта — все арии для сопрано, особенно люблю партию Памины из «Волшебной флейты», так как она была моей дипломной работой. Люблю оперу «Дочь полка», арию Лауретты из оперы «Джани Скикки» Пуччини, арию Энн из оперы «Похождения повесы» Стравинского. Виртуозные арии: сцену сумасшествия Лючии из оперы

«Лючия ди Ламмермур» Доницетти, куплеты куклы Олимпии из «Сказок Гофмана» Оффенбаха, арию Лакме Делиба, арию Цербинетты из оперы Рихарда Штрауса «Ариадна на Наксосе», полонез Филины из оперы «Миньон» композитора Тома, арию Кунигунды из мюзикла «Кандит» Бернштейна — я ее пела на госэкзамене. Люблю оперы Римского-Корсакова. Еще арии Сильвы из оперетты «Сильва» Кальмана и песенку Пепиты Дунаевского. — Это все из моего репертуара. А из других — «Евгений Онегин», особенно ария Татьяны с письмом, ария Онегина, Ленского. Люблю арию Германа «Что наша жизнь? Игра!» из «Пиковой дамы». Очень люблю Кармен. Любимые романсы — романсы Рахманинова, Римского-

Корсакова, Чайковского, «Соловей» Алябьева, «Аве Мария» и «Серенада» Шуберта.

— Есть ли у тебя хобби, как проводишь досуг? Знаю, ты еще и профессионально танцуешь!

— Я увлекаюсь социальными танцами в стиле свинг: линди хоп, бальбоа, аутентичный соло джаз — танцуют под свинговую джазовую музыку. Кто-то любит джаз петь/играть, а я люблю его танцевать. Социальные танцы — это когда, зная определенный танцевальный язык, ты можешь танцевать с совершенно незнакомым партнером, и ключевым здесь является импровизация. У нас регулярно проходят танцевальные вечеринки и часто в сопровождении джазовых музыкантов, например,

мы давно сотрудничаем с широко известным сегодня Большим джазовым оркестром Петра Востокова. Танцевать и импровизировать под живую музыку — это очень здорово. С этими танцами связана большая часть моей жизни: я участвовала в соревнованиях, шоу, были и призовые места, ездила в танцевальные лагеря. К нам часто приезжали известные мировые танцоры с мастер-классами, как-то к нам приходил судить Егор Дружинин. Также я занимаюсь тэпом (степ/четка) и даже иногда использую это в своих выступлениях.

Еще я очень люблю ходить в походы, особенно водные — на байдарках, каяках и на самодельных плотках. А зимой катаюсь на сноуборде и беговых лыжах.

— Из чего ты черпаешь вдохновение?

— Из путешествий, природы. Я очень люблю путешествовать, видеть многообразие мира, и особенно люблю лес, горы, море. Мне нравится быть вдали от цивилизации, где есть только ты и природа, это иногда просто необходимо. Вдохновляют концерты классической музыки, порой случайно услышанная песня. Вдохновляют люди, которые любят то, что делают, и продолжают это делать, несмотря на трудности. □

Беседовала **Дарья Парчинская**

Фото из личного архива

«ШОКОЛАДНАЯ» ЛЮБОВЬ

Лидку Тупицыну в небольшом районном центре Гринево все считали беспутной. На самом же деле просто ее «биология» была такова, что девушка не могла отказать оказавшемуся рядом с ней парню. Стоило тому произнести слово «красавица» и положить ей руку на бедро, у Лидки тут же «сгорали предохранители»: закатывались глаза, учащалось дыхание, влажнели ладони, и она ничего не могла с собой поделать.

Мать Лидки, Раиса Степановна, нянечка родильного отделения местной больницы, считала поведение дочери наследственным. Ее бывший муж, пьяница и гуляка, не пропускал мимо себя ни одной юбки, и внебрачных детей у него было, как мышей в амбаре. Так чего же ждать от наследницы? От осинки не родятся апельсинки.

«Вот что, Лида, — вкрадчиво произнесла Раиса после выпускного вечера дочери, — здесь ты замуж не выйдешь никогда — все тебя знают, как облупленную. Поезжай в Ахромеевск, попробуй поступить в колледж кулинарного мастерства. Аттестат у тебя неплохой, стряпаешь ты хорошо, курс обучения — неполных два года, справишься. В городе-миллионнике твою репутацию отслеживать будет некому, даст бог, выйдешь замуж. Если же провалишь экзамены, домой не возвращайся — устраивайся на работу в какую-нибудь столовку, а через год поступай снова».

Лидка так и сделала. Ей самой надоели шипение в спину местечковых теток, сальные шуточки мужиков, приставания подвыпивших женатиков и тумачи их законных супругов. Да и что ей делать в Гринево, моло-

дой, задорной? Драить полы в палатах, как мать? Ну, нет! В областном центре — совсем иные личные и профессиональные перспективы.

С профессиональными девушке не повезло сразу: провалив экзамены в колледж, Лида устроилась судомойкой в студенческую столовую Ахромеевского института управления и сняла угол на окраине города у полуслепой бабки. В первый же рабочий день, вытирая столы, она пересеклась взглядом с молодым африканцем, которого местные студенты называли Бимбо. Он был высоким, белозубым, модно одетым. Кожа у него была даже не черной, а темно-фиолетовой, а на голове — короткие дреды, напоминающие прическу медузы Горгоны. Увидев Лидку, незнакомец лучезарно улыбнулся и подмигнул ей.

— Кто это? — спросила девушка у заведующей Антонины Марковны, которую все в столовой уважительно называли Шефиня.

— Бимбо? — удивилась та интересу новенькой. — Нигериец. Его полное имя — Абимбола Баба. Изучает менеджмент на факультете государственного и муниципального управления. Этих чертей в нашем вузе, как грязи. Куем для Африки руководящие кадры. Содержание здесь одного такого студента для казны африканского государства обходится очень дорого. Учатся они хорошо, стараются — им же потом своей страной управлять. А что? Неужели понравился?

— Не то, чтобы... — заюлила Лидка.

— Ой, девка, смотри! — покачала Шефиня своей наполовину седой головой. — У нас «чернильниц» очень не любят. Одну доцентшу недавно вытолкали из вуза за связь с таким же «баклажанчиком» из Бенина. Мы все ей очень удивлялись — симпатичная дама, стройная, юморная, эрудированная. И как ее угораздило? Тут тебе не «загнивающий Запад» с его «толерастией».

— А что, с темнокожими встречаются только уродки и коровы? — удивилась девушка.

Антонина посмотрела на нее, как на упавшую с Луны, и произнесла:

— С ними встречаются только дуры. Мы же — разные виды.

Сказать, что услышанное Лидку удивило, ничего не сказать. Раньше она не сталкивалась со столь радикальным расизмом. Впрочем, откуда тому было взяться в Гринево, жители которого видели живых африканцев только по телевизору?

Целую неделю Лидка с Бимбо обменивались заинтересованными взглядами, потом парень назвал ее красоткой и подарил красивый браслет из слоновой кости. Девушка была сражена наповал — до сих пор никто из мужчин не дарил ей подарков. Да и красоткой, по причине избыточного веса, ее называли только по пьяни.

Бимбо приходил в столовую в конце рабочего дня и терпеливо ждал, пока Лидка вытрет столы, домоет посуду и спрячет в кладовку инвентарь. Помощи, правда, не предлагал — не мужское дело заниматься этим. Затем Баба шел ее провожать, рассказывая по дороге о своей жизни на родине. Так Тупицына узнала, что ее новый знакомый принадлежит к народу йоруба, живущему в западной Нигерии. Что имя Абимбола означает «рожденный в богатстве», и его семья, по нигерийским меркам, считается богатой и малодетной. Их у родителей — всего трое: он и две его сестры — Макхамба и Руфаро. В Россию он приехал, чтобы получить профессиональные знания и приносить пользу своей стране, став там «большим начальником и уважаемым человеком». Живет он один, в центре города, в съемной двухкомнатной квартире. В свободное от учебы время играет на «говорящем барабане» в вузовском фольклорном ансамбле. Больше всего в России ему нравится местная еда, особенно сырники, пельмени, куриные котлеты и винегрет, поэтому он часто ходит в столовую. На родине же «ручная пища» совершенно невкусная: в одной тарелке — суп, в другой — сырое тесто. Нужно отрывать кусок этого теста, обмакивать его в супе и, не жуя, глотать.

Не нравится же ему в нашей стране невыносимый холод и когда на улице незнакомые люди называют его обезьяной, а девушки, с которыми он хочет познакомиться, посылают его обратно в Африку «скакать по пальмам» и «гонять по саванне носорогов». Вот Лида, например, совсем не такая: мало того, что она очень добрая, так еще и очень красивая.

Девушка опешила. С детства слышавшая от окружающих, что она — Пингвин, Дуся-агрегат, Пухляша Периновна, Бомбовоз и Лидка-Куча, Тупицына едва не расплакалась.

— Вообще — то я совсем не худенькая, — робко произнесла она. — Даже наоборот.

— Вот именно! — воскликнул Бимбо. — Худоба — это уродство. У нас худышек берут замуж только очень бедные парни. И то перед свадьбой стараются их немного откормить, чтобы не было стыдно перед родственниками. Худая женщина в нашей стране — верный признак того, что ее мужчина мало зарабатывает и не в состоянии содержать свою половину.

Девушка воспряла духом и начала смотреть на Абимболу влюбленными глазами. Заметив это, он перестал ходить кругами и тут же пригласил ее к себе в гости. На чашечку кофе. Ох, уж этот волшебный напиток! Столько людей родилось на свет, благодаря подобному приглашению!

Проснувшись утром в постели Абимболы, Тупицына получила предложение перебраться жить в его квартиру. И она перебралась. Решение

это было взаимовыгодным: Лидке больше не нужно было отдавать чужой бабке часть своей мизерной зарплаты, к тому же теперь она чувствовала себя по-женски востребованной, почти что супругой. Не зря же Бимбо сказал, что по габаритам она вполне подходит для роли жены нигерийца. Значит, вскоре они распишутся, заведут детишек и будут жить вместе долго и счастливо.

Абимболу это сожитительство тоже устраивало. Лидка делала всю работу по дому, отлично готовила, а еще стала спарринг-партнером парня в разговорном русском — исправляла его языковые ошибки, объясняла значение непонятных слов и фразеологизмов, проверяла его конспекты и курсовые работы.

Прошло полгода. В союзе молодых людей, как и в самом начале, царила полная гармония. Девушка была счастлива: всю, пусть и небольшую, зарплату она могла тратить исключительно на себя, и с Бимбо ей было совсем нескучно. Съездив на выходные в Гринево, Лидка с гордостью сообщила матери о сожительстве с хорошим парнем и своим скором мужестве, после которого она станет носить забавную фамилию Баба.

— О, господи! — выдохнула Раиса. — Знаешь, я в свое время, по настоянию твоего отца, поменяла красивую фамилию Орлова на идиотскую Тупицына... Правду говорят в народе: «Как вы судно назовете, так оно и поплывет». Впрочем, бог уже с той фамилией. Главное, чтоб мужчина был толковым, а не таким, как твой беспутный батюшка... Фотография-то жениха есть в твоём телефоне? Сбрось мне, покажу ее бабам на работе, пусть удавятся от злости.

Лидка отрицательно покачала головой:

— Бимбо не любит фотографироваться. Он считает, что тот, кто смотрит на снимок человека, крадет его душу.

— Бимбо? — ахнула женщина. — Это кличка? Он что, у тебя, сумасшедший?

— Нет, мам, это — имя. Он — африканец из Нигерии. Его имя Абимбола Баба.

Застыв на месте с перекошенным ртом, Раиса тихо сползла на пол.

— Ма, ну ты чего? — бросилась поднимать ее Лидка.

Придя в себя, Тупицына-старшая пошлепала в кухню принимать корвалол. Она так устала от фортелей дочери, что у нее уже не было сил ни на крик, ни на плач, ни на нотации. К тому же от стресса у нее пропал голос.

— Не вздумай его сюда припереть, — прохрипела Раиса, растирая рукой область сердца. — Тебе-то, бесстыжей, все равно, а мне здесь

еще жить. В кои-то веки за мной стал ухаживать приличный мужчина. Не дай бог, соскочит из-за твоего негра. Где ты его только откопала?

Подобная реакция матери очень огорчила Лидку.

— Да какая тебе разница, белая у него кожа или черная, если твоя дочь счастлива? — выкрикнула она в сердцах, собираясь обратно в Ахромеевск.

— А такая, что если, не дай бог, у тебя родится ребенок, он будет мулатом, — задрожал голос Раисы. — Представляешь, какая жизнь его ждет, и какие комплексы у него будут? У негров настолько сильные гены, что они могут проявиться в любом из восьми последующих поколений! Родив от африканца, ты подсовываешь свинью своим внукам и правнукам! А если этот Али-Баба тебя бросит, какому мужику ты будешь нужна с черным прицепом? Твоя личная жизнь навсегда закончится. Будешь в одиночку барахтаться в нищете и презрении окружающих. Мир суров, но он таков...

— Тогда мы улетим в Нигерию, — неуверенно произнесла Лидка, которую не приглашали туда даже в гости.

— В «шоколадных» странах прав у женщин очень мало, в основном — обязанности, — покачала головой Тупицына-старшая. — Тем более у иностранок, не знающих ни чужого языка, ни чужих законов. Не сливай свою жизнь в унитаз, одумайся, пока не поздно!

Лидка не одумалась. Она искренне любила Бимбо и не видела причин для расставания с ним. Да, в последнее время он стал относиться к ней более прохладно: на работу уже не заходил, домой не провожал, цветов не дарил, больше времени стал проводить со своими земляками. Но ведь это же не трагедия! Хуже то, что на каникулах Абимбола не взял ее с собой в Нигерию для знакомства с родителями. Сказал, что еще не время. «Наверное, он прав, — решила расстроенная девушка. — Мы ведь еще не расписаны. Надо как-то ускорить этот процесс».

Ускорение закончилось печально. Они с Бимбо здорово поругались. «Какая роспись без благословения родителей?!» — орал парень на испуганную Лидку, как будто не он должен был решить этот вопрос со своей родней. Девушка озвучила эту мысль и тут же получила такой удар кулаком, что на рассеченное ухо пришлось накладывать швы.

Несмотря на то, что у нее еще долго стоял звон в ушах, Лидка приняла от любимого извинения и букет алых роз. Приняла и вроде как забыла о печальном происшествии, тем более что в дальнейшем нигериец вел себя вполне прилично. А профилактика все-таки возымела действие — тема узаконивания их отношений на повестке дня больше не возникала.

— Что с твоим ухом? — поинтересовалась у девушки Шефиня, заметив у нее под волосами марлевую повязку.

— Поскользнулась в ванной на мокрой плитке и ударилась о дверной косяк, — соврала та.

— Расскажи это кому-нибудь другому! — разозлилась Антонина. — Знаю я эти косяки! Вся прибывающая сюда негритянская братия с большим энтузиазмом пользуется наших девок. Потом африканцы получают диплом и сваливают в свои джунгли, оставив наших дур с черными наследниками на руках. У них ведь какая ментальность? Пока добиваются расположения девушки, захлебываются в комплиментах, дарят ей цветы и подарки. Оно и понятно: чужбина, другой быт, незнакомый уклад, языковые сложности — тут поневоле соловьем запоешь. К тому же, они — страшные лентяи, жить не могут без обслуживающего персонала. А как только девку приручат, — отбой: можно повышать голос, распускать руки, изменять. Африканцы редко женятся на своих русских сожительницах даже после рождения ребенка. С собой на родину их не берут, а передают, как эстафету, кому-то из вновь прибывших земляков. Смотри, не повтори их судьбу.

— Что вы, Антонина Марковна, мой Бимбо совсем не такой! Он ласковый, ответственный, внимательный...

— Глупая ты, Лидка, как пробка, — покачала головой Шефиня. — А что говорит твоя мамка по этому поводу?

— То же, что и вы, — сникла девушка.

— Правильно советует. Пока нет детей, твои руки развязаны, и ты в любой момент можешь послать своего красавца в место темное и бесперспективное. Баклажаны нужно разводить на отдельной плантации!

«Странные все какие-то! — размышляла Тупицына по дороге домой. — У них, если темнокожий, так сразу безответственный аферист, способный бросить на произвол судьбы своих женщину и ребенка. Как будто среди наших таких мало. Взять хотя бы моего папашку или бывшего мужа Антонины Марковны. Дело не в национальности или цвете кожи, а в личных качествах мужчины».

Прошло полгода. Пришло время снова поступать в колледж, но, видно, не судьба — накануне повторной подачи документов Лидка обнаружила, что она беременна. Она обрадовалась — уж теперь-то Бимбо точно сделает ей предложение, и у них будет самая настоящая семья. Но предложения не последовало, как не последовало и ожидаемых Лидкой возгласов радости. Абимбола надулся, как мышь на крупу, долго

молчал, а перед сном заявил, что сейчас ему совсем не до детей — надо прилежно учиться. Не хватало ему еще из-за Лидкиной прихоти завалить экзамены и вернуться на родину без диплома. Неужели она не понимает, что ребенок — это не игрушка. Он будет по ночам орать, не давая ему готовиться к сессии, не позволять полноценно выспаться, отвлекать его от главной задачи, ради которой он покинул родную страну.

Девушка впала в отчаяние. Она просто не знала, что ей делать.

— Бимбочка, миленький, мне нельзя делать аборт, — плакала она. — У меня — отрицательный резус-фактор. Если я на это пойду, у меня больше никогда не будет детей.

— И, слава богу! — ответил тот совершенно спокойно. — Наконец-то можно будет спокойно заниматься сексом.

Произнеся эту тираду, Абимбола тут же захрапел, а Лидка проплакала до самого утра. Мамино напутствие она еще не забыла, а посоветоваться ей было совершенно не с кем. Пришлось-таки звонить Раисе.

Ту будто оса ужалила.

— Думать надо было башкой! — проорала она в телефонную трубку. — Делай аборт, пока не поздно, и гони своего ниггера вон!

— Куда гнать, мама? Я у него живу, — всхлинула девушка. — И какой аборт? Ты же знаешь, что у меня отрицательный резус. Мне и в женской консультации сказали, что с большой долей вероятности, после аборта детей у меня уже не будет.

— И не надо! Таким идиоткам, как ты, нельзя размножаться. Поумнеешь, выйдешь замуж, возьмете ребеночка из Дома малютки. Ты же с Бабой своим даже не расписалась! Завтра он сдристнет домой, а у тебя — ни мужа, ни жилплощади, ни алиментов. Как жить-то будешь? На какие шиши? Пулей в больницу! — Сказала — и сразу нажала на «отбой». Лидка подумала и решила обратиться за советом к Шефине. Ее позицию Тупицына, конечно, знала, но все равно надеялась услышать что-то утешительное.

— Дааа, — вытерла Антонина руки о полотенце. — Значит, все-таки доигралась?

— Доигралась, Антонина Марковна.

— Если тебя интересует мое мнение, аборт — лучшее решение в данной ситуации. Нормально жить с черным ребенком тебе у нас все равно не дадут. Жаль будет мулатика, он же не виноват, что его мамашка — тупица.

На следующий день Лидка отправилась в женскую консультацию с твердым намерением прервать беременность. В очереди перед кабине-

том врача она познакомилась с сорокалетней женщиной, которая уже девять лет лечилась от бесплодия. Та рассказала Лидке, что отдала бы все на свете тому, кто помог бы ей стать матерью. Когда-то, в ранней юности, она сделала аборт и с тех пор навсегда лишилась шанса услышать слово «мама». Сегодня ее дочке было бы столько же, сколько сейчас Лидке. «Вот бы отмотать время назад, — сокрушенно вздохнула незнакомка. — Я бы никогда не повторила свою глупость».

Тупицына вскочила на ноги и стала нервно ходить взад-вперед по коридору. Вдруг она остановилась, как вкопанная, и застыла перед висевшим на стене плакатом, на котором был изображен забавный младенец в памперсе. Над его головой большими красными буквами было написано: «Не убивай меня, мама!» Лидка подошла вплотную к постеру и прочитала:

*Тебе легко не дать ему родиться,
Тебя не станут за руки держать,
А он не может даже защититься,
Не может крикнуть, встать и убежать.
Но точно он, никто другой, а этот,
Чья жизнь теперь на ниточке висит,
Окажется ученым иль поэтом
И целый мир о нем заговорит.*

Из глаз девушки брызнули слезы. В эту минуту Лидка четко и ясно поняла: она будет рожать — Бог никогда не посылает человеку испытания большие, чем он сможет выдержать. Значит, и она выдюжит. Приняв решение, Тупицына облегченно вздохнула и направилась к выходу.

— Была у врача? — поинтересовался у девушки явившийся под утро Абимбола.

— Была, — односложно ответила та.

— Вот и хорошо! — заулыбался нигериец, решив, что сожительница избавилась от беременности. Подробности его не интересовали.

До восьмого месяца никто не догадывался, что пышнотелая Лидка — будущая мама. Единственным человеком, заподозрившим неладное еще на пятом месяце, оказался Бимбо. Парень был сильно удивлен тем, что его сожительница в очередной раз отказалась от секса, и, взревновав, устроил ей «допрос с пристрастием». Тупицына призналась ему, что скоро они станут родителями девочки. От злости из выпученных глаз Абимболы посыпались искры, из ушей повалил пар. Он стал бегать по квартире, лупя кулаком по стенам и без конца повторяя: «Обман! Обман! Обман!» Потом

нигериец закрылся в гостиной на ключ и, невзирая на возмущение соседей, до утра стучал на своем «говорящем барабане».

Наутро с красными, как у кролика, глазами, он отправился в институт, даже не поздоровавшись с Лидкой. Три дня его не было — ночевал у земляков в общежитии. Потом появился в компании с двумя репетиторами — аспирантом и студентом-старшекурсником и четыре часа занимался с ними за закрытой дверью.

Так продолжалось два месяца. Лидка уже была не рада, что ослушалась сожителя — атмосфера в доме стала совсем невыносимой. Он не выгонял ее — просто игнорировал, не забывая при этом с аппетитом поглощать приготовленную ею еду, носить выглаженную ею одежду, спать на чистом белье, ходить по свежевывытому полу.

Закончилась сессия. Благодаря репетиторам, ежедневно натаскивавшим Бимбо, тот довольно успешно сдал все экзамены и, наконец, заговорил с Лидкой. Парень сообщил ей, что у него большое горе — неожиданно умер отец, и ему, как единственному мужчине в семье, нужно лететь домой, чтобы позаботиться о неработающих матери и сестрах. По этой причине он взял академический отпуск. Доучиваться явится через год, а за это время постарается решить свои семейные и финансовые проблемы.

— Каким образом? — едва слышно произнесла Лидка, огорошенная услышанной новостью.

— Выдам замуж Макхамбу, и за моих женщин до моего окончательного возвращения домой будет отвечать ее муж.

— А как же мы с дочкой? Кто позаботится о нас?

— Это — твои проблемы. Сейчас у меня нет возможности содержать две семьи. По российским меркам, я совсем не богат.

На следующий день Абимбола покинул Россию, а через месяц Лидка родила дочку. Девочка была плотненькой, как мама, и весила четыре килограмма. Кожа у нее была не фиолетовой, как у отца, а светло-кофейной. От негроидной расы ей достались широкий нос, крупные, слегка вывернутые губы и черные пружинистые кудряшки на голове. В остальном же — вылитая мама, с большими карими глазами и симпатичными ямочками на пухлых щечках.

«Ничего, — утешала Лидку акушерка, — носик со временем можно будет подправить, а губы такие нынче в моде. Девки немалые деньги платят, чтобы соорудить подобный рот. И химзавивку делать никогда не придется. Это ж какая экономия!». Молодая мама кивала головой и глупо улыбалась.

Забирала Тупицыну из роддома Антонина Марковна — больше было некому. Она же подарила новорожденной коляску. Женщины отмечали это событие скромно, на кухне, в съемной квартире Бимбо. Девочка без конца плакала, и Лидке приходилось все время ее носить и укачивать.

— Как собираешься назвать свою красавицу? — поинтересовалась Шефиня, желая выпить за здоровье мулаточки.

— Ивинóса Абимболовна Баба, — не задумываясь, выпалила Тупицына.

Антонина Марковна выпустила из рук бокал. Тот грохнулся на кафельный пол и разлетелся вдребезги.

— Ты что, на всю голову больная? — спросила она, подметая осколки.

— А что? Красивое имя. С языка йоруба переводится, как «создание Бога». Так зовут ее бабушку, маму Бимбо. Ему будет очень приятно...

— Какая «йоруба»? Приди в себя! Девчонке жить в России. Мало того, что наградила ее экзотической внешностью, так еще и имя хочешь дать представителя племени тумба-юмба. Пожалей несчастного ребенка, ей в жизни и так предстоит пережить много неприятных моментов.

— А как же тогда?— захлопала Лидка ресницами.

— Твоего отца как зовут?

— Петром.

— Тогда Майей Петровной Тупицыной. Вполне приемлемо для русско-го уха.

— А если Абимбола обидится? Он ведь через год сюда вернется...

— Да не вернется он больше, как я и предполагала, — презрительно фыркнула Шефиня.

— Как это — не вернется? Почему? Этого не может быть!

— Может, Лид, может! На днях я разговаривала с его деканом. Он сказал, что студент Баба все экзамены сдал экстерном, получил диплом и отбыл на родину. Не веришь? Спроси у его приятеля Бабангиды Абиолы, которому он подарил свой идиотский барабан.

Тупицына бросила дочку в коляску и громко завывала:

— Как же так, Антонина Марковна? Как же так?

— А вот так!— развела руками Шефиня. — Я тебя предупреждала, что со своей «шоколадной» любовью ты останешься на боках. Кстати, поинтересуйся, до какого месяца Бимбо оплатил аренду.

Оказалось, что жить на этой жилплощади Лидка с ребенком может еще полтора месяца, позже из-за границы вернутся хозяева квартиры, и квадратные метры придется освободить.

Молодая мать была в таком стрессе, что у нее пропало молоко. Нужно было срочно решать вопрос с кровом. Первым делом она поехала на окраину города к той полуслепой бабке, у которой снимала угол до встречи с Абимболой. На такую жилплощадь ее декретных вполне бы хватало. Но, услышав доносящийся из коляски плач, старуха ей отказала.

— С малым дитем не пуцу! — стукнула она тростью по полу. — Я — человек пожилой, мне нужен покой, а не рев по ночам. С детьми и зверями не возьму ни за какие деньги.

Подобная история повторилась и с другими арендодателями. Никто не хотел сдавать жилплощадь матери-одиночке с темнокожим младенцем. Пришлось Лидке ехать в Гринево.

Дверной звонок захлебнулся настойчивой трелью. Открыл Тупицыной незнакомый мужик в тельняшке и трениках. Из квартиры доносился аппетитный запах котлет и жареной картошки.

Бросив взгляд на полную женщину, у которой в левой руке был огромный чемодан, а в правой — плачущий ребенок, мужчина произнес: «Мы по пятницам не подаем!» — и захлопнул дверь перед самым ее носом. От неожиданности Лидка едва не шмякнулась на пол. Постояв минуту в прострации, она повторно нажала на кнопку.

— Гришик, кто там ломится на ночь глядя? — услышала она голос матери.

— Да беженцы-погорельцы, Райчик, кто ж еще, — ответил тот со смехом. — Может, у тебя есть какие-то мелкие деньги, а то эти наглучие «мы люди не местные» весь вечер будут трезвонить.

Дверь приоткрылась, и на лестничную площадку выплыла Раиса в длинном шелковом халате в цветочек и новых бархатных тапочках с опушкой. Увидев на пороге дочку с плачущим кульком в руках, женщина опешила. Улыбка мгновенно сползла с ее губ, лицо покрылось бурными пятнами, на лбу собралась гармошка из морщин.

— В дом-то хоть пустишь? — спросила Лидка убитым голосом.

Раиса молча отступила назад. Было видно, что она чего-то боится.

— Оп-паньки, а у нас, оказывается, гости! — появился в прихожей Гришик с наколотой на вилку котлетой. — Кто это, Райчик?

— Дочка моя, Лидка, — смущенно прошелестела та. — С внучкой... Майкой.

— Ну, проходите, коли так, — откусил мужчина кусок котлеты. — Места у нас, в однушке, совсем мало, но как-нибудь потеснимся на одну ночь. Пойду, попрошу у соседей раскладушку.

Тупицына-младшая прошла внутрь и не узнала квартиру, в которой прожила с матерью много лет. Везде был проведен недешевый ремонт: балкон был застеклен, в комнате над головой нависал натяжной декоративный потолок, кухня и ванна с туалетом были обложены красивой декоративной плиткой. На кухне стояли новая керамическая плита и серебряный финский холодильник.

— Вот, Лид, живем мы теперь вместе с Гришей. Он бывшей семье оставил свою квартиру, и его жена наконец-то дала ему развод. Недавно мы расписались. Гриша — очень хороший мужчина, непьющий, работающий, не то что твой беспутный папашка. Я с ним очень счастлива. А ты — молодец, что негра своего к нам не приволокла. Я бы этого позора не пережила. Ладно, раздевай ребенка — в квартире жарко.

Лидка стала распаковывать плачущий кулек. Когда из пены кружавчиков появилось смуглое личико Майки, Раиса всплеснула руками:

— Вот горюшко-то! Я как чувствовала, что победят африканские гены... Эту грязь даже наждачной бумагой не ототрешь. Ну, как с Майкой можно на люди показаться? Ее кто-нибудь из гриневцев видел? Соседи, знакомые, таксист?

— Нет, — удивилась Лидка постановке вопроса. — Она ведь в одеяльце.

— Вот и славно, — оживилась Раиса. — Завтра, с утра Гриша на своем автомобиле отвезет вас в Ахромеевск. Вот только, как предъявить Майку ему? — испуганно оглянулась она на входную дверь. — Давай скажем, что Майкина бабка по отцовской линии согрешила в свое время с кубинцем, вот и аукнулись ее шалости через поколение. Договорились?

Ошарашенная Лидка кивнула головой.

Увидев малышку, вернувшийся домой Гриша выпустил из рук раскладушку.

— Ох, ни фига ж себе, ядрена балалайка! В отбеливатель девку... не медленно!

— По-вашему, это смешно? — выдавила из себя Лидка.

— По-моему, это печально, чтоб не сказать — трагично, — насмешливо ответил Гриша. — Назад-то ее уже не запихнешь.

— Вы что, расист?

— Нууу... Мне больше нравится определение «этнокритик».

Майка тут же зашлась в громком плаче. Раиса нервно затеребила пояс халата. В ее взгляде, направленном в сторону мужа, читались чувство вины и чувство стыда одновременно.

— Знаете, мы с дочкой, наверное, домой поедем, — поднялась на ноги Лидка. — Мы обещали нашему папке долго не задерживаться.

— Ну и куда вы попретесь на ночь глядя... — не очень уверенно произнесла Раиса.

— Как знаешь, как знаешь, — перебил жену Гриша. — Хозяин — барин.

Лидка вызвала такси, завернула дочку в одеяло, подхватила чемодан и пошла к двери. Ни мать, ни ее супруг даже не дернулись, чтобы помочь ей спуститься.

— Спасибо за гостеприимство, — бросила девушка через плечо вышедшей на лестничную площадку Раисе.

— Да не за что, — ответила та полусшепотом, напряженно прислушиваясь к звукам в подъезде.

В дороге Лидка еще держалась, а приехав «домой», упала на кровать и разрыдалась. Плакала она так горько и громко, что даже Майка в недоумении затихла в своей коляске. Если бы не кормежка и купание ребенка, Тупицына бы еще долго рыдала, но на рефлексии и личные страдания времени у молодых мам практически не находится. В этот день Лидка четко осознала, что помощи ей ждать совершенно неоткуда, что права на отдых у нее никогда не будет, и такое положение вещей — на долгие годы вперед. Понимание того, что она привела в этот жестокий мир еще одного человека, выжгло у девушки все эмоции. Она перестала смеяться, злиться, сердиться, нервничать, радоваться. Заводная Лидка-хохотушка превратилась вдруг в бесчувственный автомат, одной рукой варящий кашу, другой — моющий посуду. Одной ногой протирающий забрызганный молоком пол, другой — качающий коляску с бесконечно ревущей Майкой. И все это отстраненно, механически, будто внутри у нее кто-то выключил тумблер.

— Защитная реакция организма, — диагностировала ситуацию пришедшая проведать ее Шефиня. — Своеобразный предохранительный клапан, чтоб не взорваться и не сойти с ума. Ты у врача была?

— Какой врач, Антонина Марковна? — меланхолично процедила Лидка. — Мне в туалет сходить некогда — Майка свой рот не закрывает ни днем, ни ночью. Стоит куда-нибудь закатиться ее соске, и она наизнанку выворачивается. Когда однажды я поймала себя на мысли, что хочу вынести Майку на балкон и швырнуть ее вниз, то жутко испугалась. Тогда и попросила у Божьей матери заступничества. В ответ она послала мне состояние тупого безразличия ко всему, что со мной происходит.

— А что говорит педиатр о Майкином возбуждении?

— Что это могут быть болезненные опрелости, мокрый памперс, перепады атмосферного давления, низкая или высокая температура в квартире, кишечная колика... Да что угодно. Дал направление на УЗИ головного мозга и проверку состояния кровотока в центральной нервной системе. Не хватало, чтобы, ко всем прочим радостям, дочка оказалась еще и психически ненормальной.

— Да ладно тебе! — махнула рукой Шефиня. — Просто Майку нужно покрестить. Освободившись от грехов родителей, доставшихся ей при рождении, и обретя Божью благодать, девчонка сразу перестанет орать, вот увидишь! Недалеко от меня живет священник, отец Макарий, я с ним договорюсь.

Глаза Лидки засветились надеждой.

— А кто будет крестной и крестным?

— Я и буду, — усмехнулась Антонина. — Без второго крестного можно обойтись. Отец Макарий говорит, что для девочки обязательно нужна крестная мать, остальное — факультативно.

Сказано — сделано! Через месяц Майка стала рабой Божьей Марией и действительно перестала кричать. Лидка снова начала улыбаться.

Но улыбалась она недолго. Из-за границы вернулись хозяева квартиры, и Тупицыным пришлось срочно собирать свои вещи. Идти им было некуда, кроме как к «маме Тоне». У последней был собственный дом с четырьмя комнатами. Одна из них принадлежала ее дочери, которая уже несколько лет жила в Финляндии и на родину приезжала нечасто. В ней-то и поселилась бездомная мать с ребенком.

За временное проживание Шефиня с Тупицыной ничего не потребовала. «Кто ж из добрых людей возьмет деньги с кумы и крестницы, оказавшихся в безвыходном положении? — утешала она Лидку, сильно переживавшую по этому поводу. — Вот оформишь материнский капитал, тогда и поищем вам отдельное, более комфортное жилье».

Но правду гласит народная мудрость: «Нет ничего более постоянного, чем временное». Уже несколько лет Тупицыны жили у Антонины. Майка называла ее бабой Тоней и была к ней очень привязана. Та тоже любила девочку и называла ее чертенком. Не из-за цвета кожи — из-за вредного характера, бурного темперамента и сумасшедшей энергетики.

За все это время Бимбо не проявился ни разу. Нет бы, приехать, как обещал, или деньги перевести на ребенка, он даже привет ни разу не передал через возвращающихся с каникул земляков.

Раиса тоже общалась с дочерью исключительно через социальные сети, время от времени напоминая дочери о пагубности выставления в ин-

тернет детских фотографий. Дескать, злые люди могут ребенка сглазить. Лидка же прекрасно понимала истинную причину страхов Тупицыной-старшей.

Девочку же совершенно не смущало пристальное внимание окружающих к ее персоне. Когда ее называли обезьянкой, она не плакала, не обижалась, а тут же начинала гримасничать, подражая мартышкам. Полненькая, но подвижная, как ртуть, Майка была очень артистичной. Имея тонкий музыкальный слух, малышка хорошо пела и танцевала. От других детей она отличалась не только колоритом, но и напористостью, уверенностью в себе, живостью характера, неисчерпаемой фантазией. Будучи ярко выраженным экстравертом и харизматиком, девочка как мощный магнит притягивала к себе других детей и быстро становилась лидером коллектива, придумывая игры и развлечения, не всегда одобряемые взрослыми. На этой почве у нее неоднократно бывали стычки с педагогами и родителями ее одноклассников или с соседями по улице. Как только где-то что-то случалось, все в один голос вопили: «АфроМайка!»

Энергичная и импульсивная, Тупицына-младшая не выносила серость, рутину, скуку и неслась навстречу приключениям, не страшась осуждения, порицания и наказания старших. К тому же она всегда могла обосновать любой свой поступок. «Природной хитрости у нее — до хренищи, хоть в канистры разливай», — ворчали взрослые, удивляясь тому, как легко и просто девочка выбиралась из самых затруднительных ситуаций.

Лидка же была совершенно другой. После родов она стала пугливой, обидчивой, сплошным комком комплексов, серой мышью с внутренним огненным шаром, который не давал ей покоя ни днем, ни ночью. Однажды она пожаловалась Шефине:

— Как ни крути, я все же — живой человек, а не чурка березовая! В моей жизни нет ничего хорошего — ни денег, ни любви, ни развлечений. Есть только тряпка на работе да неуправляемая мулатка дома. Знаешь, сколько раз из-за нее мне хотелось покончить с собой?

— Из-за Майки? — удивилась Шефиня. — Она-то в чем перед тобой виновата? В том, что по твоей же воле родилась на свет?

— Может, и в том, — согласилась Лидка. — Стоит кому-то увидеть ее рожу, и ко мне тут же начинают относиться как к прокаженной. Когда устраивала ее в детсад, заведующая поликлиникой отказывалась подписывать карту медосмотра. Сказала: «Таким, как вы, нечего делать в дошкольном учреждении, там и русским детям мест не хватает». Когда

Майка все же туда попала, няньки и воспитательницы стали называть ее между собой «семь раз нерусская», а дети — «девочкой с коричневой мордочкой». А, помнишь, как однажды она пришла домой покусанная? Оказывается, какой-то маленький придурок решил, что Майка «сделана из шоколада», и захотел это проверить. Устала я, мама Тоня, от всего этого, при каждом выходе с ней из дому я всегда испытываю панические атаки от страха, что нас публично унижат. А что же будет, когда она пойдет в школу? Дети — такие жестокие существа. Они всегда гнобят тех, кто на них не похож.

— Почему ты раньше мне об этом не рассказывала? — нахмурилась Шефиня.

— Потому что еще до рождения Майки ты меня об этом предупреждала, — заплакала Лидка. — Говорила, что создавать потомство с представителем другой расы — то же самое, что собирать автомобиль из деталей «Мерседеса» и «Оки». Как же ты была права!

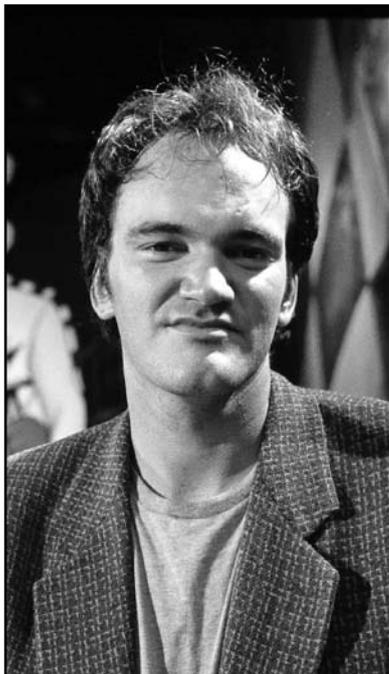
Антонина обняла Тупицыну, погладила ее по голове.

— В том-то и дело, Лидушка, что права я была не во всем. Травить можно только того, кто поддается травле. На 95 процентов отношение окружающих зависит от твоего собственного настроения. Бери пример с дочки. К ней, как к тефлоновой сковородке, никакой негатив не пристаёт. В результате, «жестокие существа» находят для травли другой объект. Бери себя в руки, приводи в порядок, и судьба сама тебя найдет.

Лидка прислушалась: сделала модную стрижку, занялась «интервальным голоданием» по Эрику Берну, сшила себе несколько новых платьев, которые раньше презрительно называла «танковыми чехлами». По выходным стала выгуливать Майку по паркам и аттракционам, а на работу приходила в хорошем настроении.

Антонина Марковна как в воду глядела — судьба сама нашла Лидку. В лице тридцатилетнего студента из... Бенина Элайджи Мама, высокого, белозубого, модно одетого. В прошлом году он окончил магистратуру и сейчас учился на первом курсе аспирантуры. У себя на родине парень успешно завершил обучение в университете города Котону, сдал дополнительные тесты и отправился в Россию углублять профессиональные знания. Мама поступил на подготовительный факультет по изучению русского языка, после чего оказался в Ахромеевском институте управления. Элайдже очень нравилась русская еда, поэтому он часто захаживал в столовую, где и познакомился с Лидкой... □

Непостижимый Тарантино

Парадокс Квентина Тарантино заключается, как мне кажется, в том, что этот легендарный кинорежиссер, с неполным средним образованием, никогда не учившийся ни в какой киношколе, возвеличил и возродил так называемые второсортные жанры — от спагетти-вестернов до зомби и банальных страшилок. Сам его творческий метод, включая разработку сценариев (за которые, а не за сами фильмы, он дважды удостоился «Оскара»), превращение длиннейших, вроде бы, тормозящих действие диалогов в экранный аттракцион и, наконец, реанимацию с повторным возведением в хиты давно забытых музыкальных шлягеров, сделался культовым достоянием мирового киноискусства.

Он родился в марте 1963 года в Ноксвилле, вне брака у 16-летней медсестры Кони Макхью, ирландки с примесью крови индейцев племени черокки, и актера и музыканта Тони Тарантино, американца итальянского происхождения родом из бруклинского Куинса. Мать будущего кинорежиссера была способной ученицей, окончила школу в 15 лет и мечтала стать независимой. Отто-

го и выскочила рано замуж за Тони. Брак не сложился, и они быстро расстались. О том, что она беременна, Кони узнала после развода, но никогда не пыталась связаться с бывшим мужем, да и Квентин не предпринимал попыток разыскать биологического отца. Кстати, имя Квентин начитанная Кони дала ребенку в честь героя романа У. Фолкнера «Шум и ярость» Квентина Компсона.

Безусловный постмодернист, Тарантино всегда оставался ревностным поклонником жанровых клише, вплоть до разделения фильма на главки с названиями и введения в изображение многочисленных поясняющих титров, будоражащих зрительскую мысль. Сюжет у Тарантино — лишь повод порезвиться, в первую половину творческого пути над вымышленной экранной историей, а во вторую — над альтернативными вариантами подлинных исторических событий. Достаточно вспомнить «Бесславных ублюдков», «Омерзительную восьмерку» или последнюю картину мастера «Однажды в... Голливуде».

На вопрос, где он учился кино, Тарантино обычно отвечал: «Я не учился кино, я смотрел его». Выросший у телевизора и затем долгое время работавший в видеосалоне, Квентин, подобно П.Т. Андерсону, У. Андерсону, братьям Коэн, С. Содербергу, А. Звягинцеву и некоторым другим грандам мировой кинорежиссуры, является одним из самых ярких представителей поколения «кинематографистов-самоучек», синефилов, пересмотревших тысячи видеокассет. Возможно, именно поэтому его вкус формировался под влиянием причудливого сплава развлекательного, в русле поп-культуры, и артхаусного кино. Не случайно авторскому подходу при создании фильма Тарантино не изменял ни в стартовых «Бешеных псах», ни в кровавой трэшевой саге «Убить Билла». Сам он говорит, что во всех его фильмах есть одна общая черта, которая завоевала ему миллионы поклонников по всему миру, — особое чувство юмора, заставляющее людей смеяться над вещами, на первый взгляд, отнюдь не забавными. Что тут скажешь, художник!

Раннее детство мальчика прошло в предместьях Лос-Анджелеса, куда они переехали с матерью, когда ему исполнилось два года. Там он пошел в школу и там же брал первые уроки драмы. Мать повторно вышла замуж за местного музыканта по фамилии Заступил, который усыновил маленького Квентина и дал ему свою фамилию. Однако, окончив школу и решив стать актером, парень решил,

что фамилия Тарантино более подходит для сцены, нежели Заступил. И — не ошибся.

Пока он учился, Кони делала удачную карьеру в фармакологической фирме, и семья даже построила собственный дом. Мать работала днем, а отчим — по ночам, поэтому безнадзорный ребенок проводил долгие часы перед телевизором, без конца пересматривая полубившие-

ся сериалы и комедийные шоу. В семье все любили кино и были завсегдатаями кинотеатров. Так, еще в дошкольном возрасте Квентин насмотрелся фильмов «до 16 лет» и приохотился к «ужасикам».

Когда ему исполнилось восемь, мать развелась с отчимом, но увлечения мальчика кино это не убавило. Дома Квентин постоянно разыгрывал с игрушечными персонажами сценки из понравившихся фильмов, запустив школьные занятия. Ему вообще претила учеба в частной христианской школе, и он начал прогуливать уроки. В 15 лет с вынужденного согласия матери Квентин бросил школу и устроился билетером в кинотеатр, где крутили порно. Мать про характер репертуара там не знала. Позднее Тарантино признался: «Мне не нравились пор-

нофильмы. Мне нравилось настоящее кино, а не это — противное и дешевое».

По вечерам он начал посещать курсы актерского мастерства, а в январе 1981-го впервые встретился со сценаристом К. Хейменном, ставшим ему другом и соратником. Три года спустя тот познакомил Квентина с предприимчивой К. Джеймс, которая будет его менеджером на съемках «Криминального чтива». Но до этого еще было далеко. Пока же 22-летний Тарантино нашел себе место сотрудника видеопроката, где целыми днями смотрел фильмы, обсуждая с владельцем видеосалона Р.Эвери, будущим сценаристом, продюсером и кинорежиссером, предпочтения посетителей при выборе кассет и заодно проверяя собственные вкусы.

Слева:

«Омерзительная восьмерка»

«Криминальное чтиво»

Он называл работу в видеопрокате лучшей из всех, что имел, пока не стал режиссером. Приобретенный там богатый оценочный опыт Тарантино невероятно успешно использовал затем в своем творчестве. Равно, как и Эвери, получивший годы спустя «Оскар» за сценарий «Криминального чтива». Жизненно, ведь мы знаем, правит случай.

В какой-то момент молодости Квентин захотел стать... романистом. Неожиданным такое решение завязанного киномана может показаться только на первый взгляд. Его литературные способности были очевидны уже тогда. В сущности, все фильмы Тарантино беллетристичны. Virtuозно прописанная история, захватывающие диалоги играют в них едва ли не главную роль. После

«Криминального чтива» сценарии своих прославленных картин он будет писать сам, включая и предшествующих «Бешеных псов».

Пока же Квентин сочинил две главы предполагаемого романа, в которых описал свою работу в видеосалоне. Их прочитал продюсер Л. Бендер, познакомившийся с Тарантино на одной голливудской вечеринке. Прочитал, оценил потенциал молодого дебютанта и посоветовал ему попробовать писать сценарии. Тот последовал совету. Однако путь его к успеху был долг и извилист.

Первый сценарий Тарантино под причудливым названием «Капитан Пичфуз и анчоусовый бандит», написанный в 1985 году, не был реализован. После этого Квентин несколько трудных лет писал и предлагал сценарии разным студиям,

получая неизменные отказы. Попробовал он себя и на актерском поприще, сыграв роль двойника Элвиса Пресли в первом и третьем сезонах сериала «Золотые девочки».

Стартом головокружительной кинематографической карьеры Квентина Тарантино стали «Бешеные псы» (1992). Сценарий он написал за три недели и был настолько одержим будущим фильмом, что согласился снимать его на 16-ти миллиметровой пленке за минимальные средства, даже вложив в производство скромные деньги, которые выручил за продажу (со скрипом) двух предыдущих сценариев. Когда сценарием заинтересовался известный актер Харви Кейтель, бюджет фильма вырос, хотя все равно оставался и по тем меркам весьма скудным — чуть больше 1 миллиона долларов.

Х. Кейтель, утвержденный без проб на любую роль в фильме по собственному выбору и взявший на себя также обязанности исполнительного продюсера, настоял, чтобы кастинг они с Тарантино и сопродюсером фильма Л. Бендером сперва провели в Нью-Йорке, где на роль мистера Розового был отобран харизматичный Стив Бушеми. Компанию ему уже потом на кастинге в Голливуде составили неподражаемый Тим Рот и зловеще-ироничный Майкл Мэдсен. (Впоследствии все они станут постоянными участниками культовых лент Тарантино.)

Фильм, снятый в сжатые сроки, фактически в одной локации забро-

шенного пакгауза, собрал хорошую кассу и заслужил в целом хвалебные отзывы критики, удостоившись призов фестиваля независимого кино «Санденс» и некоторых других смотров, включая европейские. Однако по достоинству он все же был оценен лишь после выхода на экраны «Криминального чтива».

Нет смысла останавливаться на сюжете этой широко известной картины, рассказывающей о том, как собранная главарем из совершенно незнакомых друг с другом людей банда пытается ограбить банк, и в результате «подставы» ее члены перестреляли друг друга. Стоит, наверное, отметить нелинейность повествования и очевидную театральность, вызванную единством места действия, что было обусловлено ограниченным бюджетом проекта. Самого ограбления зритель не видит, оно передано на экране исключительно через диалоги растерянных и озверевших персонажей.

Вместе с тем, в противоположность сценическому действию, картине присущ запредельный реализм, доходящий подчас до откровенного смакования жестокости. На просмотрах фильма некоторые зрители покидали зал во время эпизода с отрезанием уха бритвой у захваченного полицейского персонажем М. Мэдсена. Режиссер объяснял свою позицию тем, что «насилие — часть этого мира, и я только изображаю безжалостность реальной жизни». А кроме того признавался:

«насилие — один из кинематографических приемов». Общаясь с прессой, он говорил о многих американских и европейских режиссерах и сценаристах, которые в той или иной степени повлияли на его художественную манеру. И, в первую очередь, творцы «новой волны», такие, как Ж.Л. Годар и Ф. Трюффо.

«Одна из проблем, с которой люди сталкиваются в творчестве Квентина, — замечал Р. Эвери, — это то, что его фильмы рассказывают о других фильмах, а не о жизни». Любопытное утверждение. Нарративная структура нелинейного повествования ленты строится по излюбленному принципу режиссера: «сначала ответы — вопросы потом». Этот принцип используется, в частности, в знаменитой гангстерской саге С. Леоне «Однажды в Америке». Идея «цветовых» кличек персонажей была подсказана Тарантино фильмами все той же «новой волны».

И еще. На протяжении всей картины звучат отобранные самим Тарантино рок-н-рольные хиты 70-х, которые на фоне разрушительной природы «Бешеных псов» выглядят ироничным контрапунктом, смягчая грубость повествования. Вдохновляющим примером режиссеру тут служил «Заводной апельсин» С. Кубрика.

В свою очередь, «Бешеные псы», вобрав в себя много образов из кинематографа и массовой культуры прошлых лет, породили целый ряд последователей, как в плане художественных приемов, так и в плане

структуры повествования. Критики утверждали, что без этого фильма грубость и насилие в качестве эстетической категории, усиливающей эмоциональный посыл фильма, не завоевали бы такую популярность в новом авторском кино. Взять хотя бы «Помни» К. Нолана, «Подозрительные лица» Б. Сингера, «Сука-любовь» А. Иньярриту.

«Криминальное чтиво» (1994) — бесспорный триумф Тарантино, фильм не просто новаторский, но и революционный, во многом изменивший взгляд на природу и возможности кинематографа, удостоенный «Золотой пальмовой ветви» Каннского фестиваля, «Оскара» за оригинальный сценарий и десятка других почетных наград. Без этой картины сложно представить не только творчество режиссера, но и вообще развитие авторского кино на исходе прошлого века. Особый шик фильму придает звездный состав исполнителей. Невозмутимый Брюс Уиллис, непредсказуемая Ума Турман, зловещий Сэмюэл Джексон и возвращенный из забвения невероятно органичный Джон Траволта, чью яркую кинокарьеру перезапустило «Криминальное чтиво». Трое последних были номинированы на «Оскар» и вошли в число ведущих актеров Голливуда, а уже обладавший звездным статусом Б. Уиллис перестал восприниматься лишь как герой боевиков. Кроме того, сюда перешли из «Бешеных псов» Х. Кейтель и Т. Рот.

В производстве фильма участвовала совместная кинокомпания Тарантино и Бендера «А Band Apart», культивировавшая фирменный стиль режиссера: отказ от хронологии действия, деление картины на «главы» с названиями, длиннейшие, порой абсурдные диалоги персонажей, ссылки на фетиши минувшей поп-культуры и цитаты из старых, малоизвестных второсортных фильмов, на которых Квентин вырос.

По ходу действия картины возникает несколько сюжетных арок. Тут и история боксера Буча, спасающегося от главаря мафиозной банды, с участием персонажа Траволты. И злключения наркоманки Мии (Ума Турман), жены чернокожего босса мафии. И, наконец, ограбление придорожного кафе влюбленной парочкой. Причем все сюжетные арки разнесены по разным временным планам фильма и умело соединены между собой. «Вишенкой на торте» делается издевательски сатирическая история про забытые в квартире во время бегства золотые часы Буча, которые его отец во вьетнамском плену прятал в заднем проходе, чтобы передать когда-нибудь сыну...

«Безумная постмодернистская смесь острых ощущений, нео-нуара и черного юмора», как назвал шедевр Тарантино авторитетный критик, также изобилует всевозможными цитатами и отсылками к прошлым фильмам и явлениям массовой культуры. Так, легендарный конкурсный рок-н-ролл Дж. Траволты (в моло-

дости профессионального танцора диско в нескольких фильмах) с любительницей У. Турман в ресторане «Джек Рэббит Слимс» отсылает зрителя к подобной сцене в одном из любимых фильмов Тарантино «Банда аутсайдеров» Годара.

Примечательно, что в широкий прокат «Криминальное чтиво» вышло в США не в сети кинотеатров сразу, а медленно завоевывая сердца зрителей в статусе традиционного инди-фильма. И стало одной из самых кассовых лент, первым инди-фильмом, сбор от проката которого превысил 100 миллионов долларов. И это при бюджете в 10 миллионов (половина ушла на гонорары актерам).

После старта показов «Криминального чтива» Тарантино все время находился в пути, занимаясь продвижением картины и участвуя в кинофестивалях по всей Европе. Еще раньше на международном фестивале в Торонто, где он представлял «Бешеных псов», Квентин близко сошелся с начинающим режиссером Робертом Родригесом. Оба нашли, что между ними много общего, и решили сотрудничать. Их первым совместным проектом стал фильм «Четыре комнаты» (1995), состоящий из четырех короткометражных новелл, поставленных разными режиссерами. Тарантино снял последнюю, с Т. Ротом и Б. Уиллисом. Не выразить словами, насколько она смешна и увлекательна.

«Однажды... в Мексике»

Объявив, что собирается снять ровно 10 фильмов, а потом уйти на покой, Тарантино долго и придирчиво искал тему своего следующего проекта. Его фанаты во всем мире с нетерпением ждали нового откровения кумира. И дождались кровавого трешевого боевика «Убить Билла» в двух частях (2003–2004), вызвавшего поистине вселенский восторг. А до этого вышла «нормальная» и незаслуженно обделенная вниманием детективная драма «Джеки Браун» (1997), где Тарантино доказал, что уверенно владеет и классической формой экранного повествования.

Привлекательная одинокая студесса не первой молодости со

своими «скелетами в шкафу» нелегально перевозит на авиарейсах из Мексики в Штаты внушительные суммы наличных местному торговцу оружием, которого завораживающе играет С. Джексон. За ним давно уже установлена слежка федералов, и однажды Джекки берет с личным. Она вынужденно соглашается стать «подсадной уткой» для агентов ФБР, но разрабатывает хитроумный план, как обмануть их и скрыться с деньгами. Все это снято стильно и динамично.

Хороша в главной роли известная актриса Пэм Гриер. С. Джексон удостоился на Берлинском кинофестивале «Серебряного медведя» за лучшую мужскую роль. А исполнитель

роли второго плана Роберт Форстер был номинирован на «Оскар» и «Золотой глобус». В фильме блестяще сыграл будущий Бердмэн, Майкл Китон и поразил воображение в комедийно-гангстерском образе Роберт Де Ниро.

«Я любитель всех жанров — от спагетти-вестернов до самурайского кино», — заявил Тарантино и подтвердил это дальнейшим творчеством. Прежде всего — монументальным хитом пестрой смеси жанра китайского фэнтези, обильно нашпигованного восточными единоборствами, с теми же спагетти-вестернами и итальянскими триллерами. Понятно, что речь идет о фильме «Убить Билла». Большой временной перерыв между ним и предыдущей картиной «Джеки Бра-

ун» был вызван тем, что режиссер практически ушел из кино на шесть лет, занимаясь лишь продюсированием родригесовских сиквелов «От заката до рассвета» и играя эпизодические роли в малозначительных лентах.

Потом последовала провалившаяся в прокате и высоко оцененная критиками абсурдистская черная комедия «Доказательства смерти» (2007), которую режиссер называл своим худшим фильмом, добавив, что он «хоть и снят топорно, но не так уж и плох».

Пожалуй, то была единственная очевидная неудача на беспрецедентном творческом пути Тарантино. Следующий его фильм «Бесславные ублюдки» (2008) стал настоя-

*«Джанго
освобожденный»*

щей сенсацией. В одном интервью, рассказывая о том, какие он снимает картины, Тарантино признался, что играет с самыми животрепещущими темами, от которых у зрителей кровь стынет в жилах. Помимо кровавой жестокости, подаваемой как бы не всерьез, в пародийно-игровом ключе, у него есть еще одна заветная тема, освещаемая им в том же духе, — Вторая мировая.

В «Бесславных ублюдках» мастер рискнул предложить публике альтернативный вариант завершения Второй мировой войны. Причем языком гротеска, трэша. Рядом с героями французского Сопротивления мы видим на экране достаточно комичный отряд американских спецназовцев-евреев во главе с лейтенантом Рейном в исполнении Брэда

Питта, которые отлавливают и жестоко убивают нацистов, снимая с них скальпы.

Среди оммажей, рассыпанных в картине, нашлось место и шедеврам советского кино. Так, фантастическая по мрачной красоте сцена расстрела и сжигания из огнеметов Гитлера с приближенными в парижском кинотеатре отсылает нас к фильму Э. Климова «Иди и смотри». А коляска с ребенком в другой сцене — к трагедии на одесской лестнице в фильме «Броненосец «Потемкин» С. Эйзенштейна. Критика расценила седьмую картину Тарантино как «синефильскую фантазию», сплошную игровую стихию, которая захватывает и подчиняет себе». При этом в по-прежнему эклектичный саундтрек фильма включается

*«Бесславные
ублюдки»*

музыка впервые работавшего с Тарантино Э. Мариконе.

Характерно, что бюджет ленты составил уже 70 миллионов долларов, а сборы только в кинотеатрах — почти четыреста миллионов. Были и приз Каннского фестиваля за лучшую мужскую роль, и номинация на «Золотую пальмовую ветвь», и, что еще важнее, очередное потрясение мирового кинематографического сообщества, повлиявшее на целый ряд экранных работ в разных странах.

Прошло еще три года, прежде чем Тарантино объявил о начале съемок вестерна «Джанго освобожденный», рассказывающего о рабе Джанго, который неожиданно обрел свободу и теперь с помощью своего благодетеля разыскивает на плантациях америанского Юга жену-рабыню. Но не только ищет ее, но и мстит жесто-

ким угнетателям. Слоган картины: «Они забрали у него свободу. Он заберет у них все».

«Я хочу исследовать такое, что еще никем толком не исследовалось, — сказал режиссер, приступая к созданию фильма, — и показать ужасные страницы истории Америки, связанные с рабством, причем хочу сделать это в жанре спагетти-вестерна». Определенная аллюзия и дань уважения к классической ленте С. Леоне «Хороший, плохой, злой» придадут яркому фильму Тарантино некий ностальгический флер.

Признание критики и зрителей, фестивальные призы и награды не заставили себя ждать. Тарантино получил «Оскар», «Золотой глобус» и БАФТА в категории «Лучший оригинальный сценарий». Бесподобному К.Вальцу из «Бесславных ублюд-

ков» достались «Оскар», «Золотой глобус» и БАФТА за лучшую мужскую роль второго плана. В главной же роли снялся Джеймс Фокс, а садиста-плантатора виртуозно сыграл Леонардо Ди Каприо. В совершенно необычной для себя роли верного слуги плантатора типа «дяди Тома» убедительно выступил С. Джексон...

В коммерческом плане Тарантино тоже не подкачал. При бюджете картины 100 миллионов долларов ее сборы в кинотеатрах приблизились к отметке в 500 миллионов. Не исключено, что в том числе и финансовый прорыв фильма подтолкнул режиссера к созданию еще одного вестерна «Омерзительная восьмерка» (название — ироничный парафраз легендарной «Великолепной семерки», тоже вестерна, снискавшего невероятную популярность в советском прокате 70-х). По счету это оказался восьмой фильм мастера.

Он задумывался как продолжение «Джанго», но режиссер понял, что образ героя предыдущей картины не вписывается в новую историю, и заменил его на другого персонажа, которого сыграл С. Джексон. Рядом с ним мы видим на экране Т. Рота, К. Рассела и других известных актеров, включая Ч. Татума. Фильм был завершен в 2015 году и выпущен сначала в пленочном формате для широкоэкранных кинотеатров, а затем для всех остальных. Музыка к фильму вновь написал великий Э. Мариконе.

Полностью выдерживая традиционный стиль жанра, Тарантино

сумел создать свою оригинальную историческую драму, в основном, не выходя за пределы уединенной зимней хижины где-то на дальнем Западе после окончания Гражданской войны. Там несколько служителей закона сталкиваются с кучкой головорезов в атмосфере лжи, коварства и зловещего саспенса. В нарочито замедленном темпе действие длинной картины тянется к взрывной кровавой кульминации, вознаграждая зрительское терпение.

Несмотря на очевидные достоинства ленты, тепло встреченной зрителями, ее нельзя отнести к основным творческим достижениям Тарантино, чего не скажешь о его последнем на настоящий момент, девятом, комедийно-драматическом фильме «Однажды в... Голливуде» (2019).

И опять — значительный временной интервал между «Джанго» и двумя последующими картинами. Замыслы своих новых работ этот художник вынашивает годами, пестует, порой меняет. А кроме того, всегда занят разнообразными делами и увлечениями. Выступает в небольших и больших ролях у других режиссеров (особенно у друга Родригеса) в кино и на ТВ. Продюсирует и представляет фильмы молодых постановщиков. Входит в состав жюри международных фестивалей (в Каннах и в Венеции являлся даже председателем жюри).

В 2004 году Тарантино был гостем Московского кинофестиваля и уди-

вил всех, сразу же попросив отвезти его на могилу Пастернака в Переделкино. А на кладбище захотел остаться один и сидел, привалившись с закрытыми глазами к надгробному памятнику поэта, который, как выяснилось, является литературным кумиром выдающегося кинорежиссера, оказавшим существенное влияние на его творчество.

Кстати, в Москве он побывает еще раз в год выхода своего девятого фильма. И на пресс-конференции назовет в числе своих любимых фильмов «Александра Невского» С. Эйзенштейна и «Человека-амфибию», снятого А. Чеботаревым и А. Казанским.

Страстный собиратель настольный игр и, по собственному признанию, фетишист женских ступней Квентин Тарантино имел романтические отношения со многими известными женщинами, в том числе с актрисой М. Сорвино и режиссером С. Копполой. В 2010 году он обручился с израильской певицей Д. Пик, с которой сыграл тайную свадьбу в Лос-Анджелесе. Тогда ему исполнилось 55. Недавно в Тель-Авиве, где сейчас живет семья, у мэтра родилась дочь. Ранее он заявлял: «Я не утверждаю, что не буду жениться и не заведу детей, пока мне не исполнится 60 лет...» И добавил: «Я отказался от слишком многого в жизни, чтобы снимать кино... И я счастлив».

В июле 2017-го стало известно, что следующий фильм Тарантино будет о страшной резне, учиненной в 1969 году членами банды Ч. Мэнсо на вилле культового режиссера Р. Полански, где по приказанию главаря они также зверски убили его беременную жену, видную актрису Ш. Тейт. Год спустя было озвучено название нового фильма — «Однажды в... Голливуде» (повторяющее название комедийной ленты 2008 года Б. Левинсона, посвященной мытарствам голливудского продюсера в исполнении Р. Де Ниро).

Этой последней на сегодняшний день картиной Тарантино удалось удивить и покориť всех, ибо в ней привычная в его прежних работах

Слева:

*К. Тарантино
на могиле
Б. Пастернака*

*«Бешеные
псы»*

эстетизация кровавого насилия была сведена к минимуму и получила явно иронический характер, а содержание развернулось в плоскости психологической драмы. Мало того, напряженно ожидаемый на протяжении всего фильма трагический финал по прихоти создателя меняется на благополучный вымышленный конец, где трое одержимых бесом юнцов погибают от рук собравшихся вечером на вилле. Последнюю из нападавших главный герой даже сжигает из реквизитного огнемета в бассейне виллы (еще одна реминисценция на голливудские хиты).

Парадоксально, но главное достоинство этого фильма в том, что он выглядит наименее «тарантиновским». Тут нет традиционного для режиссера стремления к са-

моутверждению через аттракцион, нет бессвязных и бесконечных разговоров персонажей, нет стремления каждый раз превзойти самого себя. А есть творческая радость автора от возможности перенестись с помощью условной машины времени в последний период «золотого века» «фабрики грез» и взглядеться в лица его обитателей и кумиров.

Их воплотили Б. Питт, Л. Ди Каприо и совершенно очаровательная Марго Робби в роли Ш. Тейт. Ненадолго появился на экране Аль Пачино. Тим Ротт и еще несколько классных актеров снялись в сценах картины, которые режиссер вырезал на монтаже... Во всех отношениях девятый фильм Тарантино представляет нам вдумчивого мастера, который, в отличие от предыдущих

*Квентин
Тарантино
в фильме
«Отчаянный»*

Справа:
*«Убить
Билла»*

картин, не ограничивается типажными характеристиками, но проникает в тайники души своих персонажей и создает образ целой эпохи, как бы посылая ей прощальный привет.

На Каннском фестивале 2020 года фильм удостоился восьми главных номинаций на «Пальмовую ветвь», а «Золотой глобус» в том же году был присужден Тарантино за лучший сценарий, продюсерам, включая Тарантино, — за лучший фильм, а Б. Питту — за лучшую мужскую роль второго плана.

В 2021 году Тарантино выпустил на основе сценария роман «Однажды в Голливуде», а год спустя — книгу «Киноспекуляции», повествующую об истории кинематографа

и знаковых для автора фильмах всех времен.

В марте 2022-го киновселенную облетела весть о начале работы режиссера над его десятым, предполагаемо последним, фильмом, получившим название «Кинокритик». Тарантино написал сценарий и планировал приступить к съемкам осенью 2024-го. Одну из главных ролей должен был сыграть Б.Питт. Однако весной прошлого года проект оказался отменен. По сценарию действие картины происходило в 1977 году в Лос-Анджелесе, а героем выступал 35-летний внештатный сотрудник порнографического журнала, публикующий рецензии на мейнстримовские фильмы. Прототипом

его стал реальный персонаж, чьи текстами Тарантино зачитывался в юности.

Пресса констатировала, что у режиссера не будет недостатка в первоклассных актерах, готовых «выстроиться в очередь» ради любой роли в его фильме. Он, как поговаривали, рассматривал кандидатуры и К. Вальца, и С. Джексона, и Б. Уиллиса с его височной деменцией, и К. Бланшетт... Однако по завершении сценария Тарантино почувствовал, что будущий фильм может превратиться в спин-офф вокруг личности каскадера Клиффа Бута, дублера знаменитого в прошлом Рика Далтона (Л. Ди Капри) из «Однажды в... Голливуде», а потому решил обратиться к другому сюжету.

Какому? Этого пока никто не знает. Подождем — увидим. Недавно Тарантино повторил, что хотел бы снять восьмисерийный сериал, правда, не уточнил, какой именно. А еще он запустил со своим соавтором сценариев «Бешеных псов» и «Криминального чтива» Р. Эвери подкаст, названный в честь видеопроката, в котором оба они работали в восьмидесятые годы.

И все же нет сомнений в том, что идея следующего большого фильма не отпускает маэстро Тарантино, художественное кино — его стихия, уходить на покой он явно не собирается и рано или поздно удивит нас новым, быть может, отнюдь не последним экранным произведением. □

Троянская лошадка

Глава 18

— Змея!! Змея!! Уберите ее!! Уберите эту гадость!! — разбудили меня крики, доносившиеся из хижины. Я вскочил, с трудом соображая, приснился мне этот крик, или он был в реальности. Марго тоже проснулась и тотчас схватила меня за руку.

— Алла! — позвал я. — Это вы кричали?

— Да кто меня толкает! — раздался испуганный голос Крота. — Кто здесь?! Уберите от меня это!!

Где-то рядом вспыхнула молния, громыхнул гром. Снова раздался вопль, и к нему еще добавился скрежет камней. Я кинул в костер палку, надеясь, что она тотчас вспыхнет и осветит лагерь, и услышал рядом голос Марго, от которого меня пробрал мороз:

— Что это, Кирилл?

Гора цвета асфальта нависала над хижинкой. Вспышка молнии осветила ослепительно белые бивни, могучие ноги и хобот, напоминающий крупного удава. Слон! Огромный, свирепый, черный, он хлопал ушами с рваными краями, качал массивной головой и поддевал бивнями каменную кладку. Путаясь в накрывшей их пленке, Крот и Алла истерично

Окончание. Начало в №8, 2024.

кричали и пытались выбраться из полуразрушенной хижины. Их пронзительный крик еще больше нервировал животное; слону казалось, что опасность исходит из-за каменной кладки, и он яростно сокрушал ее, то поддевая дугообразными бивнями, то разбирая хоботом. Я кинулся к Алле, чьи ноги в лосинах торчали из-под пленки. Слон, увидев меня, на мгновение замер, затем широко распахнул уши, вскинул хобот вверх, изогнув его вопросительным знаком, опустил голову вниз и издал оглушительный трубный звук, готовясь к нападению. Признаюсь, страх едва не сковал мою волю. Я схватил край пленки и отшвырнул ее в сторону. Хобот со свистом пронесся над моей головой, в одно мгновение поймал и скомкал пленку, словно выжал ее. Я понял, что следующим объектом атаки буду уже я, и крикнул:

— Алла! Лобский! Выбирайтесь же отсюда, черт вас возьми!

Желая помочь, я протянул руки в темноту и ухватился за волосы Аллы. Полагая, что это сделал слон, и ее голова сейчас будет оторвана, она завывала дурным голосом и принялась неистово царапать мои руки. Мне пришлось применить силу, чтобы вытащить ее из-под завала. Тут слон, согнув ногу в колене, пнул последнюю уцелевшую стену, и она упала прямо на бедного Крота. Я отправил обезумевшую Аллу в руки Марго и закричал:

— Бегите в лес! Спрячьтесь в кустах!

Мимо меня, вопя диким голосом, пробежал Крот. Я попытался встать на ноги, но в этот момент слон приблизился ко мне и уже поднимал свою чудовищную ногу, намереваясь раздавить меня, как вдруг рядом оказалась Марго. Я успел заметить, как в ее руке блеснуло мачете. Или она острым лезвием задела по ноге слона, или он сам напоролся на острие, как бы то ни было, раздался оглушительный вой, слон присел на задние ноги, подался назад и в ярости стеганул по нам хоботом. Марго упала на меня; и мы, схватившись друг за друга, покатались по гальке. Продолжая гудеть в свою «иерихонскую трубу», слон в бешенстве раскидывал камни и перепахивал гальку бивнями, как плугом. Наконец животное удовлетворилось погромом, медленно повернулось к нам задом и, издав победный вой, неторопливо побрело прочь.

Марго высвободилась из-под меня и проворно поползла вслед за слонком. Тот услышал шуршание гальки за собой, остановился и повернул свою массивную голову. Тотчас в разрывах туч показалась луна, и в ее свете блеснули жуткие бивни.

— Марго, вернись! — зашипел я, но ненормальная девчонка метр за метром продвигалась к живому прессу. Я выругался, пополз за ней и, настигнув Марго, схватил ее за лодыжку. А она, лежа на животе в нескольких ша-

гах от морщинистых ног слона, принялась разгребать камни. И тут до меня дошло, ради чего Марго испытывала судьбу. Девушка извлекла из каменного завала рюкзак Крота, притянула его ближе к себе, раскрыла «молнию» и принялась выгребать его содержимое. На гальку посыпались пакеты, коробочки, вакуумные упаковки с продуктами, теплый свитер, сумочка с бритвенными принадлежностями, пластиковая бутылка со спиртом... Слон провел кончиком хобота над галькой, словно сапер миноискателем, хлопнул пыльными ушами и начал поворачиваться к нам.

— Вот оно! — прошептала Марго, пытаясь вытряхнуть из рюкзака нечто объемное и тяжелое.

Я принялся помогать ей и вытащил какой-то странный предмет цилиндрической формы, похожий на большой цельнометаллический термос. Он был необыкновенно тяжелым для своего размера — килограммов пятнадцать, не меньше.

— Кто бы мне сказал, — прошептала Марго, — какого черта он тащит с собой эту дурунду? Я умру, если не узнаю, что там внутри...

Она попыталась выхватить цилиндр у меня из рук, но я затолкал его в рюкзак и принялся охапками закидывать туда же продукты. За мгновение до того, как слон с воем ринулся на нас, я схватил Марго за руку, и мы побежали к лесу. Влетели в кусты и пикировали на сырую землю.

— Эй, вы живы? — вдруг раздался голос Крота. — А слоник-то ушел!

Мы с Марго, не двигаясь, лежали в кустах. Зашуршала галька: это Крот побежал к тому месту, где полчаса назад стояла хижина. Я понял, что он беспокоится о своем рюкзаке. Но не о продуктах, которые в нем лежали, не о спирте. Его волновал только цилиндр.

Глава 19

Под непрекращающимся дождем Крот с хмурым видом бродил вокруг руин хижины, часто останавливаясь у своего рюкзака. Надо полагать, его мучил вопрос: беспорядок в рюкзаке — это результат безобразного поведения слона или же следствие чьего-то любопытства?

— А тебе не кажется, что это была бомба? — шепнула мне на ухо Марго.

— А зачем ему бомба? Что он собирается ею взорвать?

— Продюсера. В отместку за все мучения, которые пришлось пережить.

Крот подошел к нам. Лицо его по-прежнему было озабоченным и безрадостным.

— Не слишком ли долго мы здесь прохлаждаемся? — спросил он у меня. — Надо торопиться к финишу.

— Это опасно, — сказал я. — Лазать по мокрым камням — самоубийство. Подождем, пока солнце высушит их.

— Кирилл, — прошептал он, — я вас очень, очень прошу... Я бы сам пошел, но не умею лазать по скалам... Умоляю вас... Пожалуйста! Я ведь не только втянул в эту Игру вас и Ирэн, я и других убедил. А теперь чувствую себя виноватым перед этими людьми, понимаете? Я хочу помочь этим несчастным... Дайте возможность спасти их. Это даже не столько им, сколько мне надо...

Плечи Крота дрожали. Он продолжал плакать с закрытыми глазами. Не в силах больше видеть такое унижение, я встал и пошел к реке.

— Ты пойдешь? — спросила Марго, догнав меня.

— Да.

— Как быстро он тебя уломал!

— Да не могу я ему отказать! — крикнул я. — Он мне всю душу вымочает!

Я подошел к реке и стал извлекать из-под завалов свой рюкзак. Закинул его за плечо и быстро направился по пляжу к скальной стене. Вскоре меня догнал Крот. Тяжело переваливаясь с ноги на ногу, он пошел рядом и, задыхаясь от нагрузки, торопливо заговорил:

— Я вам очень благодарен... Вот увидите, вы потом признаетесь, что я был прав... Спасибо вам, спасибо...

В это время к нам присоединилась Алла, а Марго плелась сзади на некотором удалении.

Река ушла в сторону, а мы стали подниматься по сыпучему каменистому склону к подножию стены. Ее поверхность, изборожденная вертикальными складками, казалась неприступной.

— Это самое трудное препятствие на маршруте, — сказал Крот, глядя на стену глазами забитой собаки, стоящей перед свирепым хозяином.

— Откуда вы знаете, что самое трудное? — спросил я. — На карте, которую вы сожгли, так и было написано: самое трудное препятствие?

— Нет. На карте это место было обозначено как Скала Слез. И отсюда же начинается альтернативный маршрут, в обход, который займет три дополнительных дня. Но только здесь есть право выбора, потому что место очень опасное.

Подойдя к стене, я скинул рюкзак, задрав голову, посмотрел на вершину, к которой прицепилось рыхлое облако, и спросил:

— А пойти в обход не желаете?

— Кирилл, дорогой! Три дня лишних! В обход я бы и без вас пошел.

Я вздохнул и стал натягивать на себя обвязку, прилаживать к ней веревку и навешивать «железо». Потом кинул бухту у ног Крота, помог ему пропустить веревку за спиной и под мышкой и объяснил ему, как ее стравливать по мере моего продвижения вверх.

— Когда я поднимусь, то скину обвязку и начну по очереди вытаскивать вас. Кто пойдет вторым?

Марго и Крот ответили одновременно: «Я!»

— Лобский, вы пойдете после Марго, — твердо сказал я и, чтобы исключить какие-либо возражения, подпрыгнул и ухватился за выступ. Подтянулся, нашел опору для ноги; еще шаг, еще... На своих притихших спутников я посмотрел уже с высоты пятого этажа. Крот, на удивление быстро смирившийся, старательно стравливал веревку и с волнением следил за мной. Марго помогала, взявшись за веревку позади него. Ей в затылок дышала Алла с бухтой в руках. Это было смешное и трогательное зрелище. Я забил первый крюк и навесил на него карабин с оттяжкой.

Глава 20

Путь наверх оказался намного более простым, чем мне казалось сначала. Я использовал всего четыре крюка, загнав их в стену в тех местах, где шансы оказаться в свободном полете были особенно велики. Выбравшись наверх, снял обвязку, скинул ее вниз и обмотал веревкой мощный ствол хлопкового дерева.

Марго я вытягивал, словно ведро из колодца, наполненное ртутью.

— Мне так понравилось! — с восторгом сказала она, оказавшись рядом со мной. — Будто снова воспарила на воздушном шаре!

А Крот меня приятно удивил. Насколько хватало ему сил, он взбирался самостоятельно, лишь несколько раз повис на веревке, не удержавшись на скользких выступах. На вершинный карниз он выбрался на четвереньках, тотчас повалился навзничь и пробормотал:

— Никогда не думал, что это такой титанический труд, у меня все поджилки трясутся.

Я скинул конец веревки с обвязкой Алле, которая уже заскучала внизу, и попросил Крота помочь мне. Он повиновался и взялся за веревку.

Алла поднималась очень медленно, и мы с такой же скоростью вытаскивали веревку. Она добралась уже до середины подъема и повисла на веревке, как памятник на стреле башенного крана. Мы с Кротом напряглись и стали вытягивать веревку по моей команде: и раз! и два!..

И вдруг произошло что-то жуткое. Когда я скомандовал «три!» и мы с Кротом одновременно приналегли на веревку, она вдруг резко пошла на нас, и мы, не удержавшись на ногах, повалились на землю. Оттолкнув от себя Крота, я вскочил на ноги, подбежал к обрыву и с замиранием сердца посмотрел вниз. Алла неподвижно лежала у подножия стены, широко раскинув руки, словно пыталась удержаться на сыпучем склоне.

Я схватил ставшую невесомой веревку и, сматывая ее у своих ног, выбрал до конца. Кончик веревки был оборван. Точнее, оборван был только нейлоновый сердечник, распушившийся, как многожильный провод, а прочная многослойная оболочка была аккуратно надрезана.

— Я... я только выполнял ваши команды, — дрожащим голосом проборкотал Крот, когда я поднял на него безумный взгляд. — Вы говорили «и раз!», я так же и поступал, говорили «и два!», и я делал два...

— Оборвалась? — спокойно спросила Марго. — Что ж такую слабую веревку выдали? Надо будет подать в суд на продюсера.

— Встаньте к дереву! — приказал я, едва сдерживая ярость. — Оба!

Пятясь от меня с неподдельным испугом, Крот и Марго приблизились к стволу хлопкового дерева.

— Вытряхивайте ваш рюкзак и выворачивайте карманы! — приказал я Кроту.

— Это еще почему? — бледнея, пролепетал он. — Вы что задумали?

— У вас нож есть?

— Нож? Да, конечно!

— Где он?

— Вот, в кармане.

— Покажите!

Крот поспешно сунул руку в карман и достал нож. Я схватил его, открыл лезвие, попробовал пальцем.

— Теперь ты! — крикнул я Марго.

— Увы, ножа у меня нет, — ответила она.

Я переводил взгляд с Марго на Крота и задыхался от бессилия и ненависти.

— Стоять здесь!! Ничего не трогать!! Не шевелиться!!

Крот вытянулся по стойке «смирно» и послушно закивал:

— Да, да, конечно!

Марго сплунула под ноги и присела на корточки. Я схватил веревку, обернул ее вокруг груди и, нещадно протирая куртку на спине, стал спускаться по стене. Нет, надежды не было никакой. Падение с такой высоты не оставляло кардиологу никаких шансов. Когда до земли остава-

лось совсем немного, я прыгнул. Надо было сделать еще три широких шага, чтобы поравняться с кардиологом. Женщина лежала ничком. Я присел рядом и, затаив дыхание, коснулся ее плеча, потом перевернул Аллу на спину и сдавленно вскрикнул. Труп был изуродован донельзя. Лоб несчастной напоминал расколотый кокосовый орех, в белокрасных сгустках заилипли пучки волос, левого глаза не было, а правый, полный кровавой слезы, смотрел на меня. И это — Игра?! Я присел и принялся обыскивать карманы. Надо узнать о ней как можно больше. Какая досада! Ведь она собиралась сказать мне что-то важное! Не успела! Теперь придется долго и дотошно докапываться до истины, которую можно было получить просто так, без всяких усилий. И в первую очередь надо выяснить мотив. Кто бы ни подрезал веревку, я хотел понять — была ли Алла приговорена к смерти, или оказалась жертвой дьявольского невезения? Я вынул из ее кармана расческу, из второго кармана — смятые, сплюснутые салфетки, паспорт с невзрачной фотографией, зажигалка и пачка сигарет. «Ява», московская табачная фабрика. Что за чушь? Алла курила «Яву»? Неужели это не простое совпадение? Неужели это она пряталась в кустах, подслушивая нас с Марго, когда мы читали текст обгоревшей записки? Но это меняет все мои представления о том, что произошло на обрыве! Выходит, Морфичев вообще не следит за нами, не идет по нашим следам. А вот несчастная Алла вызывает теперь слишком много вопросов. Она не блуждала по лесу в поисках раненых товарищей. Она незаметно шла за нами, а когда мы расположились у реки, вышла к нам и разыграла небольшой спектакль... Значит, она подслушала нас с Марго. О чем мы говорили? О моей переписке с Морфичевым. О том, что в самолете взорвалась бомба с часовым механизмом. Марго клялась хранить эту тайну...

Я посмотрел по сторонам, отыскивая место, где бы закопать этот компромат. Поднял голову. На обрыве, как две любопытные кукушки, торчали Марго и Крот. Они следили за мной. Один из них — убийца. Видели ли они, как я обыскивал одежду убитой? Шляпа я! Надо было сначала подумать, прежде чем так откровенно шарить по карманам покойницы. Я не знал, что делать дальше. Падение кардиолога спутало все карты. Человек, подрезавший веревку, был рядом — Крот или Марго. Но как теперь осмыслить всю полосу трагедий, начиная с крушения самолета? В ущелье орудует один убийца, который добивает раненых и сбрасывает их в реку. Здесь, на стене, оставляет кровавую метку другой. Что ж это за шоу такое, где каждый второй участник из числа выживших — убийца?

Я оттащил тело Аллы в сухую промоину, заложил камнями и стал подниматься наверх, едва не сорвавшись на «проплешине». Когда выбрался, силы оставили меня, и я, сев на траву, произнес:

— Вот что, спутники мои. Алла Георгиевна погибла по вине кого-то из вас. Веревка была подрезана. Можете посмотреть и убедиться.

Крот взял конец веревки и поднес его к глазам с таким видом, будто это был оголенный провод под убийственным напряжением.

— М-да... Очень похоже, что здесь поработали острым предметом.

— Например, складным ножичком, — не преминула вставить Марго.

— Да, — спокойно ответил он, — может быть, складным ножичком. — И перевел взгляд на меня: — Я полагаю, что Кирилл, справедливости ради, не объявит себя вне подозрений априори? Только, ради бога, не подумайте, что я вас в чем-то подозреваю. Просто хочу, чтобы презумпция невиновности в равной степени относилась к каждому.

— Хорошо, — согласился я. — Кто-то из нас подрезал веревку.

— Я этого не делала! — сразу заявила Марго. — Эта тетка мне ничуть не мешала.

— Но вам, если не ошибаюсь, мешал я! — напомнил Крот.

— Даже очень! Но если бы я решила избавиться от вас таким способом, то упали бы вы, а не она!

— Как видите, я не упал. И знаете почему? Потому что на веревку почти не опирался, а полагался на свои руки и ноги. Интуиция, что ли, подсказала так делать? А вот у Аллы Георгиевны это чувство, увы, не сработало.

Я заметил, как Марго покрылась пунцовыми пятнами. Она чувствовала, что проигрывает Кроту, и повернулась ко мне:

— Кирилл! И ты тоже думаешь, что это я?

— Нет, Марго, я так не думаю, — ответил я. — Мне меньше всего хочется, чтобы это была ты. И к Лобскому у меня нет претензий. Но, к сожалению, от этого ничего не меняется. Алла убита кем-то из нас. Мы все в равных условиях.

— Лично я не думаю, что убийца находится среди нас, — покачал головой Крот. — Каким надо быть отчаянным, глупым и безрассудным, чтобы пойти на преступление в такой узкой компании! А мы — люди не глупые, так ведь?

— Спасибо за моральную поддержку, Лобский, — глухим голосом произнес я. — Только в сказки я давно не верю.

— А почему сказки? Где гарантия, что на веревке не было заводского брака?

— Сильно сомневаюсь. Такой глубокий надрез я бы обязательно заметил еще в тот раз, когда спускался к самолету. Жумар попросту застрял бы на нем.

— Хорошо, брак отпадает! — легко согласился Крот. — Тогда можете ли вы дать нам гарантию, что ни разу не оставляли свой рюкзак без присмотра?

— Оставляя, оставляя, — за меня ответила Марго, которую стала утомлять излишняя обстоятельность Крота. — Дальше что? Продолжайте!

— А дальше... а дальше скажите мне, кто такой Акулов?

— Наглый и жестокий тип, — ответила Марго. — Мастер спорта по боксу. Уж если кому и суждено выиграть приз, то ему. Этот ни перед чем не остановится. По головам соперников пойдет.

Мне показалось, что Крот ожидал иной характеристики. Личность Акулова его явно заинтересовала. Некоторое время он молчал, о чем-то напряженно думая, потом снова заговорил:

— Так вот, Акулов. По словам Аллы, он оставил ее и раненых на обрыве, а сам побежал за помощью. Может быть, он побежал вовсе не за помощью, а за призом? А по пути не упустил возможности напако-стить нам и подрезал веревку, пока вы с Марго, так сказать, отдыхали у реки.

«И еще он пристрелил раненых», — мысленно добавил я. Черт подери! А ведь в этой версии было рациональное зерно! Почему, в самом деле, у Акулова не могло быть с собой пистолета? Эка невидаль, пистолет! Стальная игрушка, которую при желании можно купить за относительно небольшие деньги.

Я убеждал себя, что это именно так, что именно Акулов — центр злодейства. Версия была удобной во всех отношениях: она выводила из подозрения Морфичева, снимала бремя моральной ответственности с Ирэн и, наконец, выводила из тени Марго. Именно Акулов подрезал веревку вчера вечером. Может быть, Алла застучала его за этим занятием, да не успела меня предупредить. А я не заметил бы надрез, будь у меня хоть дюжина глаз, так как поднимался по стене свободным лазаньем, а веревка хвостом волочилась за мной. Марго она выдержала потому, что она мелкая и легкая. Крот — да, он потяжелел, плюс его неподъемный рюкзак. Но Крот говорил правду. Он на самом деле почти весь маршрут прошел без помощи веревки, лишь пару раз, на «проплетшинах», я его подтягивал. Сердечник был на пределе, но выдержал эту нагрузку. А вот вес Аллы почему-то оказался для него критическим...

Тем временем Крот подобрал с земли палку и сказал, чем немало удивил меня:

— А вот теперь, пожалуй, мы можем расстаться. Дальше я дойду сам, а вы — как хотите.

— Вы что?! — возмутился я. — Вам мало троих убитых? Вы хотите, чтобы Акулов прикончил нас поодиночке? Чтобы прошел к финишу по вашим черепам, как по мощеной мостовой? Мы должны держаться вместе, иначе подохнем в этих взопревших джунглях!

— Пожалуй, вы правы! Я не возражаю, — пожал плечами Крот.

— Тогда ведите нас, Лобский! Вам нужно время, чтобы сориентироваться? Хотите, мы отвернемся?

— А какой в этом теперь смысл? — усмехнулся Крот. — Теперь наши цели совпадают. Вы, как и я, торопитесь к финишу. А до него рукой подать... Возьмите и сориентируйтесь сами.

Он сунул руку за пазуху, вынул оттуда протертый на углах бумажный пакет, обернутый в полиэтилен, и протянул его мне. Это была карта, разрисованная подобно детскому атласу: с домиками, означающими деревни; с синей лентой реки, полной рыбы; с черным, как клякса, болотом Вампиров; с красной, как пламя, Скалой Слез...

— Да-да, — подтвердил Крот, встретив мой недоуменный взгляд. — Это та самая карта. Я вас обманул. Я ее не сжег.

Маршрут был обозначен красной линией. После Скалы Слез линия разрезала шрамом небольшой лес, после чего утыкалась в символ, очень похожий на забор из колючей проволоки. За ним — Поле Горячих Пчел. Там же нарисован то ли домик, то ли сарай с острой треугольной крышей, подписанный как «Чистилище»... И это все? Конец пути? Километров пятнадцать от силы, часов пять ходьбы...

Глава 21

Мы уже несколько часов шли молча. Я впереди, за мной Марго. Крот болтался сзади, у него не было сил даже на то, чтобы смахнуть с лица назойливое комарье. Ненавистные ветки хлестали меня по щекам, ненавистный дождь плевал в лицо. Я хватался руками за воздух, пробивал головой завесу дождя, а когда выбрался на относительно сухую кочку, тут же повалился навзничь.

Хватаясь руками за траву, ко мне, всхлипывая, подползла Марго. Она выглядела ужасно. Я не мог различить, где ее лицо, где волосы, плечи и шея. Крот с громким чавканьем выдергивал из болота ноги, махал руками и стонал:

— Не могу выбраться... Дайте же мне руку...

Я с трудом ухватился за черную, скользкую субстанцию, которая была рукой Крота, и потянул. Он выл дурным голосом, вырывая из тягучего клейкого плена свое тело вместе с рюкзаком.

— Как вы нас достали своим рюкзаком! — с ненавистью процедила Марг. — Если все это скоро не закончится, я ударю вас по голове вашей железной чушкой.

— Пронюхала, — пробормотал Крот. — Я знал, что вы копались в моих вещах... О-о! Ну, тяните же сильнее!.. Придет время, вы все узнаете... А пока я не могу... Боже, как я устал!..

Я схватил Крота за воротник и дернул на себя.

Он встал одним коленом на кочку, проворно — откуда только взялись силы? — выбрался на сухое место и повалился на спину.

— Надо идти, Лобский, — произнес я, поднимаясь на ноги. — Только в движении наше спасение. Идите через силу... Кусайте губы, кричите, стоните, ползите, в конце концов...

Какое-то время Крот тихо всхлипывал, делая, должно быть, самый сложный и трудный выбор в своей жизни, потом схватил свою палку, оперся на нее и со стоном умирающего бегемота поднялся на ноги. Грязный, злой, слабый, гадкий.

Наверное, судьба под конец решила добить нас окончательно. Разразилась настоящая буря. Гроза лупила меня по голове, наказывая за все мои грехи и ошибки, она обрушила на меня весь свой гнев и все свое презрение. Мне казалось, я сбился с пути, остался один в этом аду, только крики Марго и Крота за моей спиной убеждали, что мои обессиленные спутники все еще идут за мной. Уклон становился все более крутым, и болото постепенно превращалось в бурный грязевой поток. Я несколько раз падал, и меня тотчас накрывало грязной водой с головой, тащило волоком вниз, лицом по камням и корням деревьев.

— Придурак отстал! Надо подождать! — вцепилась в мою руку Марго. — Ты как?

Мне было плохо. Везде плохо — и в теле, и в душе.

А вода прибывала с каждой секундой. Казалось, что мангровое болото, как гигантский ковш, медленно опрокидывается, и вся масса кисельной жидкости устремляется на нас...

Марго медленно двигалась по течению, густое болотное варево волкло ее, словно поплавок. Она ухватилась за мою шею, но я не удержался, и мы оба плюхнулись в аспидную реку. Поток тотчас поволок нас вниз, но я с нечеловеческим усилием смог вытолкнуть из воды и себя, и Марго.

Гром не прекращался. Это была бесконечная канонада, от которой содрогалась земля. Поток, набирая силу, играл с нами, и я задыхался, урывками хватал губами воздух, захлебывался водой, отплевывался, а потом мы понеслись вниз с головокружительной скоростью...

Я отчетливо запомнил лишь пронзительный крик Марго и сильный удар спиной о воду... Так продолжалось до тех пор, пока я не коснулся темечком песчаного дна. Вынырнуть удалось в последний момент, когда я уже готов был разжать зубы.

Я барахтался посреди реки, угомонившейся, тихой, с ровной поверхностью. Страх уже не было, лишь полное оцепенение и безразличие... Рядом барахталась Марго. До меня доносились обрывки ее фраз: кто-то должен был подохнуть от зависти, узнав, как она купалась в водопаде.

Я выбрался на берег и упал на траву. Марго, пошатываясь, склонилась надо мной, опустила на корточки, провела пальцами по моим губам, снимая с них то ли длинные водоросли, то ли полудохлых червей.

— Знаешь, где мы? Рядом с забором из колючей проволоки...

Глава 22

Я искал Лобского с самоотверженностью и упрямством.

— Хватит! — не выдержала Марго, налетая на меня и толкая меня в грудь. — Ты уже час орешь, как ненормальный! Ты сорвал себе голос! Посмотри, на кого ты похож!

Она заставила меня сдаться. Если Крот погиб, то река наверняка отнесла его тело очень далеко от нас. Если же выжил, то почему-то не слышал, не видел нас и не отзывался.

Близость финиша придала нам сил. Марго дрожала от озноба и волнения, когда мы подошли к ограждению вплотную.

— Вот оно, Поле Горячих Пчел, — произнесла она, оттягивая проволоку книзу, чтобы она не мешала смотреть. — А дальше — Чистилище. Что там?.. Не разгляжу... Пошли, что мы застряли!

— Подожди, Марго! — схватил я ее за руку.

Ослепительно, на долю секунды, словно дразня, вспыхнула молния, и в моих глазах запечатлелась широкая долина, покрытая лужами и чахлыми кустиками. Мне показалось, что неподалеку, вдоль линии ограждения, торчат вышки. Скрещенные конструкции, открытые лестницы, увенчанные громоздкими будками с пирамидальными крышами. Все это здорово смахивало на приграничную зону. Марго, не обращая внимания на мою нерешительность, согнулась, переступила через проволоку

и оказалась на другой стороне. Она тут же схватилась за свой мобильник, нажала на кнопку и вдруг восторженно вскрикнула:

— Ой! Связь есть! Господи, наконец-то! Наконец-то ожил! Мой хороший, мой милый!.. Сейчас у нас будет все, что мы захотим... Как я ждала этого момента!

Марго торопливо тыкала пальцем по клавишам, промахивалась и начинала набирать заново. Наконец связь установилась. Она прижала трубку к уху и закричала, прыгая от восторга:

— Папуля! Ты меня слышишь? Это я... Кто, кто... Конь в пальто! Дочь не узнаешь?.. Что значит, откуда? Ты разве забыл, куда я уехала?.. Да не верь ты никому, это все Игра! Не знаю, папуля. Сейчас спрощу! — Марго опустила трубку и повернулась ко мне: — Слушай, а мы в какой стране?

— Где-то между Индонезией и Ираном, — ответил я, глядя на поле, которое нам предстояло перейти.

— Между Индонезией и Ираном, — повторила Марго. — Нет, папуля, я не сошла с ума и не страдаю топографическим кретинизмом. Ты думаешь, здесь на каждом дереве висит табличка с названием страны?..

Мне показалось, что на ближайшей к нам вышке на секунду сверкнул красный огонек и тотчас погас. Марго тоже заметила его и, продолжая говорить, толкнула меня в плечо, привлекая мое внимание к этому факту.

Отключив трубку, она с радостным волнением крикнула:

— Ты видел красный огонек? Отгадай с трех раз, что это?

— Тлеющая сигарета, — предположил я.

— Нет, — ответила Марго, — это лампочка на видеокамере, которая означает, что идет съемка. Нас готовятся снимать, как мы приближаемся к финишу! А вдруг мы самые первые? Вот это будет прикол, да? Кстати, папик звонил продюсеру, но его мобильный все время недоступен, а офис заперт. Папик стучал и в дверь, и в окна — по нулям. Говорит, странный офис, там даже мебели нет, одни пустые стены. Только новенькая табличка на входе... А еще он обещал выяснить, из какой страны я звонила.

— Да какая разница, из какой! Тебе от этого легче станет, что ли? Хватай выигрыш и дуй домой! Вот и вся забота.

— Ты куда так разогнался? Я за тобой не успеваю...

— Ползешь, как черепаха, потому что ноги еле передвигаешь!

— А чего ты злой такой? Мы должны выглядеть счастливыми, со слезами радости на глазах. Нас на всю страну показывать будут...

Марго не договорила. В сыром воздухе, словно передразнивая гром, прогремела автоматная очередь. У меня со времен войны сохранился стойкий рефлекс на этот звук, и я повалился в траву, увлекая за собой Марго.

— Да что ж ты меня лицом в землю тычешь? — беззлобно возмутилась она. — Стреляют-то холостыми! А ты так серьезно в роль вошел!

— Извини, — сказал я. — Привычка. Но если не нравится, можешь идти без меня.

— Пожалуй, я так и сделаю.

— Давай-давай! — подзадорил я ее. — Скатертью дорога!

Она вскочила и, не оглядываясь, пошла к вышке. Оттуда снова раздалась очередь.

— Все! Хватит! — крикнула Марго и помахала рукой. — Убедили! Я очень испугалась!

С соседней вышки донесся сухой негромкий щелчок, и вдруг Марго встрепенулась, будто налетела на какое-то невидимое препятствие, схватилась за плечо, стала медленно приседать, а потом некрасиво и неуклюже повалилась на бочок.

Я похолодел. Что с ней? Она разыгрывает меня? Или... О нет! Только не это! Я вскочил на ноги, прыгнул вперед, покатился по траве, и тотчас рядом со мной мокрыми комьями взметнулась земля. Какие же это, к чертям собачим, холостые! Самые, что ни на есть, боевые патроны! Что происходит? Куда мы попали?

— Марго!

— Ой-ой-ой! — тихо заскулила она.

Я подполз к ней, раздвигая перед собой траву. Очередная автоматная очередь срезала верхушки стеблей. Марго стояла на коленях, низко склонив голову к земле, будто молилась, и держалась за плечо. Я повалил ее на себя, прижал голову Марго к земле и крикнул:

— Не шевелись! Замри!

Потом тронул ладонь Марго, которую она крепко прижимала к плечу. Пальцы были влажные и липкие.

— Тебя ранило?!

— Да я откуда знаю! — с досадой выкрикнула она. — Больно очень, и кровь идет... Они что, ополоумели? За кого они нас приняли?

Я приподнял рукав ее майки. Было слишком темно, чтобы хорошо рассмотреть рану, и все-таки удалось разглядеть черную кровоточащую полоску, идущую наискосок от локтя в сторону ключицы. Не поднимая головы, я освободился от лямок рюкзака, раскрыл его и вытащил аптечку. Упаковку бинта разорвал зубами.

— Ты думаешь, это меня пулей?

— Я ничего не думаю. Я просто медленно шизею — уже который день... Да не крути ты головой!

— Может, мы не туда пришли?

— Туда мы пришли! — произнес я резко, будто ответил на оскорбление. — Именно туда, куда указывала стрелка на карте. И у меня есть подозрение, что нас ждали...

Стрельба неожиданно утихла. Я не знал, что думать обо всем этом. Неужели продюсер придумал под финал такое испытание? Кретины! Пулять по людям боевыми патронами без предупреждения! Ну, уроды, дайте только добраться до вас! Я вам такую игру придумую!

Я чуть приподнял голову и посмотрел по сторонам. Свет луны стал пробиваться сквозь тучи, и теперь я все более отчетливо различал детали местности. За вышками просматривались темные грани каких-то строений; я видел контуры трубы на растяжках, угловатую крышу какого-то длинного и вытянутого, как конюшня, здания...

— Поле Горячих Пчел, — всхлипывала Марго, осторожно двигая локтем, чтобы определить границы боли. — Шутники хреновы!

— Ты по-пластунски ползать умеешь?

— А чем я, по-твоему, последние часы занималась? Фуэте раскручивала?..

Совсем недалеко от нас темнела груда бетонных плит, беспорядочно наваленных друг на друга. Между ними выросли кусты и тонкие деревца. Лучшего места, чтобы затаиться, не найдешь. Переждем до утра, а там видно будет. Либо вернемся назад, за пределы ограды, и попытаемся обойти ее, либо выкинем белый флаг и попытаемся прояснить недоразумение.

— Эй, невеста! Ползи вперед, а я за тобой!

Марго не могла опираться на раненую руку и поползла на боку, смешно, некрасиво, неуклюже, чем-то напоминая большую гусеницу.

В разрывах туч снова показалась луна. Теперь, когда призрачный лунный свет осветил окрестности поля, мы сравнялись по возможности с теми, кто следил за нами через приборы ночного видения. С вышек нас уже не могли увидеть — нас надежно закрывал ряд кустов с широкими жесткими листьями. Я поднялся, взял Марго на руки и побежал, пока не нашел замечательное убежище под плитой — чистое и сухое, надежно защищенное от дождя и посторонних глаз. Стащил с себя куртку, свернул ее, положил под голову Марго, и тут неожиданно мелодично запиликал мобильник Марго.

Глава 23

— Кого? Вакулу?.. Ошиблись!

До меня с опозданием дошло, что Марго неправильно расслышала мою фамилию. Я грохнулся перед ней на колени и хотел выхватить из ее руки телефон, но она уже его отключила.

— Что ты сделала! Это же меня!

— Тебя?.. А разве ты... Но с чего это вдруг тебе звонят на мой мобильник?

— Как трудно догадаться! Потому что у меня нет с собой своего мобильного!

Я выхватил у нее трубку, и тут снова раздался звонок. Я внутренне собрался, откашлялся и постарался придать голосу спокойный тон:

— Слушает Вацура!

— Это я, Кирилл... Я, Ирэн...

— Ирина?! — крикнул я и невольно вскочил на ноги, крепко ударившись темечком о бетонную плиту. — Ты где? Откуда звонишь?

— А ты где?

— Я? Я тут... эээ... под плитами. В общем, за колючей проволокой...

Она не дослушала. Подробности ее не интересовали. Ей было достаточно знать, что я жив. Торопливо, боясь, что слезы хлынут и не дадут внятно сказать то, что сказать было необходимо, Ирэн заговорила:

— Кирилл, я попала в очень плохую ситуацию. Меня держат взаперти, в каком-то подвале... Я ничего не понимаю! Я не знаю, кто эти люди, чего они от меня хотят, и что мне делать. Я уже схожу с ума! У меня начинается истерика...

— погоди, Ирэн! В каком ты подвале? В каком городе? В какой стране?

— Я не знаю! — со стоном протянула она.

— А где Морфичев?

— Его избили и куда-то уволокли! Я требовала, чтобы обо мне сообщили представителю российского посольства, но никто...

— Молчи! Вы с Морфичевым шли по маршруту?

— Да!

— Ограждение из колючей проволоки, поле, вышки...

— Да, да! — воскликнула она. — Мы все это прошли! Потом нас обступили какие-то вооруженные люди. Морфичева стали бить ногами, а мне связали руки и кинули в подвал! Кирилл, родненький, что делать? Мне очень страшно. Я уже ничего не понимаю. У меня в голове сплошной кавардак...

— Так. Тихо. Спокойно, — бормотал я, потому как сам еще не знал, что нужно делать. — Дай мне какой-нибудь ориентир. Подвал... А до подвала каким путем тебя вели? Что ты запомнила?

— Там были одни сараи. Машину видела, ну, типа военного джипа... Труба была...

— Какая труба? Железная, высотой с дерево, на растяжках?

— Да, да, да! Вот в этом здании, откуда торчит эта труба, я и сижу!

— Что там? Дверь? Решетка?

— Маленькая решетка выходит на улицу. А дверь железная. Снаружи засов.

— В общем, так, слушай меня. Ничего без меня не делай. Сиди тихо, как мышь. Я сейчас к тебе приду.

— Кирилл, пожалуйста, будь осторожен!

Я отключил мобильник и вытер ладонью взмокший лоб. Вот это, блин, Игра! Потом посмотрел на Марго и сказал:

— Пока побудь здесь. Я тебе оставляю рюкзак, там медикаменты...

— Ты собрался куда-то идти? — перебила она. — Так иди! А за меня не беспокойся, сама о себе побеспокоюсь. Прощай! Удачи тебе и успехов в личной жизни!

Я ничего не ответил, молча повернулся и пошел по лабиринту между плит. Мне в спину полетел камешек и стукнул в лопатку.

Глава 24

Ползком километр — пустяк. Тем более что луна снова спряталась за тучами, и гроза, передохнув, принялась буянить над землей с удвоенной силой. Без рюкзака и Марго я чувствовал себя сторожевым псом, которого вдруг спустили с цепи, и буквально дрожал от нетерпения. Ни страха, ни сомнений! Добравшись до угла здания с трубой, я поднялся на ноги. Вымазанный в черной глине, я был чернее ночи, и вряд ли кто мог меня заметить. Я же различал смутные силуэты низких построек с плоскими крышами, гаражи с распахнутыми настежь воротами, врытые в землю полосатые столбы, блестящие дорожки из старого, потрескавшегося асфальта и несколько древних ржавых грузовиков, стоящих на голых ободах. Очень похоже на военный гарнизон. Вот только людей не видно.

А вот и решетка! За ней — мрак.

Я опустился на корточки и тихо позвал:

— Ирэн!

Тишина... И вдруг мое сердце замерло в груди. Из-за угла дома, где я только что стоял, показалась фигура человека. Я не видел ничего —

только черный силуэт. Похоже, на нем широкий и длинный плащ с капюшоном. Человек стоял неподвижно. Знать бы, куда он смотрит. Я затаился. А человек тем временем двинулся дальше — беззвучно, словно плыл над землей. Когда он скрылся за полуразрушенной кирпичной стеной, я схватился руками за решетку и снова позвал:

— Ирэн! Ты здесь?

И вдруг из темноты подвала на меня надвинулось страшное, бледное, щетинистое лицо мужчины с уродливым кривым носом. Крик едва не вырвался из моей груди...

— О! Как хорошо, что ты здесь... Слушай, братан, помоги...

Фу! Нельзя же так! Это же боксер! Акулов!.. Я еще раз огляделся и прошептал:

— Говори тише! Ты один?

— Один, один... За тобой, около кучи угля, лебедка с тросом. Я ее давно приметил. Давай прицепим трос к решетке...

Акулов... Нет, я не его собирался здесь увидеть. А впрочем, чему я удивляюсь? Все игроки, кто выжил, должны были прийти сюда. «Чистилище».

— Ты Ирэн видел?

— Кого?.. А, Ирину! Я покажу, покажу... Давай трос, только быстро, пока охранка не нагрянула!

Я метнулся к лебедке. Чтобы конец троса достал до решетки, пришлось сделать несколько оборотов рычагом.

— Давай, давай! Крути! — сдавленным голосом шептал из-за решетки Акулов. — Нет тут никого! Главное, все сделать быстро...

Распушившийся стальными жилками конец я просунул в решетку. Акулов схватился за него и стал наматывать его на прут.

— А за что тебя сюда упекли? — спросил я и сам ужаснулся тому, насколько глупо прозвучал этот вопрос.

— Как за что, братишка? — недоуменно произнес Акулов, затягивая узел. — Мы ведь играем, да? Или как?

Он или прикидывался, или на самом деле считал, что все происходящее — это продолжение Игры. Я вернулся к лебедке и взялся за рычаг.

— Ну? Что же ты? Давай крути! Сильнее!

Я сделал один оборот. Лебедка затрещала, как пулеметная очередь, трос натянулся как струна, и решетка с коротким щелчком вырвалась из ниши и просвистела над моей головой — я едва успел пригнуться. Акулов быстро выбрался наружу. Лицо его сияло счастьем. Он крутил головой, нервно сжимал кулаки и бормотал:

— Молодчина, братан! В долгу не останусь... Где-то здесь был джип. Не видел, нет? Хорошо, если заправлен под завязку...

— Где Ирэн? — повторил я и схватил Акулова за плечо.

— Ирка? Да чего ты дергаешься! Раз сказал, что покажу, значит, покажу. Пошли!

Пружинисто ступая, он пошел вдоль стены. Дойдя до угла, остановился, осторожно заглянул за него и поманил меня пальцем.

— Видишь открытую дверь? Ее туда завели. Но там еще несколько дверей. Где конкретно Ирина, не знаю. Имей в виду, там может быть охрана.

Я тоже заглянул за угол. Металлическая дверь, распахнутая настежь, блестела так, словно ее только что покрасили.

— Поможешь? — спросил я, хотя это, вроде бы, было само собой разумеющимся.

— Без базара, братан, — ответил Акулов и провел кулаком по носу. — Разомнем косточки!

Я быстрым шагом направился к двери. Присутствие за моей спиной Акулова придавало мне сил и уверенности — боксер, как-никак! Сошел по каменным ступеням в непроглядный мрак и сразу почувствовал присутствие человека. Кажется, в темноте зашелестел плащ, и вслед за этим под толчком вспыхнула яркая лампочка. Она ослепила меня, но я все же разглядел летящий мне в лицо кулак и увернулся, но тотчас получил чувствительный удар в голову с другой стороны. Два человека в мокрых серых плащах налетели на меня с двух сторон. Я встал в стойку и попытался повернуться спиной к стене, но пропустил еще один скользкий удар по подбородку... Ничего, это пустяк. Против нас с Акуловым всего два человека. И на вид не слишком-то страшные. Лица узкие, землистые, губы мясистые и снежные белки глаз... Акулов крепким ударом в плечо отправил к стене одного охранника, я припечатал кулак к челюсти другого. Наши противники путались в полах своих плащей, во все стороны летели брызги. Мне удалось уйти еще от одного удара и запустить кулак апперкотом. Куда-то попал, и это уже хорошо. А вот следующий удар в челюсть противнику получился столь сильным, что охранник, откинув голову, спиной повалился на своего товарища. Я подскочил ко второму охраннику, приободренный успехом, но тот вдруг выхватил из-под плаща обрезок арматуры и с сильного замаха обрушил его мне на голову. Я едва успел подставить руку, иначе он бы раскроил мне череп. Тут очухался первый охранник, которого я сбил с ног, и начал атаковать меня со спины... Черт, где же Акулов?! Удары сыпались на меня градом. Теперь мне приходилось больше защищаться, и мой кулак в основном попадал в пустоту. Силы быстро покидали меня. Я упал на колени, потом повалился на пол. Акулов пропал. Он бросил

меня... Охранники били меня ногами. Тот, которого я уложил, старался особенно и норовил попасть мне в лицо. Озверев от боли, я схватил его ногу и вцепился в нее зубами. Охранник заорал и стал метаться по тесной конуре. Я висел на его ноге до тех пор, пока не ударился темечком о каменную ступеньку.

Как мне было обидно! Я не только не выручил Ирэн, но и сам серьезно вляпался. И все из-за того, что понадеялся на Акулова...

Мои мучители перестали меня бить. Рывком подняли меня под мышки, подвели к запертой на засов железной двери, открыли ее и втолкнули меня внутрь.

Я мешком повалился на сырой земляной пол. Разбитыми губами прижался к прохладной земле. Боль отступала. Я приоткрыл глаза и увидел тусклую лампочку на потолке, закованную, словно рыцарь, в металлическую кольчугу...

Глава 25

— Вы что, с ума сошли?! — донесся до меня приглушенный голос Ирэн. Я сначала подумал, что она находится за дверью, где меня били. — Вы что себе позволяете, идиоты?!

Почему они идиоты, подумал я, могли и убить. А всего-то минут пять меня месили... А вот и она, голубушка. Вот ее лицо! Так близко, что даже не верится! Такое родное, такое знакомое! Только губы немного бледны, и глаза такие, словно много плакала и мало спала. Она осторожно повернула мою голову. Да что ж ты так стараешься, даже дышать боишься! Моя голова — это не бомба, снятая с предохранителя. С ней можно обращаться попроще.

Ирэн рассмотрела мое лицо и ахнула. Потом вскочила, кинулась на дверь с кулаками и закричала:

— Вы что с ним сделали, подонки?!

Скрипнув, открылся «глазок». Я увидел черный глаз, похожий на навозного жука, и мохнатую, как гусеница, бровь. Потом декорация сменилась, и из отверстия высунулись сизые, почти фиолетовые губы. На скверном английском, смеясь и аппетитно причмокивая, они произнесли:

— In the morning to you will cut off heads!

Губы исчезли, «глазок» закрылся. Ирэн еще раз ударила ногой по двери. Я лежал, смотрел на нее и удивлялся. Неужели это она? Моя сотрудница, моя мучительница, моя загадка? Как странно мы расстались и еще более странно встретились. Но что она сделала с горнолыжным костюмом, в котором была со мной на Эльбрусе? Разве так можно обращаться с хоро-

шими вещами! «Молния» разошлась. Рукав изодран так, будто на нем тренировались бойцовские собаки. А что с его цветом? Где волнующий лунный блеск? Почему теперь костюм напоминает робу шахтеров?

— Отсюда можно убежать, Ирэн?

Она не ответила. Присела рядом, схватила меня за плечи и попыталась поднять. Как это трогательно! Она пыталась поднять девяносто килограммов! Я встал. Руки и ноги слушаются, вот только голова гудит, и боль в ней пульсирует, словно в черепе извергается маленький вулканчик. Мы сели на скамейку у стены. Ирэн разглядывала меня так, как глубоко верующая женщина смотрит на скульптуру распятия.

— Сними куртку! — попросила она.

— Зачем?

— У тебя кровь на тельняшке.

— Это не моя, а этой... ну, в общем... Слушай, а откуда у тебя телефон Марго?

— У меня есть телефоны всех игроков.

— А как ты узнала, что я нахожусь именно рядом с ней?

— Я не знала... Я искала тебя, обзванивала всех подряд, но только Рита ответила.

Боль потихоньку отпускала, и это уже само по себе было наслаждением. Хотелось лечь, прикрыть глаза и смотреть на какую-нибудь красивую картину с натюрмортом... Ау, Кирилл, очнись! Какой натюрморт? Видать, охранники отбили мне мозги, и я перестал нормально соображать. Ведь я не помог Ирэн, мы с ней заперты в камере, и остались считанные часы до утра, когда нам должны отрезать головы!

Я вскочил на ноги, кинулся к маленькому зарешеченному окошку и, коснувшись лбом решетки, негромко позвал:

— Акулов! Акулов, сукин сын! Ты где?

Неужели он меня бросил? Слишком его поступок хрестоматийный, слишком его предательство явное. Я не мог в это поверить. Может, он поступил мудро и вовремя дал деру, чтобы потом подтащить к этой решетке лебедку и вызволить нас с Ирэн так же, как я вызволил его?

— Кого ты зовешь? Акулова?

— Он обещал мне помочь.

— Кирилл! Акулов не придет к тебе на помощь. Разве ты не видел, что это за человек? Он до сих пор уверен, что все это Игра. Он думает только о призовом фонде. Дай мне руку, не мечись! Отсюда невозможно выйти. Я изучила каждый сантиметр стен, потолка и пола. Бетонная коробка... Давай просто посидим и помолчим.

— Да не хочу я молчать! — крикнул я. — И вообще, где мы, кто эти люди?

— Не знаю. То ли банда, то ли повстанцы. Они не подчиняются никаким законам.

— А что говорил Морфичев по этому поводу?

— Он тоже так говорил.

Я метался по камере, держась за голову.

— Давно ты здесь?

— Мы попали к ним вчера после обеда... Кирилл, пожалуйста, успокойся! Я сначала тоже не могла найти себе места, кидалась на стены. Не трать зря силы...

— А на кой черт мне их экономить?! Для чего мне их беречь?! Чтобы утром подохнуть полным сил и здоровьем?.. Что ты на меня так испуганно смотришь, будто я богохульствую? У тебя есть надежда?

— Не знаю... Но, может быть... может быть, это все же розыгрыш? Жестокий, скверный, но розыгрыш? Акулов до сих пор верит, у него даже капельки сомнения не возникло. Вдруг он знает больше, чем мы, и потому так уверен...

— Розыгрыш? — Я кинулся к Ирэн и схватил ее за плечи. — Взорванный самолет — это розыгрыш? А трупы — это просто шутка? А стрельба боевыми патронами — безобидная страшилка, да? Здорово! Гениально! Игра закончилась после того, как упал самолет, а мы до сих пор лелеем надежду, верим, ждем, что рухнут стены темницы, оживут трупы, и толпа болельщиков встретит нас бурными аплодисментами. Мы сами себя обманываем, потому что не хотим признать страшную правду, мы даже готовы умереть с верой в то, что все это — шутка, понарошку, что мы обязательно воскреснем, и для нас наступит другая, счастливая и яркая жизнь... Ты хоть знаешь о том, что самолет разбился?

— Да, Акулов успел мне сказать.

— А он сказал тебе, что выжили только четверо? Всего четыре человека, да и то трое из них уже на том свете! Сказал? Нет? Очень жаль, что вы с Морфичевым не видели обломков, тогда не посетили бы твою светлую головушку столь глупые мысли. Ах, какая хорошая Игра, правда? Какая захватывающая! Да как ты можешь думать о розыгрыше? Как ты вообще смеешь говорить об этом вслух? Это даже не надежда, не вера в чудо. Это чистойшей воды идиотизм, деградация мозга, неизлечимая тупость...

Она не выдержала и звонко ударила меня по щеке. Пустяки! Что такое женская пощечина в сравнении с ударом по лицу кованым сапогом? Все познается в сравнении. И прав был Крот: Игра способна сделать нас немного счастливее. Я уже почти счастлив.

— Ты... ты... — пробормотала Ирэн и заплакала.

Тут я пришел в себя окончательно. Мозги просветлели. Пелена забвения спала. Я вскинул голову наверх, потом взглянул на решетку... Ничего

нет. Только стены и несколько часов жизни. И Ирэн... Моя любимая, моя единственная Ирэн. Самое близкое, самое родное мне существо! Я крепко обнял ее и стал покрывать ее лицо поцелуями.

— Прости меня, пожалуйста, прости! Сколько глупостей я совершил! Ты должна меня презирать.

— Нет, нет! За что мне тебя презирать? Ты самый близкий для меня человек! Ты самый лучший, самый смелый, самый сильный! Я счастлива уже от того, что могу видеть тебя, слушать твой голос, быть с тобой рядом.

— Ирэн, я не такой, каким ты себе представляешь меня. Все это маска, бравада. Я не достоин тебя! Я высокомерный и наглый тип, который ничего путного в жизни не добился. Что я создал? Кого сделал счастливым? Я все время думал только о себе. Главное, что мне было хорошо. И я, тупица, лишь теперь понял, что мне было хорошо только потому, что ты была рядом. Сколько потрачено впустую времени! Почему я не ценил каждое мгновение, когда мы были вместе? Я испортил не только свою жизнь, но и твою тоже. О, если бы я мог начать все заново! Если бы знал, как быстро моя жизнь пойдет в тупик! Как обидно... Мне всегда казалось, что впереди еще океан жизни, целая вселенная! Я все откладывал на потом. Успею исправиться, успею помириться, успею полюбить... И вдруг — все! Конец! Утром меня не будет. Ты понимаешь, что самое страшное — не смерть, страшно то, что позади, в прожитой жизни, ничего не осталось, пустота. Ни семьи, ни детей, ни дерева, ни дома. Одна суета, бессмысленные телодвижения... Знаешь, о чем я всю жизнь мечтал? Ты не поверишь. Я ведь по образованию педагог. Мне не челюсти ломать надо, а детей учить. И я представлял, как захожу в класс, кладу на стол журнал, беру указку, поворачиваюсь к карте мира и начинаю рассказывать о Земле. Я, по сути, буду рассказывать о своей жизни: как переходил сельву, штурмовал Гималаи, воевал в Афганистане, прыгал на Северный полюс, умирал в лодке посреди океана... Я бы рассказал им о природе как о сфере существования человеческих страстей, где переплетаются любовь и ненависть, верность и предательство, боль и наслаждение, страх и отвага, отчаяние и надежда... Как мне хочется рассказать обо всем этом пацанам и девчонкам, этой пестрой и непорочной ватаге с роликами, жвачками, плеерами, пивом, поцелуями, этим амбициозным максималистам... Я думал, что все это так близко, только руку протяни, и так реально... Не успел я остановиться... А ведь жить хочется, любить хочется...

Ирэн покрывала мое лицо поцелуями. Горячие слезы катились по ее щекам и обжигали меня.

— Я люблю тебя, Кирилл...

— И я люблю тебя, всегда любил... Ах, как обидно, как больно! Почему мы не сказали этих слов друг другу раньше? Зачем мы мучили друг друга и тянули время?

...Не знаю, сколько прошло времени до рассвета. В эти часы я попытался вместиť все то, что не успел пережить раньше. Мы объяснились с Ирэн, открыли друг другу простую истину и тем самым подвели итог нашей жизни. Она задремала на лавке, согнув колени. Я накрыл ее своей курткой и принялся ходить по камере. Три шага в одну сторону, три шага в другую. Нелепо, чудовищно! Двадцать первый век, а нам собираются рубить головы. И никто не пытается остановить этот средневековый беспредел, никто не поднимает шум, не призывает на помощь цивилизованный мир. Мне известно только одно: мы нарушили какую-то границу и зашли туда, куда нельзя было заходить ни при каких обстоятельствах. Но о чем думали организаторы Игры? Кто подыскал территорию для Игры, кто разработал маршрут? Разве трудно было дотошно проверить все политические, религиозные и криминальные нюансы в районе проведения Игры? Продюсер — негодяй. Он обрек два десятка человек на гибель и трусливо спрятался, когда узнал о крушении самолета. Никто о нас не позаботится, надеяться осталось только на себя. Но что я могу сделать, запертый в клетке?

Я кинулся на решетку, схватился за нее и стал неистово дергать, пытаюсь выломать. Акулов! Акулов, чтоб ты утонул в болоте! Предупреждал ведь, что к победе пойдет по трупам. А я думал, что это всего лишь слова, рассчитанные на внешний эффект...

Сквозь тучи на землю проседал сырой тяжелый рассвет. Теперь я мог видеть то, что раньше скрывала от меня ночь. Край улочки с глубокой колеей от машин, серый бетонный забор с отпечатками досок опалубки, черные крыши, столбы электропередачи и вышки. Конечно, это пограничная застава. Какие здесь могут быть игры?

На раскисшей площадке, как раз напротив меня, появился мужчина в плаще. Я хорошо рассмотрел его землистое лицо с глубоким шрамом на щеке. Мужчина принес два эмалированных таза с отколотыми краями и кинул их на землю. На одном из них я заметил кровавый след подтека, имне стало дурно до тошноты. До меня дошло, что означают эти приготовления. Эти тазы — для наших с Ирэн голов... Меня вид этих тазов и мысль, для чего их приготовили, ужаснули. Увидел бы я взвод солдат с автоматами или виселицу — не почувствовал бы столь мучительного, животного страха, как при виде обыкновенного таза. Мы что, бараны? Мы — люди! И пока хоть искра сознания будет теплиться в моей голове, я буду сопротивляться, я не допущу этой омерзительной процедуры!

— Ирина! Проснись!

Я тормошил ее и несильно шлепал по щекам. Ирэн не без усилий открыла глаза и тотчас вскочила, стала озираться по сторонам.

— Что? Уже утро?

— Надо попытаться что-нибудь сделать. Нам терять нечего. Уж лучше получить пулю в спину, чем быть баранами.

— Но я не знаю, что мы можем сделать!

— Дай телефон! Я позвоню Марго! Может, она что-нибудь придумает...

Ирэн протянула мне мобильник. Я долго слушал гудки. Ну же! Ну, ответь! Ответь!

Марго не ответила. Кому еще позвонить? У меня были десятки друзей во всех городах России, но никто из них не мог нам помочь.

— Значит, будем надеяться только на себя, — бормотал я. — Когда нас выведут... Нет, раньше! Сейчас! Немедленно! Я лягу на пол и притворюсь мертвым. А ты стучи в дверь и кричи. Главное, чтобы открыли дверь! Ты должна выбежать отсюда, понимаешь? Любой ценой! Любой, Ирэн!

— Они не поверят!

— Но у нас нет другого выхода! Ты должна выбежать отсюда! Должна!

Она не верила, что мы сможем что-либо изменить. И я не верил, но был готов противиться палачам, даже если это было бессмысленно.

— И что мне кричать?

— Что хочешь! По-русски, по-английски!

— Это безумие, — бормотала Ирэн, приближаясь к двери, и добавила навзрыд: — Кирилл! Ну, за что нам это все? За какие грехи?

— Ты знаешь, за какие. Стучи!

Она принялась бить ногой в дверь и кричать. Меня трясло, и я никак не мог унять дрожь. Пусть только приблизятся ко мне. Я стану рвать их зубами, я выдавлю им глаза, я буду душить их, лишь бы Ирэн успела выбежать. Лишь бы успела!..

И вдруг лязгнул дверной засов... Господи, помощи! Помогите! Я почувствовал, как по моей голове прошелся сквознячок. Ирэн, икая от слез, сказала по-английски: «Он не встает». Я слышал, как шуршит плащ. Мне на ухо капала вода. Человек в плаще нависал надо мной. Пусть только прикаснется ко мне! Я вопьюсь ему в горло зубами...

Удар ногой в живот — так пинают дохлую собаку. Я сжал зубы и терпел... Пусть бьют. Я ничего не чувствую. Я — мешок с соломой. Меня можно пинать до самого вечера, можно скинуть с самолета, закопать в землю — со мной ничего не случится, потому что я мешок с соломой... Сильная рука сдавила мне плечо, меня перевернули на бок...

Я выстрелил кулаком в лицо человека, склонившегося надо мной, ударил ногой и вцепился обеими руками ему в горло. Сколько у меня сил! Я не

человек, я — зверь, я — танк, я — атомная бомба! Человек повалился на пол и закричал. Я безостановочно бил его по лицу. Удары были страшные, брызги крови летели во все стороны. Второй охранник прыгнул на меня и накинул мне на шею ремень.

— Беги, Ирэн!! — хрипел я. — Беги!! Беги!!

Меня душили. Кровавые круги плыли перед глазами, но я продолжал рассыпать во все стороны удары руками и ногами. Мои враги рычали. Я тоже рычал. Мы превратились в клубок, в сгусток обезумевших убийц.

Я начал слабеть. Мне заломили руки, связали за спиной ремнем и оставили лежать на полу. Хлопнула дверь, лязгнул засов... Я боялся повернуть голову и увидеть Ирэн. Господи, как тихо! Только частые удары моего сердца да тихий шелест дождя за решеткой... Ирэн ко мне все не подходила. Будь она в камере, обязательно опустилась бы передо мной на колени. Неужели Бог услышал меня?

Я медленно, с опаской повернул голову. Дверь закрыта, рядом с ней Ирэн нет. С трудом поднялся на ноги — для этого мне сначала пришлось встать на колени. Ее нет! Она убежала! Я даже закричал от радости. Эти два идиота, занявшись мной, забыли про Ирэн! Кинулся к решетке, уперся в нее лбом. Неужели это свершилось? Моей птичке удалось упорхнуть из мрачной клетки! Господи, спаси и сохрани ее! Дай хитрости, осторожности, воли и бесстрашия добраться до леса живой и невредимой. А там, быть может, Ирэн встретит Марго. Вдвоем они обязательно выживут. Красивые, милые, добрые девчонки должны выжить!

Я что-то пел себе под нос и ходил из угла в угол. Связанные за спиной руки онемели. Интересно, на моей физиономии осталось уцелевшее место? Жаль, драка так быстро закончилась. Руки связаны, но у меня еще есть ноги, еще есть голова. И пока она на плечах, я буду драться!

Вдруг за дверью послышались шаги, голоса. Что? Уже идут за мной? Выведут во двор и поставят на колени перед тазом? Уже? Так быстро?..

Отвратительное чувство страха! Постыдное чувство! Как же унять дрожь? Я опустился на колени, пригнул к ним голову и вытер разбитые губы о штанину. Перед казнью надо выглядеть достойно, без кровавых соплей... А что это валяется на земле? Гвоздь! Обыкновенный ржавый гвоздь! Я потянулся к нему, схватил зубами и вскочил на ноги. Гвоздь в зубах — это уже оружие. Подошел к двери и прицелился в «глазок», закрытый металлической задвижкой. Голоса приближались. Мне трудно было дышать носом, наверное, разбили переносицу. Я напряг шею — задвижка ушла в сторону, и показался чей-то глаз. Я подал голову вперед, будто собирался клюнуть, и гвоздь нырнул в кружочек, как швейная игла. Наверное, я достал цель, потому что за дверью тотчас раздался вопль,

а через пару секунд дверь распахнулась. Я прыгнул к потолку, и хлестко ударил ногой по лицу охранника. Его отбросило к косяку. Я согнулся и протаранил его живот головой. Бить, бить, бить! Встречный удар пришелся мне в лицо. Закрыться нечем, руки связаны. Кажется, хрустнул нос. Да черт с ним, с носом! На что мне этот нос, коль голову будут рубить? Охранник толкнул меня к стене, схватил одной рукой за горло, а другой стал наотмашь бить. Какое у него свирепое лицо! А глаз все-таки цел, я лишь проткнул ему кожу на скуле... Я ударил его коленом. Охранник взвыл. Я добавил ногой, толкнул плечом, а затем врезался своим лбом ему в нос. Кровь во все стороны. Фонтан крови! Мочи! Лупи! Бей! Снова коленом, снова головой! Охранник упал. Я прыгнул ему на грудь, наступил ногой на горло...

Но достаточно. Это предел, я же все-таки не зверь.

Я отошел от распростертого на земле человека и, широко расставив ноги, чтобы не упасть, дышал, дышал, дышал... Охранник, хрипя, отполз к стене, прижался к ней, поднял лицо...

— Bravo! — вдруг раздалось за моей спиной.

Я резко обернулся и застыл на месте. В дверях стоял Крот и аплодировал мне.

Глава 26

Он был в бежевом, перетянтом ремнем и портупеей костюме с накладными карманами и золотистыми пуговицами. Волосы аккуратно уложены, гладко выбритое лицо источало запах дорогого одеколona. Если бы не розовые пупырышки укусов, рассыпанные по щекам и лбу, да оцарапанные руки, я бы подумал, что это двойник Крота, который видел джунгли только по телевизору.

— Сколько неподдельных эмоций! Сколько живых чувств! — театрально восторгался Крот. — Куда там «Последнему герою» с его пляжными конкурсами! Вот где настоящая драма! Кирилл, я преклоняю голову!

— Спасибо, — пробормотал я, сплевывая кровью. — Откуда вы тут взяли? Я вас искал...

— Все знаю, дорогой мой! Все знаю!

Он обернулся в сторону коридора и щелкнул пальцами. В камеру зашли двое молодых мужчин с невозмутимыми лицами. Один из них помог подняться охраннику и вывел его, а второй развязал мне руки. Крот посторонился и сделал приглашающий жест рукой:

— Выходите! Для вас Игра закончена.

Я ничего не понимал, но ни о чем не спрашивал. Когда вопросов слишком много и не знаешь, с какого начать, лучше некоторое время помол-

чать. Мы прошли через коридор и поднялись по ступеням к выходу. Я заметил, что Крот немного прихрамывает. Угрюмый детина, ожидающий нас у двери, раскрыл над нами зонтик.

— Я смотрю, вы здесь не последний человек, — произнес я, жадно шаря глазами по сторонам.

— Мне всегда импонировала ваша наблюдательность, — похвалил Крот, рассмеялся и похлопал меня по плечу. — Вы правы, не последний. Я — продюсер Игры, а все эти парни (он кивнул на подвал, из которого мы вышли) — актеры, статисты, словом, наемный персонал.

Эта новость заставила меня остановиться. Мне показалось, что я утрачиваю способность понимать что-либо, и сразу захотелось сунуть голову в ведро с ледяной водой.

— Вы — продюсер? То есть вы хотите сказать, что все это... — Я потрянул головой и посмотрел по сторонам. — Послушайте, а где Ирэн?

— С Ирэн все в порядке. И с Марго, и с Морфичевым, и с Акуловым... Идемте-идемте, я все вам расскажу. Представляю, какой шок вы испытали! И, тем не менее, держитесь молодцом. У вас поразительная воля к жизни! Вас просто невозможно сломать! Но, увы, в финал вы не вышли. Знаете, почему? Потому что вы... как бы точнее сказать... вы забыли о своей главной задаче: выжить любой ценой. Любой! В том числе и за счет других участников. А что сделали вы? Стали помогать им! Вы пошли на непозволительное самоотречение! Начали проявлять благородство! И добровольно отдали свою победу Акулову... Ну, не переживайте сильно! Думаю, что на приз зрительских симпатий вы можете рассчитывать.

— Зрительских симпатий? — машинально повторил я.

— М-да, — произнес Крот, с тревогой глядя мне в глаза. — Кажется, вы еще не готовы воспринять все то, что я вам сказал. Впрочем, это нормальное явление... Сейчас вас проводят в душ, вы помоеетесь, переоденетесь, потом вас осмотрит врач, и... — он вскинул руку и взглянул на часы, — и через час я жду вас у себя в кабинете... Видите зеленый флигель? Вот там вы меня найдете.

Крот взял у сопровождающего нас детины зонтик и, насвистывая что-то веселое, пошел по асфальтовой дорожке. Некоторое время я стоял под дождем и смотрел ему вслед.

Детина отвел меня в котельную, где была тесная душевая кабинка. На полочке я нашел все необходимое: мыло, шампунь и бритвенный станок. Пустив струю на всю мощь, я стал смотреть, как с меня стекает розовая вода и, закручиваясь в спираль, исчезает в сточном отверстии... Это была Игра? И для меня она закончена?... Мозг отказывался воспринимать это, как если бы я столкнулся с неким необъяснимым паранормальным яв-

лением. Я рассматривал свое тело, руки, ноги, а потом вдруг схватил мочалку и попытался отмыть многочисленные синяки и ссадины, словно это были чернильные пятна, и при этом чувствовал, как силы покидают меня. Несколько минут назад я был готов драться весь день, всю ночь — до тех пор, пока в камеру будут заходить люди в мокрых плащах. А сейчас у меня не было сил даже на то, чтобы нормально побриться. Руки дрожали, острое лезвие плясало по горлу, и я несколько раз порезался... Все. Конец. Игра закончена. Это была Игра. Как, однако, забавно! Но что делать теперь? Куда идти? Чем заниматься? Мне казалось, что меня остановили на взлете, вырубили форсаж, обломали крылья — остается только падать...

На лавочке я нашел пакет с одеждой: такой же, как у Крота, бежевый костюм, только без ремня и портупеи. Я взял рубашку, а брюки надел свои. Тельняшку отстирать от крови не удалось, и я бросил ее на пол.

Детина, дожидавшийся у входа в котельную, поманил меня за собой и сказал: «Doctor!» Я отмахнулся от него и поплелся к зеленому флигелю. Дождь утих, среди туч показалось голубо енебо. По дороге мне встречались люди в военной форме. Они с любопытством смотрели на меня, улыбались и приветственно вскидывали вверх руки. Я едва передвигал ногами. Усталость давила мне на плечи бетонной плитой. Вялое любопытство, которое я испытал при виде Крота, угасло, и теперь мною овладела апатия. Хотелось выпить и уснуть, и я шел к Кроту с единственной целью: выяснить у него, где можно найти водку и койку.

Когда я вошел в кабинет, Крот сидел за столом и по-английски разговаривал с кем-то по телефону. Он знаком показал мне, чтобы я присел на диван. Едва я сел, так тотчас стал бороться со сном. Карта местности, которая висела на противоположной стене, стала двоиться у меня в глазах. Крот говорил бегло, отрывисто, но я все-таки понял, что речь идет о его дочери, которая прилетает charterным рейсом из Дели. Самолет уже вот-вот приземлится, и в связи с этим бумага должна быть отправлена нарочным немедленно...

— Я прошу прощения, — сказал мне Крот, опустив трубку. — Срочные дела... Вы были у врача?

— Я здоров. Только спать хочу.

— Понимаю... Мне, правда, удалось подремать пару часиков... Кофе?

Он встал, подошел к журнальному столику, на котором стоял сервиз и чайник, и стал звенеть посудой.

— Лобский, где сейчас Ирэн? — спросил я. — Мне бы очень хотелось ее видеть.

— Потерпите. От силы, еще сутки, и вы ее увидите... Вам сколько сахара?

— Где она?

Крот поднес ко мне чашку, раздумывая, что мне можно сказать, а что нет.

— Она вместе с Акуловым продвигается к финишу. Я думаю, они уже на полпути к конечной цели.

— Выходит, Ирэн вышла в финал?

— Нет, — рассмеялся Крот, возвращаясь за стол. — В финал вышел только Акулов. А Ирэн — администратор Игры. У нее другие задачи.

— Что значит, администратор? — не понял я.

— Неужели вы даже не догадывались?.. Что ж, это еще раз подтверждает высочайший профессионализм Ирэн. Я не ошибся, когда остановил на ней свой выбор. Она необыкновенно талантливый человек. Какая у нее бурная фантазия! Какой стремительный полет мысли! Тысячи идей витают в ее светлой головушке!

— Вы хотите сказать, что Ирэн была в курсе?

— Она не только была в курсе... Она была главным сценаристом Игры! Мы вместе с ней разрабатывали все те нюансы, с которыми вы встретились на маршруте!

Мне показалось, что я сейчас упаду. Пришлось опереться на край стола.

— Не может быть, — прошептал я. — Бред! Выходит, там, в камере, она знала...

— Разумеется! Она знала, что повстанцы, камера, приготовление к казни — всего лишь искусный розыгрыш, и она, надо признать, талантливо сыграла пленницу...

Сметая со стола тарелочку с орешками, бумаги и ручки, я кинулся на Крота, схватил его за воротник рубашки и закричал:

— Ты лжешь, сволочь! Лжешь, поганец! Ирэн не играла! Она верила, что нас казнят! Она была искренней! Она говорила мне правду!

Крот не сопротивлялся, терпеливо дожидаясь, когда я его отпущу, лишь покраснел немного.

— Хорошо, — сказал он. — Я вам докажу...

Я отпустил его. Он поправил воротник, поднял с пола бумаги, затем придвинул к себе телефонный аппарат и набрал номер. Включил внешний динамик и прибавил громкости. Раздались длинные гудки. Затем щелчок и голос Ирэн:

— Слушаю вас, шеф!

— Как у тебя дела? — спросил Крот, не спуская с меня глаз.

— Мчимся на всех парах! Думаю, к обеду мы будем на финише.

— Шансы на победу?

— Очень высоки! Акулов уже составляет список гостей, которых намерен пригласить на банкет... Как там Кирилл?

— Он в полном порядке, — ответил Крот и подмигнул мне. — Проходит курс реабилитации под наблюдением врача.

— Большой привет ему от меня. Скажите, что...

Я попытался выхватить из руки Крота трубку, но он увернулся и нажал кнопку отбоя.

Случилось светопреставление! Ирэн оказалась декорацией к спектаклю, ее слова — тщательно отредактированным монологом, а чувства — талантливой актерской игрой. Слезы хлынули из моих глаз. Как больно! Как больно!

— Ну что вы, Кирилл! — укорил меня Крот. — Нельзя же так расстраиваться по пустякам! У вас нервное переутомление. Вы слишком вжились в роль... Расслабьтесь, друг мой! Выпейте коньяку!

Он кинулся к дверце встроенного в стену бара, а я упал на диван и обхватил лицо руками. Боль и обида душили меня.

— Зачем, зачем... — бормотал я. — Ради чего? Я впустую тратил себя...

Крот поднес мне бокал с коньяком, и я залпом опустошил его. Разбитые губы словно вспыхнули пламенем. «Кирилл, дорогой мой, я люблю тебя...» Какая низость! Какая мерзость! Мне стыдно за себя. Зачем же я так распахнул перед ней душу? Как я мог так обмануться? Дурачок, изливал чувства перед куклой, в рот которой вставили магнитофон с записанной кассетой! «Ты самый близкий для меня человек... Я счастлива от того, что могу быть с тобой рядом. Я восторгаюсь тобой!» Неужели этот ублюдочный эпизод в камере отсняли на пленку и запустят в эфир? Мерзавка! Лживая мерзавка! Администратор Игры! Сколько она заработала на мне?

— Я познакомился с Ирэн давно, — снова заговорил Крот, — лет восемь назад. Я тогда отдыхал в Германии и совершенно случайно попал на грандиозное феерическое шоу. Ирэн там исполняла стриптиз... Нет-нет, не смотрите на меня так! Я имею в виду только то, что сказал, раздеваться на публике еще не значит...

— Вы решили меня добить, Лобский?

— Я решил говорить с вами начистоту. Вы мне симпатичны, Кирилл, я очень ценю вас, но не хочу, чтобы наши с вами отношения были омрачены какими-то недомолвками и подозрениями. Не скрою, Ирэн тогда мне очень понравилась, и я был приятно удивлен, когда узнал, что она не только моя соотечественница, но также одна из авторов шоу. Надеюсь, вам известно, что Ирэн прекрасно танцует и может с успехом преподавать хореографию... К сожалению, мы с ней расстались, а встретились снова совсем недавно... Вижу по вашим глазам, что вы поняли, когда именно. Да, на Эльбрусе, после соревнований по скоростному восхождению. В те дни я был

с головой погружен в работу по организации Игры на выживание, и мне позарез нужны были энергичные молодые люди, которые разбирались бы в вопросах шоу-бизнеса. Я предложил сотрудничество Ирэн, и она, к счастью, приняла предложение...

— После того как вы припомнили ей прошлое, — дополнил я. — Я знаю, что вы шантажировали Ирэн, отправив ей какие-то фотографии.

— Причем тут шантаж?! — воскликнул Крот. — Да, я выслал ей старый снимок, на котором Ирэн была запечатлена на сцене во время выступления в шоу-программе. Но тем самым я хотел сказать, что восхищен ее талантом, что до сих пор нахожусь под впечатлением от ее выступления. У меня и мысли не было шантажировать ее! Одним словом, она согласилась.

Я поручил ей очень ответственную работу: она должна была свежим взглядом просмотреть сценарий и внести в него какие-нибудь новые идеи: остроту, напряженность, нестандартность. Так, с ее легкой руки, в Игре появились обломки самолета, многочисленные трупы...

— Какие обломки, Лобский? Какие трупы? Вы о чем говорите? О том, что было в сценарии, или о том, что было на самом деле?

— А это, голубчик, одно и то же, — ответил Крот, и его губы растянулись в самодовольной ухмылке.

— Значит, следуя сценарию, вы уничтожили самолет, убивали людей?

— Зачем? Все было понарошку, но очень, очень правдоподобно!.. Ох, как же вы на меня смотрите! Вы думаете, я сумасшедший?.. Кстати, по черк Ирэн знаете? Тогда взгляните на это!

Он вынул из стола несколько скрепленных листочков и протянул мне. Без всякого сомнения, листочки были исписаны рукой Ирэн. Сверху, крупным буквами: «Исправления к сценарию». Подчеркнуто двойной линией — хорошо известная мне манера. Я пробежал взглядом по тексту. «Обломки самолета, раскиданные на большом пространстве (чтобы хватило на всех участников), должны привести к «фюзеляжу», установленному в труднодоступном месте... Муляжи трупов со следами насильственной смерти расположить таким образом, чтобы невозможно было приблизиться к ним чрезмерно близко... На первом этапе Игры (прыжки с самолета) снять с дистанции максимальное количество неперспективных игроков, чтобы немногочисленные и дорогостоящие технические средства имитации работали только на лидеров...»

— Лобский! Ведь я собственными руками щупал пульс у Аллы Георгиевны! Это был мертвый человек. Это был труп!

— Это был муляж, Кирилл, — вздохнув, словно сожалея о сказанном, ответил Крот. — Мастерски сделанная кукла. Алла Георгиевна была снята с маршрута как неперспективный игрок, и сейчас она вместе со своими коллегами отдыхает на запасной базе.

— А труп тренера с пулевым отверстием во лбу? Я видел его так же близко, как вижу сейчас вас!

— Вы были когда-нибудь в музее восковых фигур?

— Что ж это за Игра, если по нас с Марго стреляли боевыми патронами?! — крикнул я и снова вскочил на ноги. Я никак не мог признать, что меня так ловко водили за нос!

— Холостыми, друг мой!

— Но Марго была ранена в плечо! Где Марго? Пусть ее осмотрит врач!

— Уже осмотрел. Марго была ранена вполне безобидной резиновой пулей.

Он отбивал все мои атаки. Я ходил вокруг стола и давил ногами рассыпанные по полу орешки.

— Что ж получается? Слон был всего лишь надувным? А змея силиконовой?

— Эть! — азартно воскликнул Крот. — Вот тут вы попали в «десятку»! Звери были настоящими. И я действительно мог умереть, если бы не ваш самоотверженный поступок. К тому же мне вкатили лошадиную дозу противозмеиной сыворотки, и сейчас я почти как огурчик. Только еще немного побаливает нога.

Я все еще не мог поверить в то, что говорил мне Крот, но и сопротивляться уже не было ни сил, ни аргументов. Душа опустела. Крот был прав: я слишком близко принял к сердцу Игру, она успела проделать там свою разрушительную работу и ничего не оставила взамен, потому что оказалась пустышкой. Теперь я не только не хотел встречаться с Ирэн, я боялся этой встречи.

— Как отсюда можно уехать? — спросил я.

— Без проблем! — ответил Крот. — После финала и завершения Игры мы вручим победителю главный приз... Кстати, могу открыть вам секрет, теперь это уже можно. Вы с Марго очень интересовались моим рюкзаком, вас волновала проблема, почему он такой тяжелый, и что я в нем несу. Докладываю: я нес главный приз. А это двенадцаткилограммовый слиток золота высочайшей пробы в стальной капсуле! Теперь колбу со слитком несет к финишу Акулов. Он даже не догадывается, какое богатство оттягивает его плечи! В этом-то вся изюминка Игры: свой крест, который вознесет победителя к триумфу, должен нести сам игрок.

— Лобский, я хочу уехать отсюда сейчас, немедленно!

— Сейчас? — повторил Крот и часто заморгал. — А к чему такая спешка, друг мой? Неужели вы так тяжело переживаете свое поражение? А как же церемония награждения и торжественный банкет? Уверяю вас, что вы украсите собой нашу компанию! К тому же вы должны дождаться возвращения Ирэн. Она так беспокоится о вас!

— Я хочу уехать сейчас! — тверже повторил я.

— Это невозможно, — отрезал Крот.— Вертолет будет только завтра. А свободных машин, чтобы добраться до города, нет. Остались только тягачи да бронетранспортеры. Не дам же я вам бронетранспортер, правда? Вы напугаете всю страну. Тем более что здесь сейчас работает специальная комиссия ООН.

Тут на столе затрещал телефон, и он, подняв трубку, протянул с наигранной радостью:

— А-а, Лапусик! Здравствуй, здравствуй! Ну как, встретила малышку? Теперь ты счастлива?.. Я готов подписать отказную, и подпишу ее сразу, как только Симбуа передаст мне то, что обещал... Да, именно чрезвычайные и абсолютные... Он рядом? Ну-ка, дай мне его!

Крот опустил трубку, прикрыл ее ладонью и виновато посмотрел на меня:

— Прощу прощения, Кирилл, у меня важный разговор. Сами понимаете, в связи с Игрой приходится решать уйму вопросов с местными властями...

Я кивнул и вышел. Закрывая за собой дверь, услышал, как Крот, перейдя на английский, жестким и холодным тоном внушал какому-то Симбуа, что торговаться не намерен, потому как безопасность соотечественников для него — превыше всего. Он так и сказал: «Above all!»

Глава 27

Я вышел из флигеля и, погруженный в тягостные чувства, побрел по дорожке. Выглянуло солнце, лужи быстро подсыхали, и окружающий меня мир уже не казался таким враждебным, как ночью и утром. По обе стороны от меня тянулись глинобитные заборы, когда-то оштукатуренные, побеленные, но теперь имеющие довольно неряшливый вид. Вдоль них, огороженные металлическими рифлеными лентами, чернели нарезки огородов с чахлой зеленью, возвышались на опорах цистерны с водой и кое-где выглядывали облезлые крыши грузовых автомобилей. Весь этот странный, неясного назначения лагерь напоминал свалку старых, отживших свое крупногабаритных вещей, начиная с автомобилей и заканчивая сараями.

За котельной я свернул в противоположную сторону от тюрьмы, в которой дрался, признавался в любви и готовился к смерти. Снова увидеть этот серый дом с решетками на маленьких окошках было выше моих сил. Воспоминание о минувшей ночи вызывало чувство омерзения. Отныне ничто не должно напоминать мне о существовании Ирэн! Ее нет и не было, а все, что когда-то связывало нас двоих, кануло в вечность.

Вдруг краем глаза я заметил, как за угол котельной метнулся какой-то человек. словно кто-то следил за мной и, чтобы остаться незамеченным,

спрятался. Я пошел дальше и теперь, внушив себе мысль о слезке, уже не мог избавиться от неприятного чувства. По левую руку от меня, в зарослях кустов, приютился на редкость аккуратный домик, обшитый голубым сайдингом. На фасаде мокрой тряпкой свисал флажок с изображением красного креста. Медицинский пункт? Я свернул к крыльцу и, перед тем как зайти внутрь, кинул взгляд на дорогу. Так и есть! В мою сторону шел рослый человек с автоматом на плече. Ясно, тут не обошлось без Крота. Что-то насторожило продюсера, и он приказал следить за мной. Уж не думает ли он, что я сломя голову побегу следом за Акуловым, чтобы отобрать у него капсулу с золотым слитком?

Я оказался в прохладном сумрачном коридоре. Крайняя дверь была открыта. В маленькой перевязочной, на топчане, застеленном пленкой, лежал молодой мужчина. Над ним склонился щуплый врач в огромных очках с толстой оправой и, вооружившись палочкой с ваткой, обрабатывал распухшие, почерневшие от крови губы. Я узнал мужчину: это был охранник, которому я едва не выколол гвоздем глаз. Бедолага!

Другие комнаты были либо пусты, либо завалены коробками из-под медикаментов, тряпками, ведрами и тазами. Последняя, торцевая, дверь вела в лазарет. Я зашел туда на цыпочках, тихо прикрыл за собой дверь и некоторое время стоял у порога, рассматривая облупленные госпитальные койки на колесиках. На той, что стояла у окна, завернувшись в рваное одеяло, спала Марго. Я присел на край койки и долго, не отрываясь, смотрел на ее лицо. Девушка спала крепко и, наверное, видела сны. Ее веки дрожали, губы непроизвольно то смыкались, то размыкались, дыхание было ровным и сильным. Из всех многочисленных «африканских» косичек Марго уцелел лишь пяток, да и те были в плачевном состоянии. Я принялся осторожно выбирать из них колючки, чешуйки коры, потом чуть сдвинул край одеяла. Плечо перебинтовано, сквозь бинт проступило алое пятнышко... Я судорожно сглотнул и чуть не закашлялся. Что ж ты, девочка, так себя изводишь? Неужели новые впечатления стоят того? Лежишь в убогом лазарете на больничной койке, съежившись под старым солдатским одеялом и забывшись в тяжелом сне, смертельно уставшая, всеми брошенная, в какой-то далекой стране, то ли в концлагере, то ли в воинской части — черт знает где!

Марго неожиданно проснулась, глубоко вздохнула, чуть приоткрыла глаза и безмятежно, совсем как ребенок, улыбнулась мне. Взяла мою ладонь, прижала к губам, а потом легла на нее щекой и снова закрыла глаза. Я боялся пошевелиться, любясь ею. Мне дорога эта девочка? Она запала мне в душу? Наверное, да. Я хотел, чтобы эти мгновения продолжались долго-долго, чтобы она спала, а я был рядом, оберегал ее сон и смотрел на нее...

Спи, девочка, спи. Не держись за меня. Это всего лишь сиюминутный порыв, следствие усталости. Там, на Большой земле, ты можешь добиться всего, чего только хочешь, мы станем чужими друг другу людьми...

Покинув лазарет, я сразу снова увидел мужчину с автоматом, который делал вид, что я ему до лампочки. Надо проверить, насколько он неуклюже шпионит за мной. Воровато оглянувшись, я быстрыми шагами зашел за угол, прислонился к стене и сложил на груди руки. Ждать пришлось недолго. Грохоча ботинками и тяжело дыша, мой преследователь выскочил из-за угла, едва не налетев на меня, тотчас остановился и с предельным вниманием стал рассматривать землю у себя под ногами, словно потерял здесь сто долларов.

— Хэллоу! — приветливо воскликнул я, вскидывая руку вверх, и с лучезарной улыбкой прошествовал мимо.

Теперь шпион старался держаться от меня подальше, но всякий раз, когда я оборачивался, видел его физиономию, выглядывающую из-за угла здания или забора. Меня интересовал вопрос: насколько будут серьезны его намерения задержать меня, если я попытаюсь выйти за пределы лагеря?

На ровной площадке, засыпанной песком и огороженной колючей проволокой, я увидел группу людей в военной форме, которые с усердием чистили и смазывали орудия. Пока я шел мимо площадки, то успел насчитать никак не меньше десяти гаубиц и дюжины минометов. По периметру стояли колесные бронетранспортеры вполне грозного вида. Вдоль техники, поглядывая за работой подчиненных, ходили командиры. Они покрикивали на бойцов и пинками учили их добросовестности. Стоило мне замедлить шаг и остановиться напротив бронетранспортера, как тотчас ко мне подскочил один из командиров и, размахивая руками, что-то грозно выкрикнул. Не знаю, на каком языке он ко мне обращался, но я сразу понял, что он просил меня обратиться вон.

Размышляя над тем, какое отношение эта военизированная компания имеет к Игре и какими снарядами — резиновыми или обыкновенными — стреляют эти гаубицы, я дошел до конца лагеря. Дорога привела меня к выездным воротам, опутанным колючей проволокой. Тут же были оборудованы огневые позиции, и над мешками с песком торчали головы в касках. За воротами волнами простирались пологие холмы, между ними змейкой скользила разбитая грунтовка, которая уходила в лес.

В качестве эксперимента я подошел к воротам и сделал вид, что хочу открыть их и выйти из лагеря, но тотчас услышал, как клацнул затвор. Один из бойцов, сидящих в окопе, зарычал и направил на меня автоматный ствол. Я улыбнулся и отрицательно покрутил головой, давая понять, что вовсе не хочу менять столь близкий моему сердцу и несказанно гостеприимный лагерь на проклятую свободу.

Мой шпион, зная, что через ворота я не смогу выйти, спокойно стоял поодаль, дожидаясь, когда я поверну в обратную сторону. Я так и сделал.

В душе вдруг появилось чувство азарта. Что ж, теперь можно и поиграть. Крот приставил ко мне увальня с автоматом и считает, что я не смогу уйти из лагеря?

Площадка с боевой техникой, медицинская часть, котельная... Я шел быстро, едва ли не бежал, увеличивая дистанцию между мной и моим преследователем. Затем кинулся к трубе, схватился за скобы и поднялся до середины. Тут объявился мой шпион. Хватая воздух широко раскрытым ртом, он замер у подножия трубы и принялся с тревогой озираться по сторонам. Во все стороны посмотрел, а вот задрать голову вверх не догадался. Рассерженно взмахнув рукой, он побежал дальше, а я спустился и пошел в другую сторону, прямиком к глинобитному забору. Перемахнул через него и оказался на узкой полосе с высокой, в мой рост, травой. Сзади — глинобитный забор, спереди — колючая проволока, а за ней — чайные плантации и дорога в цивилизованный мир. Я шел к «колючке», раздвигая перед собой траву. Скорее, скорей на свежий воздух из душного, смрадного зала! Вот и она. Я взялся за проволоку и оттянул ее книзу, чтобы перешагнуть. И вдруг кто-то схватил меня за плечо...

Глава 28

— Ты с ума сошел! Там могут быть мины!

Знакомый голос. Я обернулся: Морфичев собственной персоной! Выглядел он хорошо: гладко выбрит, от него пахнет дорогим одеколоном, только вот уж слишком лицо серьезное. Может, геолог до сих пор уверен, что Игра продолжается?..

— Почему ты не ответил на мою последнюю записку, которую я оставил тебе за зеркалом? — продолжал он отчитывать меня.

— Послушай, — сказал я, убирая его руку со своего плеча. — Что тебе от меня надо? Что тебе теперь (я сделал ударение на этом слове) от меня надо? — и снова взялся за проволоку.

Морфичев со злостью схватил меня за воротник рубашки и прошипел:

— Да уймись же ты, Вацура! Отвечай на мои вопросы! Предупреждаю тебя по-хорошему...

Я перехватил руку геолога, вывернул ее на излом, и мы оба рухнули на траву. Теперь я держал его за воротник и с удовольствием наблюдал, как Морфичев приминает затылком траву, кряхтит, скрипит зубами, пытаясь освободиться от моей хватки. Может, теперь он оставит меня в покое? Но он неожиданно вскинул руку, приставил к моему лбу ствол пистолета и, большим пальцем оттянув курок, процедил:

— Ты будешь делать то, что я тебе скажу.

Мне пришлось отпустить его. Отряхнув руки, я встал на ноги.

— Сидеть! — рявкнул Морфичев, продолжая держать меня на прицеле.

Я пожал плечами и сел. Хороший мужик оказался на редкость агрессивным, а я не мог ответить ему той же монетой. Ушла из меня агрессия минувшей ночью, нет больше желания драться. Но что с Морфичевым стряслось? Может, тяжелые испытания слегка повредили его разум? Я помню его совсем другим: спокойным, невозмутимым и даже чуть-чуть чудаковатым. Он тоже сел на землю и затолкал пистолет за пояс. Я равнодушно ждал, что будет дальше.

— Кто-нибудь видел, как ты сюда забрался? — спросил он и снова кинул настороженный взгляд на забор.

— Кроме тебя, пожалуй, никто.

— Ты зачем Акулова на свободу выпустил?

— Жалко стало.

— Жалко?!

Я подумал, что он опять вытащит свой пистолет, но Морфичев лишь выдрал пучок травы с корнями и отшвырнул его в сторону.

— Ты давно знаком с Ирэн?

Я же чувствовал, где собака зарыта! Вот оно что! Его волнует Ирэн. Ну и начал бы допрос с нее, а то ходил вокруг да около.

— Несколько лет.

— Она когда-нибудь упоминала фамилию Лобского?

У меня начали слипаться глаза. Я больше не мог поддерживать этот идиотский разговор и, зевая, сказал:

— Послушай, Морфичев, ты можешь пугать меня своим пистолетом, но я больше не хочу разговаривать с тобой. Тебя интересует Ирэн? Можешь порадоваться. Между нами ничего не было, и ничего нет. Она свободна, как птица в полете.

Морфичев как-то сразу обмяк и опустил голову. Я поднялся и сделал третью попытку перелезть через колючую проволоку.

— Кирилл, — позвал он, но уже совсем другим тоном, — подожди, я должен сказать тебе что-то очень важное. Крайне важное.

Какой я необычный человек! Все хотят сказать мне что-то важное. Вот и Морфичев созрел. Сейчас объявит: «Я люблю Ирэн и хочу на ней жениться!» Но его новость оказалась из другой оперы.

— Я — полковник федеральной службы безопасности и нахожусь здесь по служебной необходимости. — Ему было трудно говорить, он мучился, подыскивая слова. Задача перед ним стояла адская: сказать что-то важное, не говоря ничего. — Я очень надеялся на твою помощь. Но поменяли

пары, чего я не мог предвидеть. Вдобавок, ты не прочитал мою последнюю записку.

— Что ты! — возразил я. — Я прочитал ее... Правда, частично. И несколько поздновато. По правде говоря, почти ничего не понял... Отпусти меня, полковник федеральной службы! Я больше не играю в эти игры!

— Кирилл, это не игра! Речь идет об экспансии, о серьезном международном конфликте!

— Ты думаешь, я знаю, что такое экспансия? И вообще, причем здесь я?

— Да погоди же ты! — Он начал злиться. — Можешь, не перебивая, выслушать меня?.. Под скамейкой, в нашем отсеке, я нашел сумку с каким-то странным предметом. Я спросил у экипажа, и мне сказали, что весь багаж в отсеке принадлежит организаторам Игры. Тогда я незаметно вынес сумку в тамбур, к туалету, и написал тебе, чтобы ты взглянул на эту штуку своим опытным глазом. Ты ведь, если не ошибаюсь, разбираешься в саперном деле? Я просил тебя не поднимать шума и не вызывать подозрений у персонала, если этот предмет покажется тебе опасным, но немедленно сообщить об этом мне. Никакого ответа я от тебя не получил и решил, что мои опасения оказались безосновательными.

— Да, они были безосновательными, — подтвердил я. — Ничего с самолетом не случилось. Он по-прежнему цел и невредим. А по лесу, оказывается, разбросаны обломки муляжа. Это была Игра, Морфичев.

— Ты в этом уверен?

— Конечно! Меня в этом убедил Лобский. И, пожалуйста, не надо меня переубеждать снова. Мой мозг — не бифштекс, он развалится, если его опять перевернуть.

— Хорошо, — согласился Морфичев. — Я выложу перед тобой только надежные и проверенные факты. Постарайся меня не перебивать. У нас очень мало времени, а события развиваются стремительно... Несколько лет назад от Лобского ушла жена. У нее начался роман со студентом Университета дружбы народов Симбуа, причем, настолько бурный, что молодая женщина уехала с темнокожим любовником на его историческую родину... Этот Симбуа оказался необыкновенно хватким парнем и сумел сделать головокружительную политическую карьеру. Сегодня он занимает пост премьер-министра, возглавляет правительство страны, в которой мы с тобой сейчас находимся. Но ничего из ряда вон выходящего не произошло бы, если бы этот молодой правитель не вбухал почти все бюджетные деньги в развитие золотодобывающей промышленности. Он интуитивно чувствовал золото. И началось нечто! Геологи нашли колоссальные месторождения. Оказалось, что здесь повсюду золото, где ни копни. И не просто песчинки, а крупные самородки. Страна начала добывать его в

таком количестве, что через несколько лет будет способна обрушить экономику ведущих мировых государств. В том числе и США. Американские спецслужбы пытались поставить под контроль добычу золота. На Симбу несколько раз покушались, но безуспешно. У него маленькая, но хорошо обученная армия и преданная личная гвардия. Тогда решили прибегнуть к не совсем честному, но достаточно надежному приему: обвинить правительство Симбуа в создании ядерного оружия и ввести в страну войска. — Уже несколько месяцев здесь работает специальная комиссия ООН. Обыскали все, что могли, но даже косвенных намеков на оружие массового уничтожения найти не удалось. Но военная машина запущена, американские авианосцы уже в Индийском океане...

Лобский был у нас под контролем с того момента, когда из Института ядерных технологий при невыясненных обстоятельствах исчезло несколько килограммов изотопа плутония. Металл этот сколь опасный, столь и дорогой. Если изотоп имеет высокую степень обогащения, то для создания бомбы достаточно всего десяти килограммов. В некоторых странах это количество с руками оторвут за тридцать миллионов баксов! За тридцать миллионов, Кирилл! А десять килограммов можно запросто пронести в рюкзаке, если, конечно, имеется специальный контейнер. Мы подозревали Лобского в хищении плутония. Оперативники отработывали его день и ночь, прослушивали телефонные переговоры, контролировали переписку — все по нулям. Лобский был осторожен и хитер... И вот совсем недавно его пригласили в качестве эксперта по алтайской древесине в Соединенные Штаты. Мы не стали препятствовать выезду, хотя с особой тщательностью проверили багаж. Вернувшись, Лобский сразу начал готовить «Игру на выживание». Он открыл счет, на который из США поступила впечатляющая сумма. Затем зафрахтовал самолет, закупил парашюты и снаряжение для участников, нанял несколько сот человек в качестве обслуживающего персонала. Он швырял деньгами налево и направо... Пока можно только догадываться, о чем американцы говорили с Лобским, но совершенно ясно, чем именно он им приглянулся. Лобский имеет доступ к плутонию, но самое главное: у него личные счета с Симбуа, он люто ненавидит этого человека как конкурента, лелеет мечту о его смерти и трепетно ждет, когда жена приползет к нему на коленях...А американцы подсказали ему, как можно расквитаться с Симбуа. Как его втоптать в грязь, унижить, раздавить. Достаточно незаметно пронести на территорию страны и подкинуть под ноги ооновских экспертов контейнер с изотопом, да чтобы рядом оказалась приличная толпа журналистов. И все! Это будет достаточным основанием для введения американских войск. Если Симбуа выживет, его привезут в Гаагу и будут судить военным трибуналом.

Возможно, Морфичев был прав. Возможно, за ширмой Игры Лобский притащил в эту страну изотоп плутония, чтобы подставить ее под удар и удовлетворить свое самолюбие. Но мне какое дело до всего этого? Я незнаком с Симбуа и не испытываю к нему никаких чувств. И к Лобскому я давно остыл. Я всего лишь маленький человек, уставший от житейской суеты и своих мелких проблем.

— Послушай, Морфичев, зачем ты все это рассказываешь? Тебе нужен мой совет? Но я не знаю, что делать. И зачем вообще нужно вмешиваться в чужие дела? Пусть в эту страну высаживаются хоть американцы, хоть чукчи, хоть марсиане — мне все это по барабану.

— Я не прошу тебя помогать правительству Симбуа, — жестко ответил Морфичев. — Я прошу тебя помочь мне — твоему товарищу, твоему знакомому.

— Хорошо! — с раздражением ответил я. — Сейчас я расскажу солдатам, какой Лобский подлец, и какую бяку он собирает здесь отчебучить. Они его арестуют...

— Это не солдаты, — едва разжимая зубы, ответил Морфичев. — Это повстанцы. Они тоже ненавидят Симбуа. Свергнуть власть они не могут — маловато силенок. Зато с успехом контролируют часть приграничной территории. Ее Лобский и выбрал в качестве своей базы... Не все так просто, как тебе кажется.

— А ты не ошибаешься? — на всякий случай спросил я, не давая погаснуть робкой надежде, что мне удастся отделаться от Морфичева. — Может, это лишь продолжение Игры? Золото, экономический обвал, экспансия? Лобский показывал мне сценарий, но я не дочитал его до конца. Теперь жалею.

— Все в жизни игра, — философски заметил Морфичев. — В том числе политика и войны. Жаль, что мы с тобой не оказались в одной паре, у нас было бы достаточно времени поговорить на эту тему. Но хватит об этом. Я получил сведения, что комиссия ООН едет на север страны, где будет проверять заброшенный горно-обогатительный комбинат. Сегодня утром Акулов и Ирэн тоже отправились в северный район, где якобы находится финиш. Это не простое совпадение. Акулов исполняет роль курьера и даже не догадывается об этом.

— Да, — согласился я и аккуратно поправил Морфичева: — Они не ведают, что творят!

— Акулов не ведает! — выразительно посмотрел на меня Морфичев.

Что за чушь он несет, да еще при этом так нагло пялится на меня? Он хочет сказать, что Ирэн знает о содержимом цилиндра?

— Нет, нет! — категорически возразил я и замахал руками. — Ты ошибаешься! Ты это выкинь из головы! Даже думать об этом не смей! Это полный бред!

— Может быть, тебе неприятно об этом слышать, — твердо добавил Морфичев, — но факты говорят сами за себя: она сотрудничает с Лобским.

— Да, она с ним сотрудничает, но только в рамках Игры! Она уверена, что все это — шоу!

— Это еще надо проверить, — смерил меня холодным взглядом Морфичев и поднялся на ноги.

Я тоже вскочил и крепко схватил его за локоть.

— Я знаю Ирэн не один день!. Она не станет заниматься грязными делами, тем более — связанными с политикой!

— Я должен это проверить, — невозмутимо ответил Морфичев.

— Выбрось идиотские подозрения из головы! — требовал я. — Ирэн не знает и знать не может, что на самом деле находится в цилиндре!

— Она сама сказала тебе об этом?

— Я понимаю, что тебе нужны только факты и доказательства. Но что делать, если у меня нет ничего, кроме бесконечной веры в Ирэн? Я верю ей, как самому себе!

— А разве я заставляю тебя изменить свое мнение? Верить — верить, это твое право. Но если хочешь меня в чем-то убедить, то нам следует потопотреться.

— Уговорил, — сказал я. — Давай погоняемся за Акуловым. Но с Симбуа потом — ящик водки!

Глава 29

Памятуя, как дотошно Морфичев готовил меня к Игре, я ожидал подробного инструктажа, но ничего подобного не произошло. Морфичев молчал, пока мы перелезали через забор и быстро шагали по центральной улочке лагеря. Тогда я мягко поинтересовался, какая передо мной стоит задача. На что он лаконично ответил: «Та же, что и передо мной», и свернул на площадку, где бойцы обслуживали технику. Наглый и уверенный вид всегда действует на людей магически. Никто не остановил нас и не крикнул нам вслед, пока мы не дошли до начищенного до блеска бронетранспортера. Только тогда какой-то малорослый начальник с громкими воплями подскочил к нам. Мне понравилась реакция Морфичева. Он обернулся и посмотрел на него столь уничижительно, с таким глубоким и безусловным презрением, что тот на мгновение опешил и заткнулся. Морфичев занес ногу,

чтобы встать на колесо и подняться на броню, но начальник, придя в себя, схватил его за руку. Безо всяких раздумий Морфичев послал свой кулак ему прямо в челюсть. Я последовал его примеру и поочередно приложился кулаком к двум физиономиям, которые были ко мне ближе всего.

И тут началось! Вся повстанческая братва одновременно заголосила и кинулась на нас, размахивая промасленными тряпками и гаечными ключами. Морфичев нырнул через люк на водительское сиденье и запустил двигатель. Я задержался на броне, отбиваясь ногами от десятков рук, которые пытались стащить меня на землю. Морфичев надавил на акселератор, машина дико взвыла и дала задний ход. Где-то рядом прогремела автоматная очередь. Я съехал в люк головой вперед и крикнул:

— В медицинский пункт давай!

— Что?! Какой еще медицинский пункт? Тебя ранило?

— Надо забрать Марго!

— Кирилл, у нас нет времени!

— Ее нельзя здесь оставлять!

Морфичев выругался, но все же круто вывернул руль и дал газу. Не притормаживая, съехал с дороги, разнес в щепки деревянную ограду, придавил кусты, ломая их многотонной тяжестью колес, и остановился у мутного окошка медицинского пункта. Я выскочил на броню, прыгнул на горячий передок и выбил окно ногой. Согнувшись в три погибели, забрался внутрь и крикнул:

— Марго!

В первое мгновение мне показалось, что девушки здесь нет. Но тотчас скрипнула ржавая панцирная сетка, взметнулось рваное одеяло, и Марго растерянными глазами уставилась на меня.

— Кирюша! — восторженно завопила она, вскакивая с койки, кинулась на меня, схватила за уши и принялась покрывать мое лицо поцелуями. — Как хорошо, что ты пришел! А мне было так тоскливо, так одиноко, что я даже плакала!

Я схватил ее на руки и поставил на подоконник.

— Быстро в окно!

Бронетранспортер нетерпеливо выл мотором, и Марго прямо с подоконника прыгнула на броню.

— Как здорово! Что ты затеял? А я думала, что все, Игра закончена, и ты уехал, бросил меня. Это что, танк?

Откуда-то прогремела автоматная очередь. Морфичев, высунувшись из люка, обложил нас матом. С треском ломая остатки забора, машина задним ходом выехала на дорогу. Я сорвал с крепежей пулемет и, высунувшись из люка по пояс, начал поливать длинными очередями придо-

рожные кусты. Машина, оставляя за собой глубокие отпечатки на сырой глине, стремительно набирала скорость и неслась на ворота пропускного пункта. Бойцы повыскакивали из окопов и, размахивая автоматными стволами, выбежали на дорогу. Я дал короткую очередь поверх голов, и они сразу кинулись врассыпную, повалились на землю, остались видны только их каски, похожие на болотные кочки.

Удар! Ворота, сорвавшись с петель, разлетелись в разные стороны. Бронетранспортер вырвался на волю и, раскидывая во все стороны комки глины, помчался среди чайных кустов. Сзади началась беспорядочная стрельба, и я нырнул в люк.

Дорога свернула в лес, и Морфичев сбавил скорость. Теперь можно было отпустить скобы, не рискуя разбить себе голову.

Я снова выбрался на броню, с наслаждением подставив лицо сырому лесному воздуху. Бронированная машина лихо катилась по разбитой, местами залитой водой грунтовке. Соскучившись сидеть за вспотевшей спиной Морфичева, Марго последовала моему примеру.

— Ты как в медпункт попала? — спросил я.

— Песни громко пела, и меня разыскали солдаты. Отвели к Кроту. Он сказал, что я проиграла, и теперь мне надо лечиться...

Что было со мной, ее не интересовало. Марго даже не спросила, сумел я помочь Ирэн или нет. И эта нелюбознательность давалась ей без усилий, что на мою юную спутницу было совсем не похоже. Значит, она узнала у Крота все, что хотела...

Лес закончился, и мы снова выскочили на поле. Через несколько сотен метров под колеса бронетранспортера легла хоть и плохонькая, но асфальтовая дорога с телеграфными столбами на обочине и ветхими указателями населенных пунктов. Морфичев, почувствовав близость цели, придавил акселератор, и боевая машина стальным чудищем помчалась вперед.

— По этой дороге должна была следовать миссия ООН! — крикнул мне Морфичев, когда я сел рядом с ним. — Надо попытаться задержать ее любой ценой!

Через четверть часа мы нагнали колонну, состоящую из десятка белых джипов с голубой надписью «UNO» на бортах. Возглавляли и замыкали колонну два полицейских автомобиля. Едва Морфичев пристроился в хвост колонне, из крайней машины высунулся полицейский и принялся грозно размахивать рукой в белой перчатке, приказывая нам убираться отсюда подобру-поздорову. Морфичев прибавил газу и пошел на обгон. Машины, идущие по встречной полосе, в ужасе съезжали на обочину. Марго, высунувшись из люка, послала полицейскому воздушный поцелуй. Мы мчались вперед, приближаясь к голове колонны. Джипы дрогнули

перед тупой мощью боевой машины и невольно стали тесниться к обочине. Журналисты, сидящие вместе с инспекторами, быстро сориентировались и нацелили на нас фотоаппараты и видеокамеры. Яркая блондинка с распущенными волосами схватила микрофон и, прижав его к губам, громко заговорила по-французски. Да, подумал я, скандала нам не избежать.

Мы приблизились к голове колонны. Полицейская машина, которую мы немного потравили выхлопным газом, пыталась нас преследовать и даже включила проблесковый маячок, но не рассчитала скорости, влетела в дорожную выбоину, где и осталась. Вторая машина, возглавляющая шествие, не стала заниматься подобной глупостью и покорно уступила свое место нам. Похоже, у Морфичева возникла идея увести колонну в другом направлении, но ооновцы на такую приманку не попались, и колонна, постепенно загасив скорость, остановилась.

Мы продолжали болидом мчаться вперед.

— Надо остановить их на несколько часов! — кричал Морфичев. — Поищи в ящиках, может, есть лопата!

— Ты предлагаешь выкопать ров?

— А что ты еще умеешь делать?

Мне вовсе не хотелось рыть посреди дороги котлован или, скажем, сваривать из рельсов противотанковые ежи. Пора было прийти к нему на помощь и предложить свои варианты. Я попросил у него карту. Морфичев протянул мне помятый лист бумаги с паутиной бледных линий. По-видимому, эту примитивную схему он скачал из Интернета и распечатал на плохеньком принтере, тем не менее, я сумел сориентироваться и найти наше местоположение. Тонкая ломаная линия, означающая дорогу, соединяла город Стыкур и некий объект Хин, условно обозначенный домиком с остроугольной крышей и дымящей рядом с ним трубой. Скорее всего, это и был горно-обогатительный комбинат, который намеревалась инспектировать комиссия. Двигаясь в его сторону, мы обязательно должны были пересечь небольшую реку, обозначенную на схеме. А если есть река, то будет и мост. Правда, мне еще никогда в жизни не приходилось взрывать, разводить или обрушивать мосты, и я не испытывал желания это делать, но другого выхода у нас не было.

Я сказал об этом Морфичеву. Он выхватил у меня из рук карту, глянул на нее и, скомкав, кинул на пол. Лицо его выражало плохо скрытую тревогу. Видимо, его беспокоило то, что мы до сих пор не догнали джип Акулова, а расстояние от колонны ООН до горно-обогатительного комбината стремительно сокращалось. К тому же мост, который я предлагал вывести из строя, находился на критически малом расстоянии от конечной цели инспекторов. Когда мы обгоняли какую-либо легковушку, Морфичев

отчаянно сигналил, заставляя ее снизить скорость и прижаться к краю дороги, и тогда я мог рассмотреть лица всех пассажиров, сидящих в салоне. Я делал это лишь для очистки совести, так как был уверен: догнать Акулова и Ирэн не сможем, как бы ни торопились. Слишком велик был разрыв во времени, они выехали из лагеря на два, а то и на три часа раньше нас и наверняка уже добрались до конечной точки. Но вот сумели ли они пронести на территорию комбината свою адскую ношу или нет, наверняка сказать было трудно. Это зависело и от смелости, хитрости и упорства Акулова, и от надежности охраны. В конце концов, от глубины глупости и доверчивости моей Ирэн, которая, смею надеяться, все происходящее по-прежнему принимала за Игру. Как бы то ни было, главные события ждали нас на территории комбината. Мне не хотелось преждевременно думать о том, выполнима ли в принципе та миссия, в которую меня втянул Морфичев. Незаметно проникнуть в помещение секретной лаборатории и оставить там капсулу с боевым плутонием сложно, очень сложно. Но sokkal сложнее ее оттуда вынести!

Проехав несколько десятков километров вдоль нескончаемого рисового поля, мы, наконец, выскочили на мост. Именно таким я себе его и представлял: старый, ржавый и скрипучий. Под колесами бронетранспортера он угрожающе закачался, опоры заходили ходуном, и грязно-желтая речная вода под ним пошла морщинами. Морфичев переехал на другую сторону и перегородил проезд.

— Перекрой дорогу с другой стороны! — крикнул он Марго и взялся за металлический трос с крюком, лежавший на полу. Раздирая руки до крови, мы вытащили его на броню и оттуда скинули на землю.

Марго отнеслась к поручению с особой тщательностью. Она встала перед мостом посреди дороги, широко расставив ноги и подбоченившись, а при появлении какой-либо машины властно вскидывала вверх руку.

Через несколько минут с обеих сторон моста скопилось приличное количество машин. Самые нервные и нетерпеливые начали подавать протяжные гудки, умные разворачивались и уезжали в обратную сторону. Несколько водителей, стоявших в заторе в числе первых, подошли к Марго, обступили ее и одновременно стали высказывать свое возмущение. Но у девушки хватало ума и такта гасить конфликт. Мило улыбаясь, она волнующим голосом повторяла:

— Excuse, it is the order¹.

---

¹ Извините, это приказ.

Водителям этого было достаточно, они тоже начинали улыбаться, с пониманием кивали головами и возвращались к своим машинам.

Тем временем мы с Морфичевым пытались зацепить крюком край листа рифленого железа, которым была застелена проезжая часть моста, надеясь, что крюк, подобно плугу, сорвет с него все покрытие, сделав его непреодолимым для машин. Но получалось плохо, крюк не держался и наверняка не выдержал бы даже слабой нагрузки. Тут к нам на помощь подошли два чумазых водителя. Подвинув нас, они со знанием дела принялись связывать трос петлей, накинули петлю на угол листа, и я крикнул:

— Марго! Иди в машину!

И тут очень низко, оглушая пространство тяжелым рокотом, над мостом пронесся черный вертолет с узким и вытянутым, как у утконоса, передком, с боевыми подвесками на куцых крыльях, с полупрозрачной «тарелкой» вращающихся лопастей, и, едва в нос шибанул запах керосина и горячего металла, как воздух задрожал от тяжелой пулеметной очереди. Казалось, винтокрылая машина садится прямо нам на головы, чтобы срезать их с тонким свистом, как остро отточенная коса срезает головки одуванчиков... Толпа с воплями рассыпалась по берегу реки и дороге. Водители прятались в салонах своих машин, кидались под колеса и накрывали руками головы. Марго едва не побежала следом за ними, но я в последний момент успел подбежать к ней, схватить ее за руку и потащить через мост. Вертолет, облетев рисовое поле, вновь опустил свою узкую головку, как свирепый бычок, и понесся на бронетранспортер. Морфичев, отвязав от машины трос, что-то крикнул нам и едва успел нырнуть в люк. К грохоту лопастей примешался тяжелый стук пулемета, и, взрывая изнутри землю, в воздух взметнулись фонтаны пыли; они вырастали друг за другом и быстро приближались к боевой машине. Высекая искры, броню ужалило несколько пуль...

Мы с Марго успели добраться до бронетранспортера и залезть на его броню до того, как вертолет в третий раз сделал боевой разворот. Сгрудившиеся у моста машины закрыли дорогу, поэтому Морфичеву пришлось скатиться на обочину и, глубоко увязнув в рисовом поле, поехать к кромке леса. Только лес мог спасти нас от изрыгающего огонь вертолета!

Я успел затолкать Марго в люк до того момента, когда, сорвавшись с подвесок вертолета, в нашу сторону понеслись ракеты. Все произошло настолько стремительно, что я успел лишь прижаться грудью к броне и накрыть руками голову. Мне показалось, что взорвался воздух. Броня дрогнула подо мной, горячая волна прошла по моему затылку, и запахло чем-то горько-кислым.

Я поднял голову. Перед глазами плыли розовые круги, в ушах звенело. Бронетранспортер, переваливаясь из стороны в сторону, словно старая

телега, по-прежнему полз к лесу. Вокруг дымились аккуратные овальные воронки, словно выкопанные для посадки деревьев. Я крутил головой, потеряв из виду вертолет... Но вот он! Летит бесшумно, плавно, кажется, что висит на одном месте — маленький, безобидный, как стрекоза в летний полдень над рекой.

— Нас приняли за повстанцев! — крикнул Морфичев, когда я спустился в люк. — Дело дрянь. Надо успеть к лесу, иначе из нас мясные консервы сделают!

Бронетранспортер водило из стороны в сторону, и он все глубже увязал в мокром грунте. Только я предложил выбраться наружу и устремиться к лесу бегом, как где-то рядом шарахнуло с необыкновенной силой, и мы с Марго повалились друг на друга. Путаясь в пулеметной ленте, я прикинул к перископу, чтобы посмотреть — низверглись мы в преисподнюю или еще нет, и не поверил своим глазам. В какой-нибудь сотне метров от нас, вдоль кромки леса, полз зеленый, в желтых пятнах, танк. Его массивный ствол был нацелен прямо на нас. Из люков трансмиссии вырывались черные струи выхлопного дыма. Тяжелые гусеницы подминали под себя кусты и молодые деревца... Танк — это уже слишком! Мне в жизни приходилось драться и с людьми, и с животными, доводилось вступать в единоборство с маньяками, серийными убийцами и садистами, но с танковым армейским подразделением — никогда...

Морфичев лихорадочно дергал рычаги, давил на акселератор, бронетранспортер выл и скулил, но не мог двинуться с места — то ли ему повредило движок, то ли разворотило колеса.

— Уходим! — крикнул он и полез в люк.

Я выбрался на броню, распластался на ней, как ящерица на камне, и подал руку Марго. Уносить ноги! Как можно скорей уносить ноги! Мы переступили черту дозволенного. Военные не станут разбираться, кто мы и с какой целью пытались остановить колонну инспекторов. Они наверняка приняли нас за террористов и будут лупить по нам беспощадно, пока у нас дым из ушей не пойдет.

Мы побежали к лесу. Никогда не думал, что у Марго такие хорошие спринтерские данные, даже мне было непросто за ней угнаться. Морфичев спешил за нами, пригнувшись и озираясь по сторонам. Опять нас накрыло тенью и обдало запахом керосина. Вертолет развернулся на месте, задрал хвост и дал ракетный залп. Огненные стрелы устремились в бронетранспортер. Одна из ракет угодила прямо в открытый люк, разорвалась внутри, и окутанная пламенем и дымом машина перевернулась на бок. Взрывная волна кинула нас на землю. Марго тихо поскуливала от страха и судорожно мяла в кулаке нежные зеленые побеги. Танк с тупым упрям-

ством пер прямо на нас, нацелив черный глаз орудийного дула. Оглушительно прогремел выстрел из танкового орудия, и тотчас бронетранспортер разорвался на куски, словно банка с консервами, брошенная в костер. Нестерпимый жар, вонь, гарь, дым!

К нам подполз Морфичев. Лицо его было черным от копоти. В руке он сжимал пистолет, и глаза его были полны твердой решимости стоять насмерть.

— Ползите назад! — хрипло крикнул он нам. — Назад! На дорогу! Уходите! Я вас прикрою!

И только тогда я понял, почему мы должны отходить. Из-за танка, низко пригибаясь к земле, веером рассыпались в обе стороны пехотинцы. Мать честная! Да это ведь классический боевой порядок! Солдаты разворачивались в цепь!

Я даже головой потряс, чтобы очнуться от этого кошмара. Что происходит? Куда мы попали? Неужели эта хорошо организованная боевая операция с применением авиации и тяжелой гусеничной техники затеяна только ради того, чтобы умертвить нас, трех человечков с повернутыми на Игре мозгами? А может быть, все это — действительно Игра, и коварный Крот сидит перед компьютером и джойстиком управляет всеми...

— Нас могут арестовать, — как можно спокойнее сказал я Марго и погладил ее по щеке. — И наверняка посадят по отдельным камерам. Но ты ничего не бойся. На допросах говори все, как было. Тебе нечего скрывать.

— А за что нас посадят?

— По недоразумению.

— А... а если тебя выпустят раньше, ты подождешь меня?

— Конечно. Я теперь без тебя — ни шагу!

— Правда?

Вертолет, облетев поле, начал снижаться и сел у края леса. Мы видели, как открылась дверь и, словно язык из пасти чудовища, выползла стремянка. По ней стали сходить люди. Человек пять или семь, в бежевой форме, в кепи. Некоторые из них что-то держали в руках.

Танк остановился и заглушил двигатель. Цепь пехотинцев перестала сжиматься вокруг нас. Солдаты расслабились, опустили автоматы. Кто-то сел в траву.

И стало тихо-тихо...

Глава 30

Трое из людей, вышедших из вертолета, приближались к нам. Два солдата с автоматами несли складной стол и шезлонг. Последним, раскачивая

плечами из стороны в сторону, шел Крот. Ему было жарко, и он безостановочно вытирал вспотевшее лицо платком. Приблизившись к нам, Крот опустился в расставленный шезлонг и закинул ногу на ногу.

На столе появилась бутылка с минеральной водой, стаканы и портативная магнитола. Крот нетвердой рукой плеснул в стакан шипящей водички и жадно выпил.

Никто из нас не проронил ни звука. Происходило то, чему мы не могли дать логического объяснения. Откуда здесь взялся этот вездесущий Крот? Почему солдаты стоят перед ним навтыяжку, как перед генералом?

— Ну что примолкли? — буркнул Крот и вновь взялся за стакан. — Думаете, вы игроки? Увы, увы, это вам только кажется. Игрок — я, а вы — всего лишь мои фигуры. Пешки... По сути, вы тут вообще никто. Граждане России, незаконно перешедшие границу независимого государства. Преступники, подлежащие уничтожению.

— А разве вы не такой же преступник? — не сдержалась Марго. — Вы хуже! Вы — организатор! Да у меня десятки знакомых следователей, которые без труда пришьют вам уголовную статью!

— Какой же я преступник? — рассмеялся Крот. — Я действую от имени и по поручению премьер-министра Симбуа. Мне вверены судьбы моих запуганных, отчаявшихся, затравленных соотечественников, потерявшихся в бескрайних лесах страны. И на этот счет есть документ... — Он вынул из накладного кармана сложенный лист, украшенный разноцветными вензелями и печатями, развернул его и зачитал: — «Я, премьер-министр страны, действуя на основе конституции, возлагаю чрезвычайные и абсолютные полномочия на господина Лобского...» Ну и так далее по тексту.

— Хорошая бумажка, — оценил я, — мне б такую.

— Э-э-э, дружок! — произнес Крот и, прищутив глаз, погрозил мне пальцем. — Такая власть — не для всех. А лишь для избранных.

— Это точно, что для избранных, — согласился я. — Таких сволочей, которые способны обменять собственную дочь на бумажку, единицы.

Лицо Крота помертвело..

— Заткнись, Вацура! — процедил он. — Не твоего ума дела, на что я ее променял. Не тебе судить о моих делах! Все вы — дерьмо! Вы свое уже отыграли. Теперь начинается моя игра.

Я сломал Кроту весь сценарий. Он хотел выглядеть спокойным, улыбающимся шутником и наслаждаться своей властью над нами, но упоминание о дочери оказалось точным ударом по самому больному месту. Морфичев, воспользовавшись моментом, тотчас сказал:

— Тебе ведь уже неплохо заплатили за то, что ты украл из института изотоп плутония. И чего тебя сюда понесло? Зачем мучился, глотал мошкарку, тонул в болотах? Ты же воришка! Тебе надо все время поддержи-

вать себя в форме! Глядишь, может быть, еще какой-нибудь изотоп спербы, сейчас за радиоактивные материалы хорошо платят.

Это был второй удар, и Крот так же болезненно воспринял его.

— Ты, полковник, напоминаешь мне спаниеля, натасканного на поиски наркотиков, — процедил он, сиюсья расслабить лицо и улыбнуться. — Все пронюхал, ищейка? Влез со своими грязными ногами в мою личную жизнь?

— Твоя поганая личная жизнь меня совсем не интересует, — спокойно ответил Морфичев.

— Ага, конечно, — ухмыльнулся Крот, — вы все ввязались в Игру ради денег! Я вас всех купил на корню! А что для меня деньги? Я в них давно разочаровался. И плутоний я вынес из института вовсе не ради денег. Счастливым человека делает лишь власть, величие, осознание, что ты — гора, каменный сфинкс. Ты вечен. Ты бессмертен...

— По-моему, все проще, Лобский, — сказал я. — Тебе не величия хочется. И даже не власти. Тебе всего-то нужно удовлетворить уязвленное самолюбие рогоносца.

— А что плохого в удовлетворении самолюбия? — вспылил Крот и даже привстал с шезлонга. — Да, я ненавижу правителя этой страны! И это нормально, это естественно! Потому что он украл у меня жену, и мне ее до сих пор жалко, я не могу смотреть, как она страдает вдали от родины, без ребенка! И повстанцы ненавидят Симбуа, потому что он не позволяет им жить по своим родовым обычаям!! Вот сколько людей мечтают увидеть Симбуа на скамье подсудимых! Вот что нас всех объединяет! И в его свержении весь смысл Игры, которую я затеял. — Он вздохнул и, посмотрев на часы, пробормотал: — Нет, рановато. Новости от Ай-би-ай будут только через двадцать минут. Но ваши храбрые товарищи уже наверняка пронесли на территорию комбината капсулу и передали ее сочувствующему нам человеку. Этот человек капсулу распакует и выложит металл в шкаф. Конечно, радиационный фон будет ужасным. Остается дожидаться, когда миссия глянёт на свои дозиметры и найдет изотоп, а журналисты разрезвонят по всему миру о том, что в этой стране обнаружен компонент ядерного оружия. И тогда...застонет земля от ударов крылатых ракет и авиационных бомб. И здесь будут насажены другие порядки. Симбуа умоется кровью своего народа... Он не подозревает, как близок его крах! Я его достал! Он скоро будет корчиться, хныкать у моих ног! И моя жена приползет ко мне на коленях!.. Вот, дорогие мои, вот когда для меня наступит минута блаженства! Вот когда свершится высшая справедливость!

Как же я раньше не заметил, что Крот — психически ненормальный человек? У него мания величия, синдром навязчивой идеи отомстить цело-

му государству за оскорбленное самолюбие. И самое страшное то, что он почти добился своего, а мы ничего не можем сделать...

Морфичеву надоело стоять, и он сел на траву, сорвал какой-то цветок и стал обрывать ему лепестки. Марго встала ближе ко мне, то ли испытывая потребность защитить меня, то ли надеясь на то, что я смогу ее защитить.

— Но что особенно приятно, — продолжал Крот, сделав большой глоток из бутылки, — это возвышенное, очищающее, облагораживающее чувство творчества. Признайтесь, дорогие мои соотечественники, кто из вас хоть раз в жизни занимался творчеством? Увы, никто. А я, ребятки, это прочувствовал! Я вкусил этот сладкий плод! Игра — это мое детище, созданный мною шедевр искусства, выстраданное мною произведение. И сейчас я ставлю в длинном тексте точку. Жирную, круглую точку! Конечно, не все было гладко. Во-первых, меня подвел ты, Кирилл. Не скрою, свою жизнь я мог доверить только тебе. У тебя огромный опыт и в меру крутые амбиции. В общем, ты тот парень, который был мне нужен. Но ты вонзил мне нож в спину, отказавшись идти со мной в одной паре! Признаюсь, в тот момент я даже растерялся. Но потом мне пришла в голову идея изменить очередность прыжков. И мы с тобой оказались вместе!.. Во-вторых, ошиблись пилоты. Они дали команду на прыжки слишком рано, и мы приземлились достаточно далеко от базы повстанцев. Но ничего! Как видите, плутоний доставлен вовремя. Никто, даже члены экипажа не знали, что я главная фигура Игры. В эту тайну была посвящена только Ирэн, но она, как дурочка, слепо верила мне, потому что ее пронизательная наблюдательность была приглушена чувством мести, и ты, Кирилл, догадываешься, кому и за что она хотела отомстить.

По моему замыслу, опуститься на землю с парашютами должны были только четверо: я, Кирилл, Ирэн и ты, полковник. Остальные должны были погибнуть в авиакатастрофе. Для этого я пронес на борт часовую бомбу. Она взорвалась с некоторым опозданием, и дрянная девчонка успела покинуть самолет. М-да, очень жаль... Какие, однако, страшные вещи я вам рассказываю, да? Сердце в груди замирает, не правда ли?.. Но не будем отвлекаться. Бомба взорвалась, но из-за того, что в самолете оставалось совсем мало топлива, красивого фейерверка не произошло. Самолет планировал на лес и развалился на части. Как я потом узнал, выжили еще четверо: Акулов, Алла, лысый тренер и молодой парень, имени его не знаю. Я чувствовал, что кто-то мог уцелеть, поэтому под надуманным предлогом отправился в одиночку искать обломки самолета. Я нашел их очень быстро, а потом и двух раненых — тренера и парня. Они очень мучились, и я посчитал, что если добыю их, это будет актом гуманизма... Но вот того, что с ними была Алла, я не знал. Должно быть, звук выстрелов прервал ее хмельной сон, и она из кустов подсмотрела, что я делаю. Позже я убедился, что она

действительно видела мой «акт гуманизма», и ей очень хотелось продать Кириллу эту тайну за стакан спирта. Пришлось подрезать веревку, чтобы эта порочная женщина больше не пыталась торговать чужими тайнами. Я вообще по своей сути очень справедливый и добрый человек, и не хотел никого убивать, но все вокруг буквально толкали меня на этот ужасный шаг! Неужто я возжелал бы твоей смерти, Кирилл, если бы ты не допустил непростительной оплошности! Зачем спросил у Аллы, слышала ли она на обрыве выстрелы? Ведь ты тем самым подписал себе смертный приговор! Пришлось заманить тебя в сети, и эту задачу я поручил Ирэн. Вот у кого голова хорошо варит, когда дело касается Кирилла Вацурь! И ты попался на крючок. Темная камера, подготовка к казни — жуть! Я слышал ваши разговоры о любви, о конце жизни, о том, что много еще не сделано...

— Какая же ты сволочь, Лобский! — процедил я.

— Нехорошо, — покачал он головой. — Нехорошо называть меня таким словом. Я мог казнить тебя сегодня утром. Но я подарил тебе еще немного жизни. Мало того, я убедил тебя, что все это — Игра, и тем самым очистил твою душу от подозрений и мучительных сомнений. И, коль дрянная девчонка сама пришла ко мне на базу, у меня родилась гениальная идея использовать вас троих еще раз. Я узнал, что полковник воспользовался Интернетом, и с удовольствием прочитал всю его переписку. Он спрашивал у своих ищеек в Москве, где и когда будет работать комиссия экспертов. Мне стало понятно, что наш бравый полковник обязательно ринется вдогонку за Акуловым и Ирэн. И наверняка прихватит с собой вас. Очень кстати! Мне нужны были дурачки, которые наделали бы много шума и привлекли бы к себе внимание, оставив в тени Акулова и Ирэн. Так и случилось. Вы блестяще справились со своей задачей и больше мне не нужны. Я использовал вас на все сто процентов. Я доложу премьер-министру, что вы оказали ростное сопротивление, и мне пришлось дать команду применить огонь на поражение. Увы, увy, друзья мои. Как ни печально, но это так...

Мы с Марго одновременно вздрогнули от выстрелов. В первое мгновение я подумал, что у кого-то из автоматчиков не выдержали нервы, и он открыл по нам огонь. Но я не чувствовал боли, и меня не покидало сознание. И Марго по-прежнему стояла рядом со мной, лишь крепче обхватила мою руку. А Крот... Я не мог поверить в это чудо! Негодяй хрипел, корчился; шезлонг вместе с ним опрокинулся, и он, раскрыв рот, затих, его рука безвольно упала на землю.

Обернувшись, я увидел Морфичева. Полковник, сидя на траве, держал в вытянутой руке пистолет. Ощущение восторжествовавшей справедливости мгновенно вытеснил безысходный ужас. Что он наделал! Тут же захотали автоматы. Несколько длинных очередей повалили Морфичева

навзничь. Он сжал обеими руками траву и замер. Марго за моей спиной тонко запищала. Теперь наша очередь... Сейчас наступит темнота. Сейчас... Все произойдет легко и быстро. Умирать не страшно, главное, Крот получил свое, а моя жизнь ничего не стоит. Сейчас... Быстрее же, быстрее!.. Но нет, я все еще живу, я дышу, чувствую теплый ветер на щеке и лицо Марго, прижавшееся к моей спине. Она слабая, беззащитная. Все ее сноуборды, полеты на воздушных шарах, подводные плавания, ее нарочитая грубость и неестественный цинизм — всего лишь попытка поставить себя с этим жестоким миром на равных. А сейчас она стала сама собой. И ей страшно, и она плачет, и прижимается ко мне, и уже не вспоминает о всеильном мобильнике...

Вдруг Марго ударила меня кулаком по спине и крикнула:

— Подонок!

Подонок? Почему подонок?.. Нет, это адресовано не мне. Сжимая кулаки, Марго смотрела на Крота. Я тоже кинул взгляд на мертвое лицо, и мне показалось, что у меня волосы встают дыбом. Крот, улыбаясь, открыл глаза и подмигнул мне. Потом протянул руку, и ошарашенные солдаты по-мogli ему подняться.

— Такой костюм испортил, — проворчал Крот.

Он неторопливо расстегнул уговицы, стащил дырявую куртку, затем — через голову — оливковую майку. Под ней оказался бронежилет. Пули застряли в нем, словно изюминки в пироге. Он его тоже снял и кинул на землю.

Увы, справедливость не восторжествовала...

Двое солдат взяли Морфичева за ноги и отволокли в сторону. Я не мог смотреть, как безжизненно катается его голова, как из расслабленных ладоней выпадают пучки травы. Космический холод и чернота заполнили мою душу, ничего в ней не осталось от прежнего Вацуры...

— О-о! Идут! — вдруг крикнул Крот и стал шлепать себя ладонями по груди. — А я в рваной майке! Какой стыд! Где мой смокинг? Где оркестр, цветы, лавровый венок?.. Даже расчески нет, чтобы причесаться! Кирилл, я хорошо выгляжу? Я не слишком бледен?

О чем он? Что за бред? Я посмотрел в сторону шоссе. На обочине стоял низкий армейский джип, и от него напрямик к нам неторопливо шли... Акулов и Ирэн. У меня сердце сжалось от предчувствия той боли, какую сейчас было суждено испытать Ирэн. Какое потрясение ей предстоит пережить! Крот скакал вокруг стола как мячик и потирал руки, предвкушая удовольствие, с каким он будет раскрывать перед ними карты. Я опустил голову, чтобы не увидеть лица Ирэн. Наверное, сейчас она счастлива. Она считает, что утерла мне нос, показала, что не лыком шита и не только обошлась без меня, так еще и победила в Игре!.. Лучше мне не видеть и не слышать, что с ней будет потом, когда она узнает всю правду.

Марго перестала плакать, торопливо вытерла слезы рукавом, даже попыталась наспех поправить прическу — как же, соперница идет!

— Вы только посмотрите, посмотрите на них! — продолжал юродствовать Крот. — Какая поступь! Какая значимость в движениях! Сколько неподдельной гордости! Победители идут! Победители!

— А где оркестр? — требовательно произнес Акулов. — Почему не исполняется туш?

Я с трудом поднял глаза и тотчас встретился с ним взглядом. Мне показалось, что Акулов как-то странно посмотрел на меня, а Ирэн... меня вообще удивила. Она вовсе не выглядела счастливой и гордой. Она смотрела на меня одно короткое мгновение, и ее глаза кричали: «Прости!»

— Туш? — спросил Крот. — А где доклад о выполнении последнего задания?

— Все сделано! — ответил Акулов.

— Занесли колбу на территорию комбината?

— Занесли. И передали кому надо.

Физиономия Крота расплылась в улыбке. Он сложил ладони, изображая трубу, и поднес их ко рту.

— Тогда вот вам туш...

Ирэн стояла поодаль. Она была безучастна и напряжена. Взгляд, мечущийся, бессмысленный, лишь раз скользнул по Марго. Акулов излучал самодовольство. Он расхаживал перед столиком, поднимал и разводил в сторону руки, словно на нем был тесный костюм, играл мускулами, щелкал суставами пальцев.

— Денег, наверное, хочешь? — спросил Крот.

— Ага!

— Ну, потерпи немножко. Ты долго терпел, осталось чуть-чуть.

— Без базара, шеф!

Крот придвинул к себе магнитоу, включил ее и настроился на волну экстренных новостей. Диктор говорил по-английски очень бегло и половину слов я не понимал, потом перешел к новостям о работе экспертов ООН:

— Сегодня эксперты ООН инспектировали горно-обоганительный комбинат близ города Хин. По мнению ведущих аналитиков США, именно здесь могла находиться секретная лаборатория по созданию оружия массового поражения. Однако, несмотря на тщательную проверку всех помещений, подвалов и коммуникаций, никаких признаков производства ядерных изотопов обнаружено не было. Радиационный фон в районе комбината соответствует норме.

— Что?! — страшным голосом заорал Крот, сметая со стола магнитоу. — Почему?! Как это могло случиться?!

То, что передал диктор, было настолько неожиданным, что и я тоже не мог в это поверить. Может, мы все неправильно перевели английскую речь? Но даже на сомнения у меня уже не было времени. События стали развиваться стремительно. Акулов вдруг ловко выхватил из кармана нож и приставил его к горлу Крота. Автоматчики вскинули оружие. Я попятился назад, ближе к Ирэн.

— Прикажи им бросить оружие!! — рявкнул Акулов. Острое лезвие надрезало кожу на горле Крота, и выступила алая капля.

— Put your gun down!! — пронзительно закричала Марго солдатам. Крот, шлепая губами, повторил ее слова.

Миг удачи! Я кинулся к автоматчикам, которые уж слишком медлили, надеясь, что их шеф опять сумеет выкрутиться, перехитрить, выйти сухим из воды. Но нет, по кадыку, судорожно двигающемуся на горле Крота, бежала струйка крови. Я выхватил из рук двух солдат автоматы. Акулов оттолкнул Крота от себя, ударом по затылку свалил его на землю и крикнул мне:

— Автомат!!

Я кинул ему оружие. Солдаты закричали, замахали руками и побежали к лесу.

— Get them!! — истошно вопил Крот из-под стола.

— Кирилл, к джипу! — крикнул Акулов.

В цепи солдат, стоящих у кромки леса, началось оживление. Раздались первые выстрелы.

— Дайте мне тоже оружие! — умоляла Марго.

Ирэн схватила ее за руку и потащила за собой к джипу. Мы с Акуловым пятились спиной. Солдаты забегали, рассредоточиваясь между деревьями. Командир, который руководил ими, наверняка плохо понимал, что произошло. Снова прогремели разрозненные выстрелы.

— Идиоты!! Идиоты!! — скулил Крот, переворачивая стол и прячась за ним.

И тут началась безостановочная пальба. Над полем протянулись желтые нити трассеров. Мы с Акуловым рухнули в траву.

— Девчонки, ползком!! — крикнул я.

Мы отстреливались и отползали к шоссе. Пули впивались в землю рядом с нами и скашивали траву.

Ожил танк, взревел мотором, выпустил облачко черного дыма и стал наводить на нас орудие. Я вскочил на ноги, поливая из автомата.

— Бегите, иначе будет поздно. Вставайте! Бегите!

Акулов стрелял с колена короткими очередями. Горячие гильзы из его автомата падали к моим ногам. Танк вздрогнул, окутавшись дымом, затем раздался оглушительный выстрел и грохот разорвавшегося снаряда. Перелет! Как ножом срезало опору у моста. Легковая машина, стоявшая на

нем, скатилась к ограждению. Водитель, потерявший рассудок от страха, выскочил из нее и зачем-то прыгнул в реку. Мы бежали к джипу, стреляя, куда попало. Акулов вошел в раж, он что-то пел или кричал, и лицо его было перекошено до неузнаваемости. Ирэн и Марго, эти две ненормальные, выясняли отношения впереди нас. Вокруг нас свистели пули, взрывающаяся земля. На шоссе опять случился затор. Любопытные водители притормаживали и останавливались, чтобы поглазеть на необыкновенное зрелище. Танк снова принялся ворочать стволом... Но вот и обочина! Акулов, кинув автомат на заднее сиденье, прыгнул за руль. Какой-то зевака с тряпкой на голове что-то крикнул нам и показал кулак с вытянутым большим пальцем. Лобовое стекло вдруг лопнуло и покрылось сеткой трещин. Еще одна пуля угодила в борт.

— Быстрее! — орал Акулов, неистово надавливая на педаль акселератора.

Я буквально перекинул через дверку на заднее сиденье Ирэн и Марго и запрыгнул в машину уже на ходу. Беспощадно сигнала, Акулов помчался по шоссе. Нам загодя уступали дорогу. Я продолжал стрелять, прикрывая наш побег до тех пор, пока не кончились патроны.

— Мы ушли, ушли! — в неопишемом восторге кричал Акулов, ударяя по кнопке сигнала. Встречные машины, водители которых еще не видели баталии, отвечали нам пронзительными гудками. Я обернулся и посмотрел на девушек. Целы! Невредимы! Красавицы вы мои!

Джип свернул на грунтовую дорогу, мы заехали в лес, и Акулов заглушил мотор. Несколько минут мы сидели молча, не шевелясь, прислушиваясь к рокоту вертолета, который барражировал где-то над кронами деревьев.

Затем все стихло, и на раму ветрового стекла села пичужка с сиреневым хвостиком...

Глава 31

— Ты молодец, — сказал Акулов Марго. — Неужели сама до такого додумалась? А то мы так бы и остались в дураках.

Он взял свой автомат, отстегнул магазин и стал выковыривать оттуда патроны.

— Это счастье, что в памяти ее мобильного сохранился мой номер, — сказала Ирэн и, выйдя из машины, присела у зеркала заднего вида, — иначе всем нам пришлось бы очень плохо.

Я крутил головой, пытаюсь понять смысл этого разговора. Акулов повернулся ко мне и развернул ладонь, на которой лежали патроны.

— Семь штук. Ну что? Поделиться с тобой?.. А впрочем, забирай все! Они тебе больше пригодятся. — И он высыпал патроны мне в накладной карман.

Я будто онемел. Я не знал, что говорить, о чем спрашивать, как себя вести и вообще, как жить дальше.

— У тебя такой вид, — озабоченно произнес Акулов, глядя на меня, — словно ты что-то забыл на том поле.

— Я ничего не забыл. Я просто не понимаю, о чем вы говорите. Причем здесь номер Ирэн? До чего Марго додумалась?

— Так ты не в курсах! — почему-то обрадовался Акулов и хлопнул меня по плечу.

— Когда Крот вышел из вертолета и начал рассказывать нам о своих гадких делишках, — стала пояснять Марго, — я незаметно нажала кнопку вызова на своем мобильнике. И вызов пошел на последний входящий номер. То есть, на телефон Ирэн.

— Значит, вы услышали все, что он говорил?! — воскликнул я.

— Слава богу! — ответил Акулов. — Иначе бы мы натворили дел. Телефон Ирэн зазвонил, когда мы стояли уже перед самыми воротами комбината. Послушали, за головы схватились и сразу дали задний ход.

— А где колба?

Ирэн и Акулов переглянулись.

— Видишь ли, — ответил Акулов, — у меня принцип жизни — чужого не брать. Этот изотоп принадлежит Лобскому. Вот я и вернул его ему.

— Как вернул?!

— Да что ж ты так реагируешь? У тебя уже нервы ни к черту... Перед тем как подойти к вам, я незаметно подобрался к вертолету, развинтил колбу и затолкал плутоний под поролон сиденья Лобского... Руки немного обжег, вот что плохо. Зато он вдоволь погреет свою задницу жестким излучением. — Он вышел из машины и обвел нас взглядом: — Вы меня, ребята, простите, но я сюда приехал за деньгами и вернуться домой без них не могу. А заработать тут есть где. Так что я вас покидаю...

Я остался один с Марго и Ирэн. Вот, в общем-то, к чему я пришел.

Идиотская ситуация. Только необходимость заботиться о жизни и здоровье двух девчонок не позволила мне окончательно свихнуться. В этой стране мы считались террористами и вряд ли могли выжить. И я не придумал ничего более умного, чем повести девушек обратно — через границу, болота и скалы к обломкам самолета, в надежде, что там нас найдут спасатели.

Спасатели обнаружили нас лишь две недели спустя и какими-то окольными путями переправили в посольство России в Непале. Там нас подлечили, приодели и посадили на самолет, улетающий на родину.

Из аэропорта в город мы ехали в одном такси, но при гробовом молчании. Ирэн назвала свой адрес, я — свой, а Марго не сказала ничего. На улице Гагарина Ирэн вышла первой. Я, сжав зубы, ждал, как она будет прощаться, и вышел следом за ней.

Ирэн стояла передо мной, покусывала губы и покачивалась на каблуках.

— Я хочу тебе сказать... В общем, я тебя ни к чему не обязываю, потому что воспринимаю твои слова, которые ты мне сказал тогда, в камере, как игру, — на одном дыхании произнесла она и быстро отвернулась.

— Ирэн, но играла только ты! Я ведь не знал, что все это спектакль!

— Ты играл, Кирилл, — дрогнувшим голосом возразила Ирэн. — Тебе легко было признаться мне в любви, так как ты был уверен, что завтрашний день для нас не наступит никогда, и тебе не придется доказывать поступками свое признание. Перед казнью можно сказать все, что угодно — ведь нет никакого риска пожалеть об этих словах в будущем.

— А ты?

— Что я? Там, в камере, я знала, что мы останемся живы. И потому готова ответить за каждое свое слово...

Сказав это, она повернулась и быстро пошла прочь. Я хотел кинуться за ней, но тут водитель начал нервно сигналить. Что происходит? Нелепость! Абсурд! Куда она уходит? Она же любит меня!.. Я вернулся к машине. Моя маленькая Марго опустила голову на спинку водительского сиденья и тихо плакала. Шмыгая носом, она тихо сказала:

— Кирилл, пожалуйста, не оставляй меня... Я не могу без тебя... Я буду всегда тебя любить...

Девчонки, милые, что ж вы со мной делаете? Христианский грех беру на душу, потому что люблю вас обеих, и не знаю, что делать, что будет, и нервы вы мне все вымотали, и сердце как лимон выжали, и слезы иссушили, и бегу я от вас, и умираю без вас...

Я повернулся и пошел куда-то, через дорогу, через кусты, фонтаны, по газонам и клумбам...

Эпилог

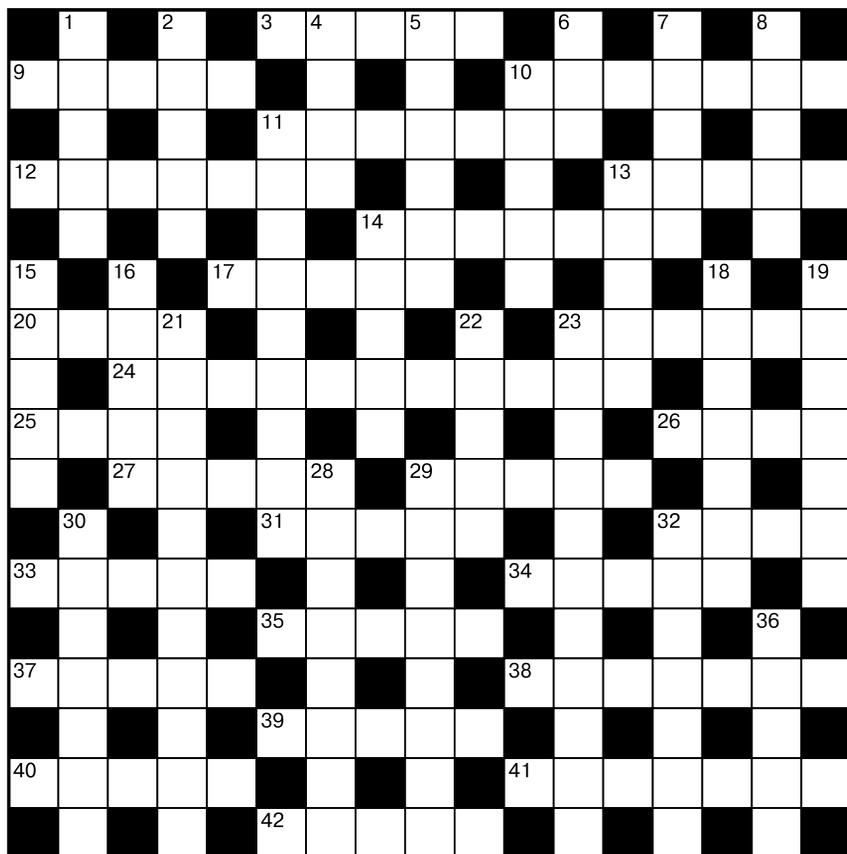
Крот вернулся в Россию, где вскоре слег в больницу с признаками острой лучевой болезни. Умирал он очень тяжело. Его лихорадило, беспрерывно кровоточили десны, выпали волосы и брови.

Я как-то навестил его. Он держал меня за руку, просил у меня прощения и шептал, что уже много, много лет безответно любит Ирэн, что мечтал расквитаться со старыми обидчиками и начать с ней новую жизнь. Потом он еще что-то говорил, но речь его уже была бессвязной и бессмысленной.

Я вышел в больничный коридор и тихо прикрыл дверь. На какое-то мгновение мне показалось, что я забыл в палате у Крота что-то очень важное, что составляло дело всей моей жизни. Или забыл у него что-то спросить, или что-то сказать ему...

На следующий день Крот умер. Игра на выживание закончилась... □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** «Юла в исполнении балерины». **9.** Катализатор сбыта. **10.** У какой африканской страны самый большой в мире торговый флот? **11.** «Погромщик» на вечеринке. **12.** Кто «урчит, и свищет, и гремит» в стихотворении Александра Пушкина? **13.** Дело кузнеца. **14.** Кому из наших лауреатов Нобе-

левской премии дважды удалось чудом избежать расстрела? **17.** «Склонилась, тихо положила младенца на ... чужой, со страхом очи отвратила и скрылась в темноте ночной». **20.** Караван в степи. **23.** Где стоит голкипер? **24.** По просьбе кого из композиторов Роберт Рождественский написал поэму «Реквием» для

одноименной оратории памяти павших в Великой Отечественной войне? **25.** Злейший враг спокойствия. **26.** Какое насекомое около ста лет тому назад «участвовало» в выборах шведских бургомистров? **27.** Античный златоуст. **29.** «Край земли» у моря. **31.** «Человек с компьютерными мозгами». **32.** Место сбора спецназа. **33.** Каким методом Мэрилин Монро боролась с заиканием? **34.** Приведение курка в боевую готовность. **35.** Священная кувшинка индусов. **37.** Шарлотка глазами кондитера. **38.** Клиент кредитора. **39.** Какой цветок считают смертельно опасным для кошек? **40.** Великанские пельмени. **41.** Таможенная проверка. **42.** Чем асфальт выравнивают?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Выяснение мнений. **2.** Навар с продажи. **4.** Где до поры до времени живет трутень? **5.** Что заменило мороженое на

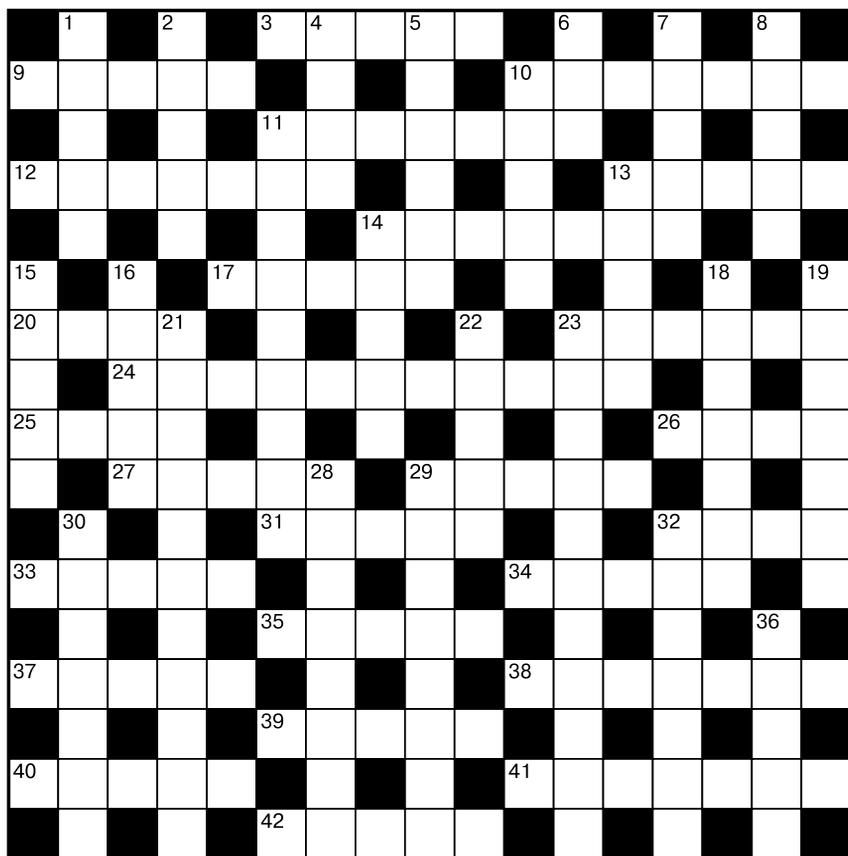
съемках эпизода с выстрелом из комедии «Бриллиантовая рука»? **6.** Где меткость формируют? **7.** Портретист Мамонтовых. **8.** Прицеп к иголке. **10.** Цитрус, чьим соком выводят веснушки. **11.** «Начальник взрыва». **13.** Федор Петрович среди комедийных джентльменов удачи. **14.** Кого из классиков считают создателем жанра баллады для фортепьяно? **15.** С какой рекой связана Сталинградская битва? **16.** Какие бусы сильный пол носит? **18.** Три сестры на карте Перу. **19.** Целебный настой на травах. **21.** «Материальная ... ведет к экспериментам на духовности». **22.** «Оппонент» сибарита. **23.** Что можно совершить через WhatsApp? **28.** Стекло глазного иллюминатора. **29.** Какое стихотворение, как утверждал Лев Толстой, стало тем зерном, из которого вырос роман «Война и мир»? **30.** Гулливер в глазах лилипутов. **32.** Минералка кавказского разлива. **36.** Рацион во благо фигуры.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Душа. **6.** Рубцов. **10.** Дантист. **11.** Лакмус. **12.** Магнит. **13.** Вокализ. **14.** Вуаль. **17.** Кот. **18.** Фольклорист. **21.** Интеллект. **22.** Князева. **25.** Бордо. **26.** Сумароков. **27.** Атом. **29.** Волошин. **30.** Котик. **31.** Леонов. **33.** Собаковод. **36.** Даллас. **38.** Дама. **39.** Картридер. **40.** Тыва. **41.** Дыня.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Долг. **2.** Шукрут. **3.** Бас. **4.** Отговорка. **5.** Асфальт. **7.** Указ. **8.** Цена. **9.** Вето. **10.** Дуэль. **12.** Миллениал. **14.** Волна. **15.** Дроздобород. **16.** Псевдоним. **19.** Геном. **20.** Гладков. **23.** Кулинария. **24.** Табльдот. **25.** Богослов. **28.** Когорта. **29.** Вожак. **32.** Борец. **34.** Дары. **35.** Заря. **37.** Сад.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Какое лакомство изначально на Руси продавали только в аптеке? **9.** Сибирское название косули. **10.** С кем договорился встретиться в шесть часов вечера после войны brave солдат Швейк? **11.** Кто из дочерей Неря отверг любовь сицилийского цикло-

па Полифема? **12.** Немецкая «гора с призраками». **13.** Какого бессмертного попугая можно найти у братьев Стругацких? **14.** Футбольные братья по прозвищу «техничный датский динамит». **17.** Герой оскароносной драмы «Одержимость». **20.** Вершина подводного камня. **23.** Одна из са-

мых громких обезьян в мире. **24.** Какое королевство покорил Карл Великий в 774 году? **25.** Интеллектуальный минимум средневекового араба. **26.** Община в Древней Греции. **27.** «Скала посреди полярного пейзажа». **29.** Вегетарианское «сало». **31.** Растение, которое запасается воздухом, потому что ему не нужно запасаться водой. **32.** Короткий меч фракийцев. **33.** Отпрыск цепи силлогизмов. **34.** Плащ французского герцога XIII–XV веков. **35.** Боевая кирка монахов Шаолиня. **37.** Повелитель времени у древних египтян. **38.** Кого считают самым умным и самым лживым из венецианских дождей? **39.** Гибрид из семейства кошачьих. **40.** Итальянский поэт, гарибальдиец. **41.** Белорусское пюре из картошки. **42.** Хоровод у азербайджанцев.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Макар из первого опубликованного рассказа Максима Горького. **2.** Дialect китаянского языка. **4.** Порода в пред-

ках бульдогов. **5.** Бойный голубь из Туркмении. **6.** Заменитель мяса в колбасе. **7.** Огненный гранат с персональным музеем в городе Требниц. **8.** Единственное щупальце нейрона. **10.** Девочка, что заменила маму сказочному Питеру Пэну. **11.** Какой прибор передает депеши вспышками? **13.** Военный дробовик из старинных времен. **14.** Двухмачтовая лодка. **15.** Традиционная одежда киргизов. **16.** Любимая яхта Эрнеста Хемингуэя. **18.** При каком короле отчеканили первый польский грош? **19.** Лучшая бязь. **21.** Манерное стремление к артистическому блеску. **22.** Домашний сыр с изюмом. **23.** Область головного мозга, расположенная под зрительными бурами. **28.** Что начинало «волчий месяц» у славян? **29.** Из какой трещины дымит вулкан? **30.** Горный дух, ставший одним из металлов. **32.** Благородная грусть в национальном характере португальцев. **36.** Популярный у японцев морской салат.

Ответы на эрудит, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Ромм. **6.** Риммер. **10.** Сенегал. **11.** Мирцев. **12.** Нандин. **13.** Инсульт. **14.** Кубит. **17.** Сай. **18.** Скарамангий. **21.** Высотская. **22.** Фракиец. **25.** Кувас. **26.** Лагенария. **27.** Бран. **29.** Бигуден. **30.** Фибра. **31.** Азалия. **33.** Рейзингер. **36.** Абсент. **38.** Сито. **39.** Тайкомоти. **40.** Саса. **41.** Моко.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Ромб. **2.** Мардуй. **3.** Зев. **4.** Дейнократ. **5.** Захухря. **7.** Ипат. **8.** Мидж. **9.** Рэнд. **10.** Семик. **12.** Ньюмаркет. **14.** Камыш. **15.** Анаксаридес. **16.** Видеоигра. **19.** Яодун. **20.** Асфалия. **23.** Датедзими. **24.** Абрахамс. **25.** Катарсис. **28.** Вузетка. **29.** Биант. **32.** Ането. **34.** Римо. **35.** Хого. **37.** Тал.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2024 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф. И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 237 рублей 60 копеек	За 1 номер — 269 рублей 50 копеек
За полугодие — 1425 рублей 60 копеек	За полугодие — 1617 рублей 00 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2024 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

! ВНИМАНИЕ! Анонс на №10-2024

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

« Кто такая Анастасия Ягужинская, знают не только наши читатели, интересующиеся историей, но и те, кто смотрел телесериал «Гардемарины, вперед!»

А вот судьба ее матери, Анны Гавриловны Бестужевой-Рюминой, была не менее интересной и трагичной. Как получилось, что одна из блестящих красавиц царского двора 18-го века завершила свой жизненный путь в далекой Сибири?..

Светлана Марлинская «Статс-дама Екатерины I»

« Имя Вячеслава Клымова мало что говорит читателю, тем не менее, это был человек, который, даже живя за границей, очень много полезного сделал для России. Во время Первой мировой войны именно он сумел договориться с североамериканскими штатами о поставке так нужных на фронте грузовиков и многого другого. В революционную Россию он так и не вернулся, осел с женой сначала в Германии, потом в Париже, стал даже популярным автором нескольких книг, но, в первую очередь, оставался таким же успешным предпринимателем, не прерывая связи с родиной и продолжая через посредничество помогать ей, оказывая всевозможную финансовую помощь.

Александр Ралот «Нужный человек»

« Один из самых популярных исполнителей первой половины XX века Александр Николаевич Вертинский объехал полмира, долго жил во Франции, а в 1940-х годах вернулся в Россию, где успел дать около 3000 концертов. Его голос, его манеру исполнения — жеманный речитатив — невозможно с кем-то спутать, другого такого нет. Это был уникальный певец, артист, поэт и композитор в одном лице. Ему рукоплескали принцы и короли, миллионеры и знаменитые киноактеры, и он продолжал выступать до самого последнего дня своей жизни, пока в 1957 году не скончался от сердечного приступа.

Юрий Осипов «Александр Вертинский. Я усталый, старый клоун...»

« Почти у каждого советского ребенка в доме была книга «Старик Хоттабыч», а если даже не было, он наверняка смотрел фильм-сказку про Вольку Костылькова и про джинна, выпущенного им из лампы. Кто же стоял за этой волшебной сказкой? Имя автора — Лазарь Иосифович Гинзбург. А Лагиным он стал, когда подписал под этим псевдонимом, который собрал из первых букв своих имени и фамилии, свой первый сборник «153 самоубийцы». Умер он в 1979 году, но мы и сегодня помним автора доброй сказки, где можно получить 22 мяча на футбольном поле или полный поднос эскимо в цирке...

Евгения Гордиенко «Старик Лазарь Иосифович»

Остросюжетный роман Екатерины Марковой «Плакальщица»